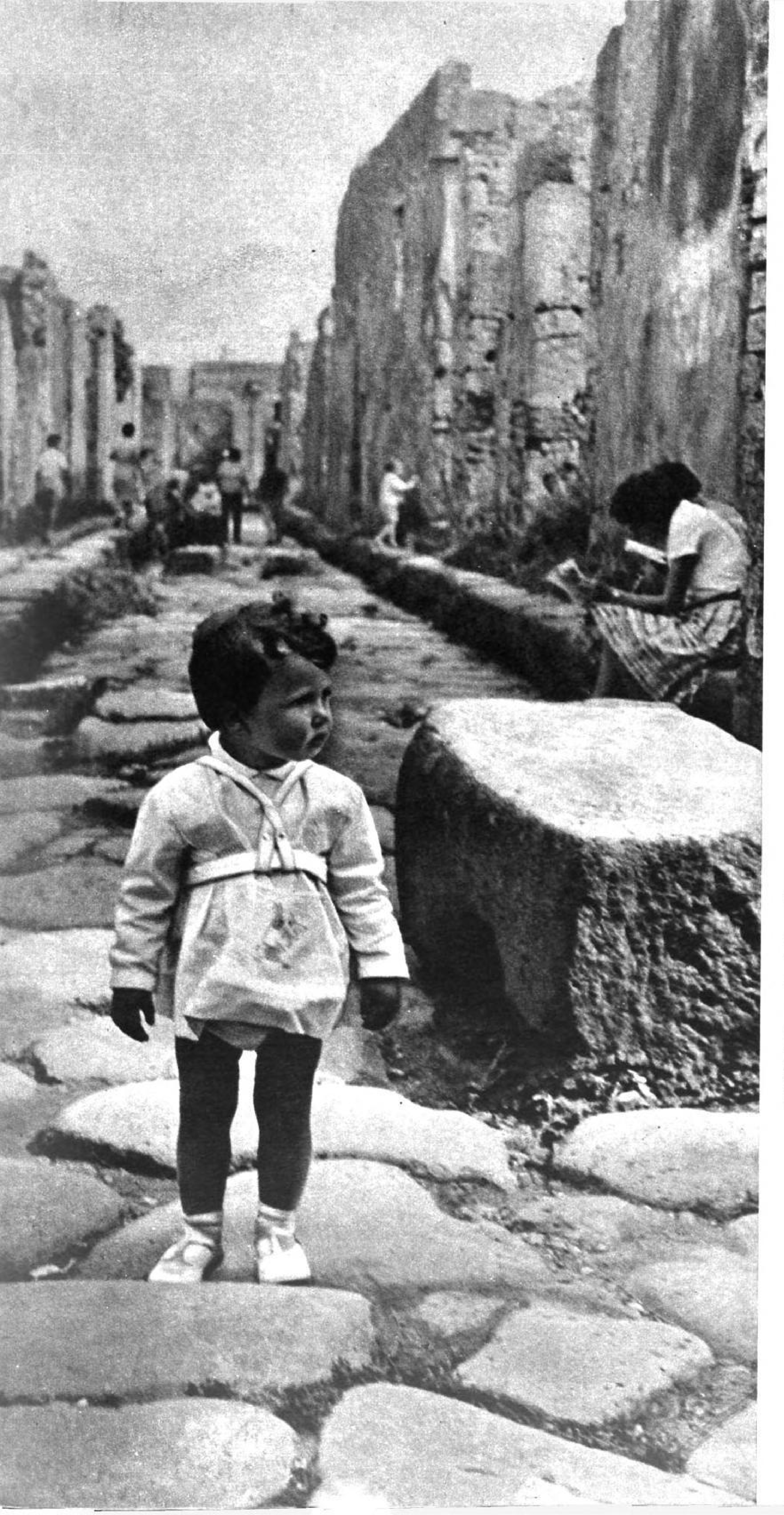
Ждем вас, спортсмены, с победой!

ЛЕНИНСКИЕ ПЯТНИЦЫ

Виталий Закруткин — КАРПАТСКАЯ РАПСОДИЯ

РЕПОРТАЖ ПО СЛЕДАМ ОДНОЙ ЦИФРЫ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

42-й год издания

№ 6 (1911)

2 ФЕВРАЛЯ 1964

Какую дорогу выберет Человек?

Может быть, его зовут Карло, может быть, Пьетро, может быть, даже Мария. Среди развалин древней Помпеи маленький итальянец делает первые в жизни шаги. За его спиной — древняя культура, великие созидания и великие разрушения. Он еще не знает трагического прошлого этих камней, не знает их отполированного туристскими подошвами настоящего, не знает будущего. Человек только еще начинает осматриваться. И от того, какую дорогу он выберет, во многом зависит будущее.

Мы хотим преподнести маленькому Человеку подарок — несколько фотографий для его будущего фотоальбома. Они сделаны в Италии, в те дни, когда его мама отстегнула от шлейки поводок и Человек сделал попытку шагать и смотреть на мир самостоятельно...

Продолжение —

на 22-й стр.

Курган. Новые дома на улице Карла Маркса.
Фото Г. Санько.

... в 1963 году введены в эксплуатацию жилые дома общей площадью более 77 миллионов квадратных метров, или около 2 миллионов новых благоустроенных квартир.

Город красив и удобен

Начальник областного отдела по делам строительства и архитектуры Курганского промышленного облисполкома Вера Абрамовна Корочанская по просьбе редакции рассказала нашему корреспонденту:

— За 1963 год в городе Кургане возведено 65 многоэтажных домов — 71 тысяча квадратных метров жилой площади. Более 2 300 семей получили благоустроенные квартиры с ванными комнатами, газом, горячей водой. В минувшем году открылись сады и ясли для 600 ребят. Благоустраивается не только центр города, но и окраины. В западном районе строятся жилые крупнопанельные дома. В прошлом году открылась новая школа на 960 мест. С пуском радиорелейной линии Курган — Свердловск жители города Кургана получили возможность смотреть телепередачи из разных городов Советского Союза. На привокзальной площади города построен клуб железнодорожников с большим зрительным залом.

В 1964 году город дополнительно получит тепло от ТЭЦ, что позволит закрыть мелкие домовые котельни, и тем самым улучшится санитарное состояние города. Перед новым годом закончено строительство комфортабельного шестиэтажного здания гостиницы с рестораном и кафе, парикмахерской, почтой, различными мастерскими по ремонту.

Построены большие продовольственные магазины «Заря», «Радуга», кафе «Огонек». В Рябковском районе города появились широкоэкранный кинотеатр на 600 мест, противотуберкулезный диспансер. Возводится больница на 400 мест.

Цифры нашей жизни

Центральное статистическое управление подвело итоги выполнения государственного плана развития народного хозяйства Советского Союза в 1963 году. Эти итоги вызывают у советских людей законное чувство гордости. Семилетний план перевыполняется. За пять лет валовая продукция промышленности увеличилась на 58 процентов вместо 51 процента, предусмотренного планом. Повысились материальное благосостояние и культурный уровень жизни советского народа.

Мы взяли несколько цифр из сообщения Центрального статистического управления при Совете Министров СССР и постарались их проиллюстрировать.

Цифры нашей жизни

Пособия от государства получили свыше 6 миллионов многодетных и одиноких матерей.

Объем розничного товарооборота государственной и кооперативной торговли составил 91,6 миллиарда рублей и увеличился по сравнению с предшествующим годом в сопоставимых ценах на 5 процентов.

20 000 покупок

ИНТЕРВЬЮ С ДИРЕКТОРОМ ТАЛЛИНСКОГО УНИВЕРМАГА ЭДГАРОМ ПАРМЕТОМ

Вопрос. Расскажите, пожалуйста, чем минувший, 1963 год в вашем магазине отличается от 1962 года?

Ответ. Тем, что в 1963 году у нас было значительно больше покупателей. Знаете, сколько человек приходит ежедневно в наш сравнительно небольшой магазин? Тридцать тысяч!.. Только в одном нашем магазине таллинцы ежедневно делают двадцать тысяч покупок!

Вопрос. Что же они покупают?

Ответ. Большой спрос на культурные и хозяйственные товары. Например, в 1962 году мы продавали по два мотоцикла в день, а в 1963-м — по три. Стиральных машин за 1962 год мы продали 2 200 штук, а в 1963-м — 3 600. Намного больше мы продали холодильников, телевизоров, пианино, аккордеонов, фотоаппаратов. Ну, а количество проданных тканей в конце года мы измеряем уже не тысячами метров, а тысячами километров: в 1963 году мы продали 1 700 километров только хлопчатобумажных тканей.

Вопрос. Что же будет дальше, если с каждым годом количество покупателей будет так расти? Вам ведь будет тесно?

Ответ. Нам уже тесно, хотя наш магазин можно считать новым: он открылся в 1960 году. Когда его проектировали, не смогли представить себе, что три года спустя покупателей будет так много. Но это поправимая беда. Рядом с нашим теперешним зданием есть свободное место, и архитекторы уже создают проект филиала, который, по существу, будет вторым универмагом, так как по площади он будет таким же, как нынешний.

Н. СЕРГЕЕВА

Семья матери-героини

Мария Александровна Боровикова, ведающая Ленинградским городским отделом социального обеспечения, на память называет цифры:

— В минувшем году матерям выплачено пособий 1 120,8 тысячи рублей, награждены медалями и орденами 96 многодетных матерей.

...Дом 52 на Чкаловском проспекте. Квартира 22. Нас встречает Анна Захаровна Самойлина.

— Едва ли удастся вам всех увидеть,— говорит Анна Захаровна.— Верочка, Петя и Люба в детском садике. Они скоро должны вернуться. Наденька в школе. Вася, самый старший, учится в художественно-декоративном театральном комбинате. Гриша — на два года моложе Васи — на заводе. У него сегодня срочный заказ. Володя учится в школе-интернате, приходит домой по воскресеньям. Юрочка, он вообще редко бывает дома, занимается в хоровом училище Ленинградской академической капеллы и там живет. Но завтра он придет домой, у него день рождения, исполняется 8 лет. Коля учится в художественной средней школе при Институте живописи, скульптуры и архитектуры.

К. ЧЕРЕВКОВ

ШИРОКИЙ ЭКРАН В ГОРАХ

Количество киноустановок достигло 129 тысяч. За истекший год число посещений киносеансов составило примерно 4 миллиарда, из них 1,5 миллиарда в сельской местности.

Начальник Главного управления кинофикации Грузинской ССР Хонелидзе Савлен сказал нашему корреспонденту:

— Вы можете судить о развитии кинофикации по нескольким цифрам. Сейчас в Грузии около 1 500 киноустановок. Число посещений киносеансов за год — 40 миллионов. Мы стремимся к тому, чтобы в селах были стационарные помещения, хотим поменьше пользоваться кинопередвижками. Уже в прошлом году передвижки составляли всего лишь 22 процента к общему количеству киноустановок на селе. Еще одна примета времени: в горах появились широкоэкранные кинотеатры — в высокогорном селе Цагери, в центре Пшав-Хевсуретии, в селе Тионети, в горной Багдановке. Строится широкоэкранный в сванском селе Лентехи. Всего в республике 45 таких кинотеатров.

СОЛДАТЫ ПОБЕДЫ

В РЕДАКЦИИ «ОГОНЬКА» ВСТРЕТИЛИСЬ ГЕРОИ БИТВЫ НА ВОЛГЕ * ОНИ НЕ ВИДЕЛИСЬ БОЛЕЕ ДВАДЦАТИ ЛЕТ

Год назад в журнале «Огонек» (№ 6 за 1963 год), посвященном великой битве на Волге, была опубликована статья Маршала Советского Союза Василия Ивановича Чуйкова «В боях за тракторный завод». Маршал рассказывал о группе лейтенанта Очкина, о подвиге юного героя Вани Федорова, о подвиге «57 бессмертных». В статье упоминались имена многих бойцов, о судьбе которых не знали ни В. И. Чуйков, ни командиры, докладывавшие ему о боях на тракторном заводе и на волжской круче. Вскоре редакция стала получать письма, отклики на эту статью. Так был обнаружен адрес участника боев за кручу — Николая Ильича Смородина. Затем дала о себе знать Антонина Моисеевна Давыдова, которую бойцы ласково называли «Солнышко».

Редакция «Огонька» пригласила героев в Москву.

...Какое солдатское сердце не дрогнет от волнения и радости, когда встречаются друзья по фронту! Двести дней и ночей в окопах под беспрерывным огнем авиации, пушек, пулеметов. Двести дней и ночей делили горе и радости на равных рядовые бойцы, офицеры и генералы — солдаты победы. Так было на священных рубежах — на подступах к Волге — в 1942 году. Кто-то из них был вынесен раненым из огня, кто-то затерялся в лабиринтах развалин в городе, а затем отправлен в госпиталь со смутными надеждами на возвращение в жизнь, кто-то остался в строю и пошел от берегов Волги туда, на Запад, чтобы водрузить знамя победы над Берлином. И вот они встретились.

Продолжала улучшаться медицинская помощь населению.

Крым в Челябинске

Хотя до берегов солнечного Крыма тысячи километров, но жители Челябинска могут, например, побывать в Ялте и не выезжая из родного города. «Ялтой» здесь называют кабинет климатотерапии в новой поликлинике Советского района.

...На одной из стен просторного зала пейзаж живописного Крымского побережья. Гаснет свет, зажигается панорама, и человек словно в широком окне видит стройные вечнозеленые кипарисы, вьющиеся по горным склонам дороги, волны Черного моря. Постепенно нарастает шум морского прибоя, да и воздух все свежее, его можно вдыхать полной грудью — настоящий, морской, насыщенный кислородом.

Вместе с магнитофонной лентой, создающей иллюзию прибоя, включаются мощные ионизаторы, бактерицидные лампы...

Ежедневно получасовое пребывание на таком «Крымском побережье» приносит большую пользу людям, страдающим бронхиальной астмой, заболеваниями дыхательных путей, сердечной недостаточностью...

Кабинет климатотерапии — один из 55 врачебных кабинетов нового клинического отделения. Шестьдесят врачей заботятся тут о здоровье жителей Советского района города. Широко применяются новейшие методы диагностики, лечения, профилактики.

Еще одна новинка поликлиники — кабинет геронтологии и гериатрии. У него уже более 120 постоянных посетителей — люди пожилого и даже пенсионного возраста. Здесь ведут борьбу со старостью.

— Новая поликлиника на улице Воровского,— сказал нам заместитель заведующего Челябинским горздравотделом И. М. Матовский,— одно из многих медицинских учреждений, построенных в Челябинске в минувшем году. Недавно завершено строительство нового трехэтажного здания поликлиники в Металлургическом районе. Терапевтический корпус на 200 коек создан в больничном городке тракторного завода. Он обошелся государству в 625 тысяч рублей и оснащен по последнему слову медицинской науки. Сейчас специальная бригада Казанского завода медицинских инструментов завершает здесь монтаж сложнейшего аппарата искусственной почки.

А. ГРИГОРЬЕВ

В школах-интернатах, в школах и группах с продленным днем насчитывалось 2,4 миллиона учащихся, или на 360 тысяч больше, чем в предыдущем учебном году.

Постоянный помощник

Прошло несколько лет, и понятие «продленный день» прочно вошло в нашу жизнь, стало постоянным помощником взрослых и детей.

Мы попросили Рашель Давыдовну Тригер — учительницу 91-й московской школы — рассказать о продленном дне.

— В нашей школе два совершенно различных продленных дня.

Для первоклассников мы создаем такой режим дня, в котором обязательно присутствует отдых — «мертвый час». Ведь малышам трудно сразу приспособиться ко всем школьным нагрузкам. После обеда и сна в специальной комнате отдыха они готовят уроки. Учитель всегда готов прийти им на помощь. Потом прогулка, книжки, игры.

Сложнее,— продолжает свой рассказ Р. Д. Тригер,— организовать продленный день старшеклассников. Их время нужно заполнить не только учебой и прогулками, но и занятиями, которые расширяют их знания по программе, делами, которые воспитывают школьников, приучают к труду.

...Уроки сделаны, но впереди еще много времени. И ребята принимаются за пионерские дела. Каждое звено готовится к сбору. С интересом ребята наши относятся к сборам, посвященным науке и технике. Раз в два месяца в группе продленного дня отмечается коллективный день рождения. Весь класс участвует в торжествах. Выпускается газета, готовятся подарки, сочиняются поздравления. Существуют и кружки — драматический, кукольный, фото, радио и другие.

Дел у нас всегда очень много. И хотя продленный день заканчивается у старшеклассников в шесть часов, мы всякий раз задерживаемся. Ребята даже смеются: продлеваем продленный день!

М. ГРАНОВА

Только за один минувший год в стране получили новые квартиры, а также улучшили жилищные условия в ранее построенных домах 11 миллионов человек.

Началось с палаток

Все началось с палаток. В 1956 году по комсомольским путевкам на строительство алюминиевого завода приехали тысячи смелых и мужественных. Стройку объявили Всесоюзной ударной. Рождался город Шелехов.

Новому сибиряку всего два года, но как богат этот город красотой своих улиц, искренностью улыбок, размахом дел! Давно уже нет палаток — есть многоэтажные жилые дома, асфальтированные дороги, парки и скверы, широкоэкранный кинотеатр, школа-интернат, магазины, детские сады и ясли.

У широкоэкранного кинотеатра «Юность».

Встретились через 21 год в редакции «Огонька».

Сюда пришли бывший командарм легендарной 62-й, дважды Герой Советского Союза, маршал Советского Союза Василий Иванович Чуйков; командир группы «57 бессмертных» лейтенант Алексей Яковлевич Очкин, названный в дни боев за Тракторный завод «Огоньком»; наводчик-разведчик из этой группы Николай Ильич Смородин, потерявший на войне обе ноги, но продолжающий стоять в строю (он работает столяром в совхозе «Чаинка», Купинского района, Новосибирской области); боец-разведчик, затем санинструктор группы Антонина Моисеевна Давыдова (теперь она старший стрелочник железнодорожной станции Томск-1); Борис Васильевич Филимонов, бывший комиссар противотанкового дивизиона, ныне работник «Ремстройтреста» Фрунзенского района Москвы; Владимир Владимирович Гусев, заместитель начальника политотдела этой дивизии, ныне подполковник запаса; Евгений Викторович Вучетич — народный художник СССР, скульптор, автор строящегося памятника-монумента на Мамаевом кургане. Пришли на эту встречу писатели и журналисты Москвы. С гостями из Сибири приехали их дети: дочь Давыдовой Рая и сын Смородина Коля.

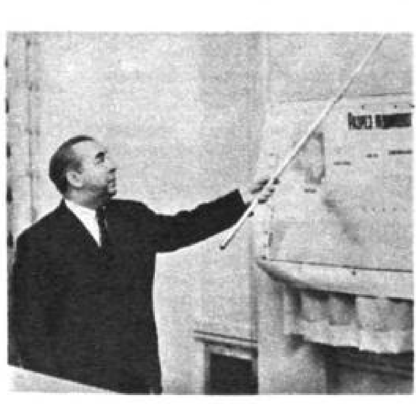
О том, как прошла эта встреча, что нового узнали мы о героях битвы на Волге, об их жизни после войны, мы расскажем в одном из ближайших номеров «Огонька».

На снимке: А. Я. Очкин, А. М. Давыдова, маршал Советского Союза В. И. Чуйков, Н. И. Смородин. Во втором ряду: Рая Давыдова, Б. В. Филимонов, В. В. Гусев, Коля Смородин.

Фото А. Бочинина.

Полярники и дипломаты

Рассказ академика Е. К. Федорова слушают сотрудники посольств скандинавских стран.
Фото Я. Берлинера, АПН.

В Москве состоялась встреча дипломатов скандинавских стран с советскими полярниками, исследователями Арктики и Антарктики.

Академик Е. К. Федоров рассказал об открытиях советских полярников в Северном Ледовитом океане, об исследованиях на станции «Северный полюс-10» и «Северный полюс-12».

Начальник Главного управления гидрометеорологической службы при СМ СССР Е. И. Толстиков сообщил о результатах работы наших ученых у другого полюса Земли, в Антарктиде.

Полярный летчик А. С. Поляков рассказал о полетах в Антарктиде.

Директор Арктического и Антарктического института А. Ф. Трешников говорил о сотрудничестве ученых разных стран в исследованиях шестого континента. Двенадцать стран, участвующих в этих исследованиях, заключили договор, по которому Антарктида объявлена безатомной зоной.

Поблагодарив за интересную встречу, посол Норвегии Фритьоф Якобсен отметил, что проблема полярных исследований близка народам Северной Европы. Их радует, что изыскания скандинавских исследователей-полярников нашли таких славных продолжателей.

П. ПЕТРОВ

РЕПОРТАЖ ИЗ ПАНАМСКОЙ «ЗОНЫ»

По улицам Панама-сити несут полотнище национального флага, чтобы собрать средства на похороны панамцев, расстрелянных 9 января.

В. ПОЛЯКОВСКИЙ

10 дней в Панаме. Дней, наполненных до предела встречами, беседами и интервью с десятками, сотнями самых разнообразных людей. Национальные флаги страны. Сотни, тысячи флагов: больших, колышущихся над зданиями столицы, на площадях и улицах, маленьких — в витринах магазинов, на антеннах автомашин, на просоленной робе рыбака, на элегантном платье дамы из высшего общества. Я не побоюсь сказать, что культ национального флага в сегодняшней Панаме — это проявление любви панамцев к своей родине, которую США так бесчеловечно грабили и оскорбляли более полувека.

Повсюду в Панаме лозунги и плакаты. Написанные мелом, чернилами или красками на стенах домов, аккуратно выведенные на стеклах и бортах автобусов, они выражают чувства, испытываемые панамским народом.

Чаще всего встречаются такие призывы: «Долой американских убийц!», «Суверенитет или смерть!», «Панама будет принадлежать панамцам!».

А разве сейчас Панама не принадлежит панамцам? Целиком нет. Часть территории страны в зоне канала принадлежит США, причем не по закону, не по взаимной договоренности, а потому, что она захвачена сильным у слабого, отобрана у маленькой Панамы. Зона канала — это своеобразное государство в государстве, американский штык в груди панамского народа.

Мне удалось побывать в зоне канала. Сделать это совсем нетрудно, ибо она начинается прямо в столице Панамы. По одну сторону авениды 4 Июля — панамцы зовут ее теперь авенидой Павших борцов — расположена собственно Панама, по другую — «зона», то есть территория, превращенная США в гигантскую военную базу с 10 аэродромами, полигонами, школой специального назначения, где натаскиваются наемники для подавления национально-освободительного движения на латиноамериканском континенте.

Зона канала для американцев — это поистине рай земной. Среди парков и тенистых аллей горделиво возвышаются великолепные коттеджи. Здесь один врач приходится на 350 человек (в самих США — на 750). Зарплата на 25 процентов выше, чем в США, а стоимость квартир и цены на продукты питания значительно ниже. В зоне, где из 45 тысяч населения около 15 тысяч — панамцы (главным образом негры), такие же нравы, как на юге США. Неприкрытая расовая дискриминация, колонки с питьевой водой отдельно для «белых» и «черных». Действуют американские законы. Проживающие в зоне панамцы подчиняются американским шерифам, полицейским и военному начальству.

Американские власти не допускали на территорию зоны жителей Панамы из других районов. Однако в прошлом году они надумали провести так называемую операцию «Дружба». «Операция» состояла в том, что панамцев приглашали в зону и показывали им прелести «американского образа жизни». Эффект получился самый неожиданный. Увидев, в каких великолепных условиях живут американские «зонщики», и невольно сравнивая эти условия с теми, в которых они находятся сами, панамцы воспылали еще большим гневом к захватчикам, присваивающим огромные доходы от канала.

В последнее время панамо-американские отношения резко обострились. 9 января американская военщина расстреляла мирную манифестацию панамских студентов, попытавшихся в зоне канала поднять рядом с флагом США свой национальный флаг.

Мне очень хотелось побеседовать с генерал-майором Флемингом, американским губернатором Панамского канала. Но господин губернатор не счел возможным принять советского журналиста. Мне хотелось задать губернатору вопрос: «В чем, по его мнению, причина трагических январских событий?» И когда я узнал, что моего друга, корреспондента мексиканского журнала «Сьемпре», примет Флеминг, то попросил коллегу задать губернатору этот вопрос.

С любезного разрешения редакции журнала «Сьемпре» воспроизвожу ответ губернатора:

«Причина очень проста. У нас под рукой не оказалось второго флагштока, и мы во избежание беспорядка решили разогнать манифестантов. Разгоняя, пришлось начать стрельбу. Но ведь это так естественно...»

Вот как все просто!

На самом деле все далеко не так просто. Инцидент с флагом — проявление пламенной ненависти, бушующей в сердцах панамцев, свидетельство их непреклонного желания освободить зону от чужеземцев.

По городу патрулируют группы солдат национальной гвардии. Перед ними поставлена задача — воспрепятствовать дальнейшей антиамериканской манифестации. Складывается впечатление, что панамские власти, занявшие твердую позицию после расстрела 9 января, заколебались. Они напуганы массовым движением народа и не знают, что делать дальше. Оказавшись между двух огней (с одной стороны, народные массы требуют отмены кабального договора о канале, заключенного в 1903 году, с другой стороны, внутренняя реакция вкупе с Пентагоном добивается прекращения конфликта любыми средствами), панамские власти маневрируют, шарахаются из стороны в сторону.

Президент Панамы Чиари порекомендовал не проводить больше манифестаций и митингов, а спокойно ждать результатов дипломатических переговоров, ведущихся в Вашингтоне. По распоряжению министерства просвещения в учебных заведениях страны прекращены занятия. Цель — избежать «сборищ» самого беспокойного элемента страны — студенчества. Все правительственные органы, радио и телевизионные станции теперь уже называют январский расстрел панамцев (21 убитых и около 500 раненых) всего лишь «случайным инцидентом».

На народ Панамы подобные оценки производят совсем не «успокоительное» воздействие. Решимость продолжать борьбу растет. Эра безраздельного господства США в Панаме подходит к своему закономерному концу.

Панама (по телефону).

Власти Южного Вьетнама сгоняют в лагеря целые деревни.

ДЕЛО «КОРИЧ

В Бонне, на Гусаренштрассе (Гусарская улица), расположено ведомство, которого не имеет ни одно государство мира, кроме ФРГ. Официально заведение на Гусарской именуется «министерством по делам перемещенных лиц, беженцев и пострадавших в войне». Но его единственная функция — выдвигать реваншистские претензии, требовать «жизненного пространства», готовить всякого рода провокации против мира.

В эти дни кабинет министра пустует. Ганс

Ганс Крюгер и его анкета.

В небе — американские вертолеты, пилотируемые американскими летчиками.

Этот солдат одет в американскую форму, вооружен американским оружием и обучен искусству убивать. Он ведет войну, которая нужна Соединенным Штатам. Войну против своих соотечественников, патриотов Южного Вьетнама.

Уже не первый год идет эта война. Ее называют грязной, но не потому, что солдат-пехотинец южновьетнамской правительственной армии утопает по пояс в грязи во время походов против борцов за свободу. Ее называют так потому, что империалисты США поставили перед собой грязные цели: задушить движение патриотов в Южном Вьетнаме, превратить эту страну в оплот американского влияния в этом районе мира.

Журнал «Лайф», который опубликовал снимки, напечатанные здесь, сообщает, что правительственная армия Южного Вьетнама не испытывает недостатка в снабжении военными материалами. США действительно ничего не жалеют, чтобы одержать победу. Ничего, даже крови американцев. Во время сражений в джунглях Соединенные Штаты, официально не участвующие в этой войне, потеряли 94 человека убитыми, 483 — ранеными и 14 — пропавшими без вести.

Но ни оружие, ни американские инструкторы, ни зверские расправы с патриотами, попавшими в лапы южновьетнамских палачей, не приблизили США к победе в этой войне. Борьба за свободу Южного Вьетнама становится все шире, успехи патриотических сил все убедительнее. Сейчас, как пишет американский журнал «Тайм», советники Пентагона возлагают надежды на весну.

Жалкие надежды! Ничему не научила эта война Пентагон. Увязшие в позорной военной авантюре, Соединенные Штаты не смогут остановить всеобщее стремление народов к свободе.

...НЕВОГО ГУСАРА»

Крюгер, «гусар № 1», отправлен канцлером Эрхардом в принудительный отпуск, из которого, как полагают, он уже не вернется на прежний пост.

Причина не в том, что герр Крюгер недостаточно активно выполнял свои обязанности главного штатного реваншиста и подстрекателя. О нет, в отсутствии служебного рвения его не упрекнешь! Дело обстоит совсем иначе. Обнаружены документы, показывающие, что боннский министр был старым функционером нацистской партии, участником гитлеровского «пивного путча» 1923 года и членом так называемого „«специального суда», выносившего смертные приговоры польским патриотам. И общественность потребовала: вон гитлеровца!

Когда в декабре прошлого года на пресс-конференции в демократическом Берлине были оглашены данные о нацистском прошлом Крюгера, герр министр поспешил все опровергнуть. Он заявил, что был «простым членом национал-социалистской партии» и в «специальном суде» не участвовал.

Но отмахнуться от фактов оказалось невозможно. Было предъявлено личное дело Крюгера, в приложении к которому он сам с гордостью писал, что 20 апреля 1943 года (в день рождения Гитлера) гаулейтер назначил его ортсгруппенлейтером нацистской партии.

В характеристике, выданной Крюгеру, говорилось: «В отношении политической стойкости не может быть никаких сомнений».

Прижатый к стене неопровержимыми документами, нацист Крюгер был вынужден сдаться. Он неохотно процедил признание: «Да, было». На вопрос западногерманских журналистов, почему он вначале отрицал предъявленные обвинения, Крюгер ответил: «У меня совершенно выпало из памяти все это...»

Странная память у «коричневого гусара»!

Одним из предшественников Крюгера на министерском посту был Теодор Оберлендер, разоблаченный как палач и убийца. Оберлендера вынуждены были убрать. Теперь, похоже, придется убирать Крюгера.

Кто следующий?

День рождения друга

От Британских островов до Кубы расстояние немалое. И непросто предпринимать такие путешествия накануне своего девяностолетия. Но таков уж характер этого неустающего человека, так сильно его стремление узнавать новое, что ни годы, ни расстояние не остановили его. И Хьюлетт Джонсон совершил это путешествие. На Кубе он увидел строительство новой жизни и приветствовал тех, кто принес своей родине свободу.

Хьюлетт Джонсон, страстный борец за мир, имя которого хорошо известно всюду,— давнишний друг нашей страны. С первых дней революции в России он следит за успехами строительства социализма. Каждый год крепли его симпатии к людям, созидавшим новый мир. Уже второй десяток лет он возглавляет Общество британско-советской дружбы. Его благородная деятельность получила признание советского народа. Председатель Совета Министров СССР Н. С. Хрущев послал теплую телеграмму юбиляру, пожелав здоровья и успехов в его деятельности.

Еще один трофей

...Ладно скроен этот молодой белокурый боксер. Вес — около ста килограммов, но двигается парень по рингу легко и стремительно. Странно, но чем-то он напоминает сразу двух наших знаменитых тяжеловесов — Николая Королева и Альгирдаса Шоцикаса, сколь бы не схожи они ни были. От первого у молодого мастера — острый взгляд, тактика и недюжинная мощь, от второго — изящество маневрирования и непринужденная техника. Отличное сочетание!

Бой был прекращен в первом раунде. Нокаутом победил советский тяжеловес В. Емельянов. Так закончился этот интересный матч двух сильнейших команд Европы. Точнее, второй тур матча, потому что первый был в польском городе Лодзи немногим более месяца назад.

Первый тур не дал никому перевеса — 5 : 5. Надо ли удивляться, что огромный Дворец спорта в Лужниках не смог вместить всех, кто хотел посмотреть, чем завершится этот мужественный спор?

Рядом с ярко освещенным рингом стоял серебристый Кубок Европы — недавно учрежденный приз в честь француза Эмиля Гремо, ныне покойного, многолетнего президента международной любительской ассоциации бокса.

Кубок ждал у ринга: кто станет первым его обладателем? В начале прошлого года начались матчи. Боксеры Болгарии, ГДР, Румынии, Польши, Ирландии, Советского Союза участвовали в розыгрыше Кубка Европы. Для всех команд был труден путь. Вспомним, например, что польские мастера, казалось бы, безнадежно проиграв матч в Бухаресте — 3:7, сумели все-таки вырвать победу у себя дома, выиграв восемь поединков и проиграв всего два!

Не случайно в финале оказались давние соперники, боксеры Польши и СССР. Всегда они спорят о первенстве на ринге Европы.

Второй, московский тур матча на кубок показал, что на этот раз наши мастера подготовились лучше. Только в двух случаях ускользнула от нас победа: проиграл бой сопернику-другу С. Степашкин, не сумев ничего найти против быстрых, настойчивых атак П. Гутмана. Проиграл В. Баранников свой поединок с Ю. Грудзенем.

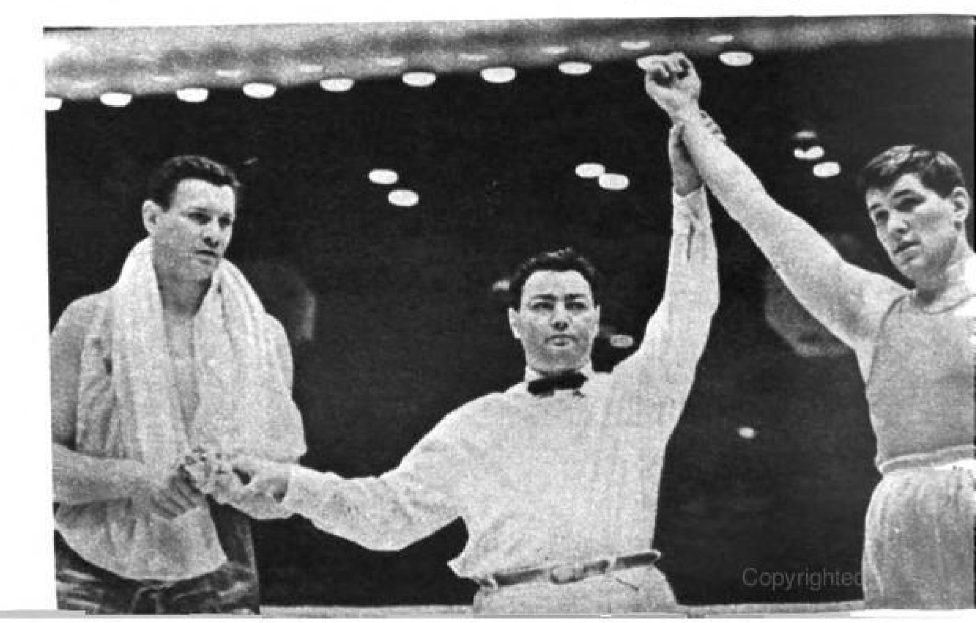
Остальные наши мастера выиграли. Каждый по-своему пришел к победе: ветераны ринга В. Быстров, О. Григорьев, более молодые их соратники Е. Фролов, Р. Тамулис, В. Агеев, В. Попенченко, Д. Поздняк и тяжеловес В. Емельянов.

Самый молодой спортивный приз — Кубок Европы по боксу — начал свою жизнь, оставшись в Москве.

Михаил АЛЕКСАНДРОВ

— Победил В. Емельянов!..

Фото А. Бочинина.

Российская Коммунистическая Партия

Московский комитет

Товарищу Ленину

начало 6½ час.

27/8

№

ПУТЕВКА

на митинги 30-го Августа 1918 г.

Тема: "ДВѢ ВЛАСТИ"/Диктатура рабочихъ и диктатура буржуазіи/

Ленинская путевка.

Интервью «Огонька»

Каюм МУРТАЗАЕВ,
первый секретарь Ташкентского ГК КП Узбекистана

Ленинские нормы партийной жизни!.. Когда пишутся или произносятся эти слова, перед моими глазами возникает Ильич. Живой, такой, каким он видится нам всегда, такой, каким воспринимаем мы его нашими сердцами. Ленин принимает ходоков из дальней губернии... Провожает на фронт красноармейцев...

А вот Ленин в МК партии. Сегодня пятница. Владимир Ильич заехал в горком за путевкой. Московский комитет партии поручает В. И. Ленину выступить на митинге на заводе Михельсона.

Личное участие в политической работе в низах, постоянное общение с трудящимися было для В. И. Ленина насущнейщей необходимостью.

«Жить в ГУЩЕ.
Знать НАСТРОЕНИЯ.
Знать ВСЕ.
Понимать массу.
Уметь подойти.
Завоевать ее АБСОЛЮТНОЕ доверие.
Не оторваться руководителям от руководимой массы...»

С весны 1918 года члены ЦК РКП(б), ответственные работники Советов и профсоюзов каждую пятницу направлялись по путевкам МК партии на предприятия, в воинские части, к студентам разъяснять политику партии и задачи текущего момента. Это делалось по предложению Владимира Ильича. Мы решили возродить ленинские пятницы.

Дважды в месяц, по пятницам, в конце рабочего дня в цехи и на стройки, в красные уголки и клубы предприятий приходят секретари и члены ЦК компартии республики, работники Средазбюро ЦК КПСС и совнархоза, министры и руководители горсовета, секретари райкомов партии и хозяйственники. Провести беседу по вопросам внутренней и международной жизни — таково партийное поручение. Но фактически эти беседы каждый раз выливаются в откровенный и деловой разговор о положении на предприятии, о быте, о множестве проблем, которые выдвигает жизнь.

Живое слово рождает живой отклик. Это определяет необычайную активность трудящихся на ленинских пятницах. В беседах — за полгода их было более тысячи — приняло участие около ста тысяч человек. Люди высказывают интересные мысли, справедливые замечания. Просят, предлагают, настаивают. Выступающему иной раз приходится нелегко: попадаешь, так сказать, под прямой огонь рабочей критики. Но традиция ленинских пятниц гласит: не уходить от трудных вопросов. Объяснить, разобраться, помочь.

«Почему новый район Чиланзар плохо связан транспортом с остальной частью города?» — такой вопрос был задан руководителям горсовета на одной из первых пятниц. Теперь на Чиланзар проложена трамвайная линия.

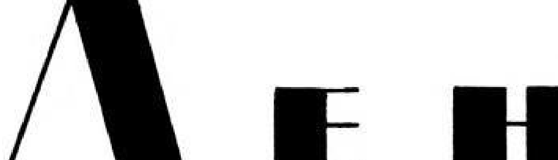
«Когда карборундовый завод перестанет отравлять воздух в Ташкенте?» — спросили как-то у секретаря Фрунзенского райкома партии М. Муллаева. Решить эту проблему было непросто. Но райком проявил настойчивость, и совнархоз выделил 1 миллион 200 тысяч рублей на оздоровление атмосферы.

Работа с людьми воспитывает самого руководителя. Разумеется, к любому выступлению приходится готовиться. Но к ленинским пятницам нужно готовиться каждый день.

И, наконец, на ленинских пятницах просто по-человечески интересно! А когда работать интересно, дело в руках спорится.

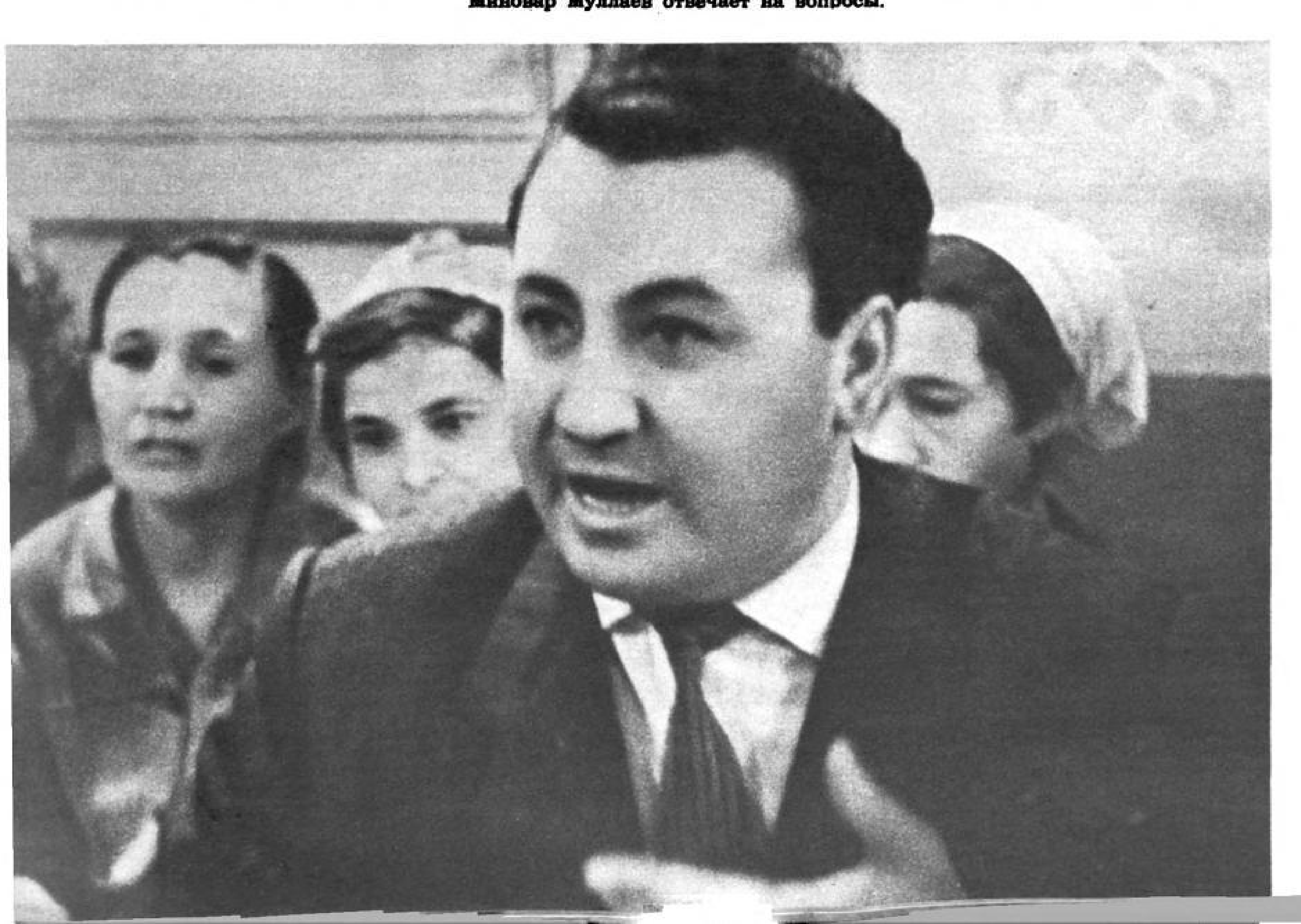

Фото И. ТУНКЕЛЯ.

ЛЕНИНСК

Доклад о решениях декабрьского Пленума ЦК КПСС окончен. Теперь секретарь Фрунзенского райкома партии Миновар Муллаев отвечает на вопросы.

ТАК И НАДО!

Пятница — обычный трудовой день на Ташкентском текстильном комбинате. Обычный до той минуты, когда кончается первая смена и можно уже расходиться по домам и когда никто не расходится, потому что сегодня ленинская пятница.

На комбинате — гости, руководящие работники города и района. Впрочем, они не гости — приехали по делу: провести беседу в цехе, встретиться с активом, ответить на вопросы, волнующие рабочих и работниц.

В медсанчасти выступает заведующий горздравотделом Халил Джалилов; на ткацкой фабрике — секретарь горкома партии В. А. Архангельский; в столовой — начальник горпищеторга Мурат Артыкходжаев. Вроде бы обычные доклады, с которыми и должны выступать руководители. Но давайте внимательнее приглядимся и прислушаемся к тому, что сегодня здесь происходит. Пройдем по комбинату с фотоаппаратом. Обратите внимание: все докладчики выступают без конспектов, не заглядывают в шпар-

В. А. Архангельского обступили прядильщицы...

ИЕ ПЯТНИЦЫ

П. И. Садыменко вопросы решает при открытых дверях...

Таким будет Ташкент в ближайшие годы. Об этом рассказывает А. В. Якушев.

галки, как это еще иногда бывает. Но вот закончен короткий, деловой рассказ. И тут-то начинается самое интересное: вопросы и ответы. Точнее, разговор по душам. Валентина Акимовича Архангельского обступили прядильщицы. Вот уж действительно в самой гуще! Только успевай отвечать... У главного архитектора города А. В. Якушева давно истек регламент времени, но число вопросов перевалило за сотню, и с места раздаются голоса: «Продлить!..» Каждому интересно знать, как идет реконструкция города, что где проектируется, особенно возле твоего дома. Еще интереснее уточнить, когда наконец ты получишь новую квартиру. На этот вопрос обычно ищут ответа в исполкоме. Но сегодня заместитель председателя исполкома горсовета Павел Иванович Садыменко ведет прием прямо здесь, в кабинете директора комбината. В приемной непривычно пусто. Очереди нет: все там, в соседней комнате. Вопросы решаются при открытых дверях. При всех... Здесь никто не уклоняется от острых и сложных вопросов. Так и надо! По-ленински!

Вл. КРУПИН

Выступает заведующий горздравотделом Халил Джалилов.

Прядильщицы — народ бойкий...

Аркадию Кулешову исполняется пятьдесят лет.

Уже первая книжка Кулешова, «Расцвет земли», вышедшая в свет, когда автору ее, учащемуся педагогического техникума, было всего шестнадцать лет, свидетельствовала о его незаурядном даровании. С тех пор больше трех десятилетий он вдохновенно работает в белорусской поэзии.

Наибольшую известность получила прекрасная поэма Аркадия Кулешова «Знамя бригады», созданная в годы Отечественной войны на фронте. За ней последовали стихотворные повествования: «Цимбалы», «Дом 24», «Новое русло», «Только вперед», «Грозная пуща» и другие.

Кулешов не только мастер эпического жанра, а и проникновенный лирик.

У себя в Белоруссии он известен и как выдающийся переводчик. Ему принадлежит превосходный перевод «Евгения Онегина».

Много работал поэт и в кино. По его сценариям создано несколько фильмов.

Свое пятидесятилетие Аркадий Кулешов встречает в работе над книгой философской лирики, включающей раздумья о времени, о чистоте человеческих отношений, о любви, о будущем. Красота родной природы и завоевание космоса, борьба за мир и преображение земли входят в круг размышлений поэта.

«Огонек» печатает новые стихотворения Аркадия Кулешова.

Из новой книги

Аркадий КУЛЕШОВ

* * *

Когда весною закукует
Кукушка средь лесных ветвей,
Ты вспомни все: весну иную,
Боры на Минщине моей.

Все то, что сердцу было мило,
Даря ему свое тепло,
Но отцвело, отговорило,
Откуковало, отошло.

Из пущи эхо не вернется,
Так пусть в прозрачной тишине
Хоть сердце сердцу отзовется
Из дальней дали по весне.

* * *

Весенней страшась теплыни,
Мутными ручейками
На почерневшей льдине
Зима убегает ночами,

Боясь показаться стрехам,
Цветам и дорогам талым,
Всему, что она под снегом
Тысячи лет скрывала.

В деревне днем появиться
Нельзя ей порой весенней:
Куда ни глянь — очевидцы
Былых ее преступлений.

А день-то весенний долог!
Она скрывается в чащах
От молний и гроз веселых,
Зиме расплатой грозящих.

Весной повторяется это:
Из сердца — тяжелыми снами
И чьей-то кровью — с планеты
Зима уплывает ночами.

* * *

Сравнили славу мы с вином хмельным.
Забвение с полынью мы сравним.

Пока твой день и тень твоя по праву
В гроб не легли с тобою на века,
Вкушай, дружище, сладостную славу,
Однако помни, что полынь горька.

* * *

Подросток я, лесной тропинки друг.
Все было мне в ее владеньях мило.
Однажды нас улыбка разлучила
Подруги новой, что явилась вдруг.
Предчувствуя всем сердцем появленье
Тревог желанных, долгожданных мук,
К ее ногам я выронил из рук
Корзинку ягод, полон изумленья.

Не жаль мне их. Невелика беда.
Не жаль и стежки, вьющейся меж сосен.
Но жаль мне, что с собой она уносит
Дни поисков беспечных навсегда.
Сведя меня с тревожною порою,
Скрывается она в глуши лесной.

С улыбкой над корзинкою пустой
Склоняется предчувствие живое.

* * *

С другим обручена любовь былая.
По-прежнему хожу холостяком.

Мой верный друг, тропинка боровая
Вернулась вновь в мой опустевший дом.
От лент и кос любимых отстраненный,
Я ей поклялся, спутнице в беде,
Что не расстанусь никогда нигде
С ее песчаной лентой, в даль вплетенной.

Я присягал ей. Но она молчала.
Вперед я шел. Она обратно шла.

Дням, где она брала свое начало,
Пришел конец за хатами села.
Как ручеек, тропинка боровая,
Текла, вливаясь волнами песка
В иное русло... Зрелости река
Так широка! Куда ж она впадает?

Авторизованный перевод
с белорусского
Я. ХЕЛЕМСКОГО.

Рисунки П. Караченцова.

ПЕВЕЦ СИБИРИ

Влюбленность в свой родной край Кондратий Петрович Белов пронес через всю жизнь. Четырехлетним мальчишкой привезли его родители, безземельные уральские крестьяне, из Пермской губернии в село Пачо, недалеко от Томска. Увидел он бесконечные сибирские леса, необъятно широкие реки, народ сибирский — кондовый, здоровенный, кряжистый, и поселилась в душе мальчишки сердечная привязанность к здешним просторам, к суровой красоте.

Каждый своими путями приходит к искусству. Талант Кондратия Белова открыла, согрела, взрастила революция. Политработники 2-го запасного полка, стоявшего в Иркутске, заметили, что молодой красноармеец не расстается с карандашом, жадно рисует все, что попадется на глаза, рисует своеобразно, самобытно, сильно. Красноармейца отправили учиться сперва в полковую художественную студию, потом в годичную студию при политуправлении прославленной 5-й армии. Так начался творческий путь Кондратия Белова — крестьянского сына, железнодорожного рабочего, красноармейца.

В 1928 году молодой художник окончил в Омске Художественно-промышленное училище имени Врубеля и с тех пор неустанно работает как график и живописец. Недавно было отмечено 35-летие его творческой деятельности: в Москве открылась выставка картин художника.

Кондратия Белова всю жизнь увлекали сюжеты героические, широкие и величавые, как величава наша страна, ее история. Тема многих его картин — борьба советских людей за свободу и счастье. Эпизоды гражданской войны в Сибири и на Алтае, события Великой Отечественной войны предстают на полотнах художника не только свидетельством героического прошлого; они раскрывают душу нашего, советского человека, зовут к новым подвигам и новым свершениям.

Вглядитесь в картину «Алтайские партизаны», одну из большой серии картин, посвященных гражданской войне в Сибири. Автор сам воевал с колчаковскими карателями, и им верно схвачены черты жизни и борьбы, которые были свойственны тем героическим годам.

Солнце поднимается над алтайским селом. Его лучи окрасили небо нежным золотым светом, люди только что встали; утро принесло им радость освобождения. Отряд партизан входит в село; в движении бойцов, в их фигурах, в твердой поступи зримо видишь народную силу. Молодайка остановилась у забора, весело перекликается с бойцами; это такие же крестьяне, взявшиеся за оружие,— бояться их нечего. Белозубый парень, широко улыбающийся,— брат, а может быть, сосед. Картину можно так и назвать: «Свои пришли».

Язык живописи Кондратия Белова лаконичен и прост, но эта кажущаяся простота — итог большого труда, глубокого изучения жизни.

Большое место в творчестве художника занимает пейзаж. В нем, пожалуй, сильней всего выражается любовь мастера к родному краю. Когда знакомишься с пейзажами Кондратия Белова, видишь запечатленную в полотнах красоту Сибири, неоглядную ее мощь, понимаешь яснее, откуда берется сибирский характер с его мужеством, упорством, стойкостью, выносливостью.

Енисей — великая сибирская река. Крутыми скалами обрываются ее берега. Ширь такая, что, кажется, видишь перед собой морской залив. По небу плывут суровые, угрюмые облака. Пусто кругом — только лес шумит, бескрайняя тайга, раскинувшаяся по обе стороны Енисея. Но ведь Енисей уже покорен человеком. Недалек тот день, когда могучая Красноярская ГЭС даст свет и силу новым сибирским городам, сотням заводов и фабрик. И когда смотришь на картину Белова, ощущаешь ее как гимн Сибири, ибо человек оказался сильней богатыря Енисея; он все превозмог, всего добился, и там, где была пустыня, закипела жизнь.

Кондратию Белову 63 года, возраст немалый. Многие его сверстники ушли, как говорится, на покой. Сибирский мастер находит покой и отдых в труде. Он часто путешествует по Сибири и Уралу, собирает материал, всматривается в жизнь взглядом умного и взыскательного художника. И талант его не блекнет, и сила не убавляется.

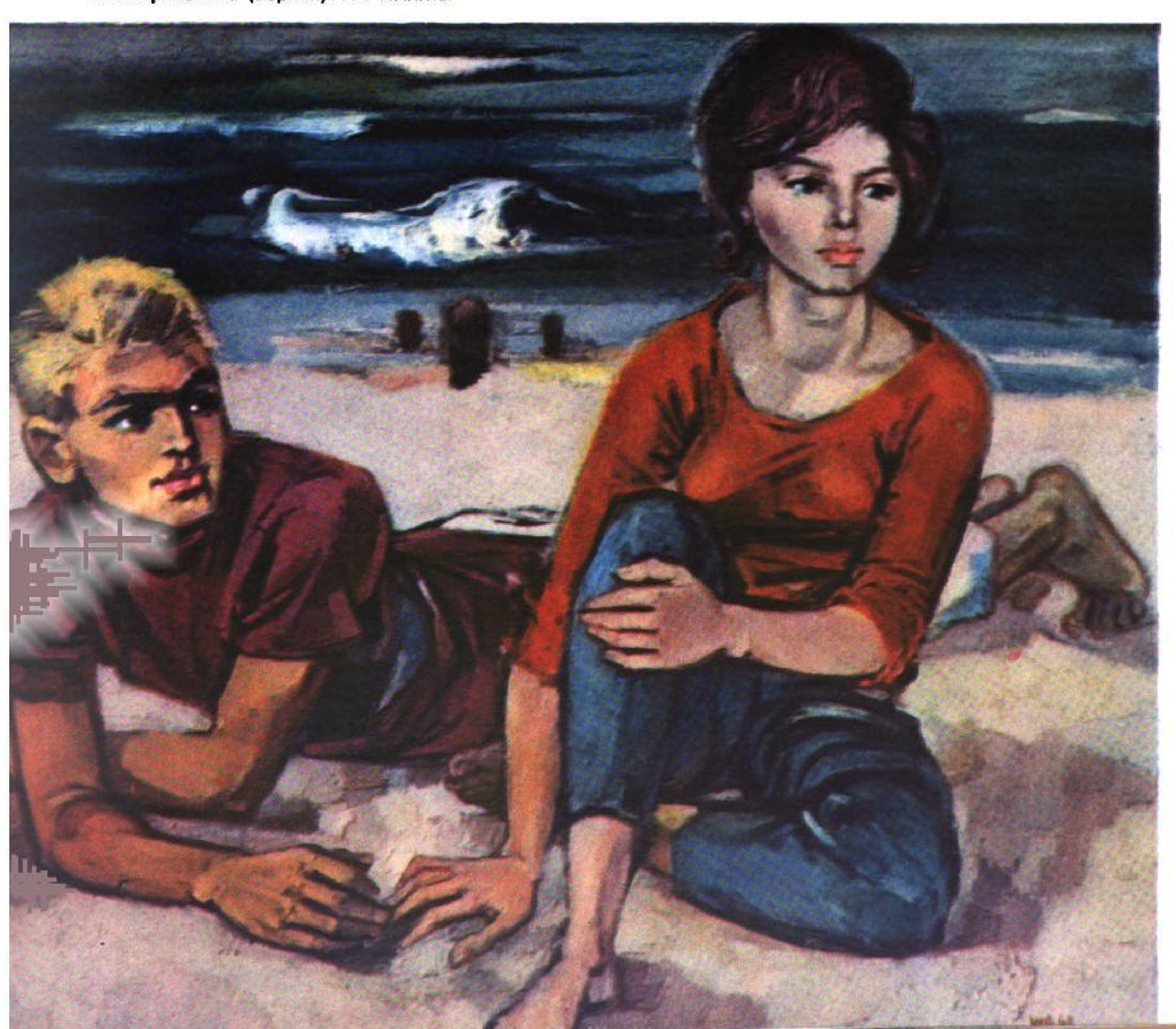
Н. НИКОЛАЕВ

К. Белов (Омск). АЛТАЙСКИЕ ПАРТИЗАНЫ.

ЕНИСЕЙ

Конрад Кнебель (Берлин). НЕПТУН-ВЕРФЬ В РОСТОКЕ.

Вальтер Вомака (Берлин). НА ПЛЯЖЕ.

ПАЛИТРА

— Молодое поколение немецких художников? Пожалуй, тебе лучше всего встретиться с Вальтером Вомака. Один из самых интересных у нас. Съезди к нему.

Этот совет я получил от берлинских друзей. Я ему последовал. И не раскаялся.

В большом светлом ателье на Ораниенбургер-штрассе, где работает Вальтер Вомака, собралось человек десять. Молодые художники, студенты. Был разговор. Об искусстве. О месте художника в обществе. О его долге перед народом. О творческом «я». О многом, многом другом...

И постепенно вырастало из разговора все более полное ощущение того, какой богатой, насыщенной жизнью живет сегодня искусство ГДР — яркое, юное, дерзающее.

— У нас разные манеры письма, разные творческие почерки,— говорил Вальтер Вомака,— но в главном мы едины: мы хотим, чтобы резец, кисть, карандаш работали на социализм, на мир.

Вальтер Вомака — широкоплечий, круглолицый, с высоким открытым лбом — рассказывал о проблемах, волнующих творческую интеллигенцию республики.

— У нас большие традиции — хорошие и плохие. Старые немецкие мастера — без них нет мировой живописи. Но в тридцать третьем развитие нашего искусства было остановлено. Фашизм уничтожил все, что не отвечало его представлениям об искусстве. В сорок пятом нам надо было начинать снова. С чего? С того, на чем остановились в тридцать третьем?

МОЛОДОСТИ

Но ведь мировое искусство на месте не стояло. Нужно было принять лучшее от сделанного, осмыслить новое и найти свой путь. Процесс сложный, без ошибок и заблуждений не обходилось. Но бурная активность народа, питающая наше искусство, обеспечила успех. Сейчас мы можем назвать десятки имен молодых художников, талант которых широко признан.

Один из таких художников — сам Вальтер Вомака. Он родился в 1925 году. Учился в Веймаре, в Дрездене. В 1957 году — первый большой успех: на Международной художественной выставке в Москве ему присуждена серебряная медаль. В 1962 году Вальтер Вомака стал лауреатом Национальной премии ГДР.

У Вомака очень своеобразная манера письма. Ее отличает подчеркнутая четкость композиции, яркость и свежесть палитры. Картина «На пляже», которую «Огонек» воспроизводит,— пожалуй, лучшая работа художника. Она очень популярна в ГДР.

Мы показываем на нашей вкладке произведение еще одного молодого берлинца — Конрада Кнебеля. Он много и интересно ищет в жанре индустриального пейзажа, «Нептун - верфь в Ростоке» — пример такого поиска.

С этими и другими работами друзей советские любители искусства познакомились на проходившей не так давно в Москве выставке «Молодые художники ГДР». Это было радостное знакомство.

Генрих ГУРКОВ

Виталий ЗАКРУТКИН

Карпатская рапсодия

Рисунки В. БОГАТКИНА.

Красива чуть тронутая осенней желтизной полонина в Лесистых Карпатах. Словно резное блюдо лежит она меж склонов гор, и откуда-то, из-под самого неба, кудрявясь и зеленея, с двух сторон спускаются к ней букивеликаны, высоченные пихты, могучие дубы и грабы, вековая чащоба древнего, никем не тронутого пралеса.

Появятся в поднебесье белые лебеди-облака, повеет из темного ущелья ветер, прошумят и умолкнут деревья на склонах, заволнуются, затрепещут на лугу-полонине густые травы, а по травам, отражая движение неба, медлительно поплывут лиловатые, резко очерченные тени облаков. Промчится по опушке леса вспугнутая рысью тонконогая серна, где-то далеко, в лесной гущине, хрустнет под старым секачом-кабаном сухая ветка, и снова первозданная, нерушимая тишина, такая тишина, что, кажется, слышно, как, медленно кружась, упадает и касается земли легкий, вызолоченный ранней осенью кленовый лист...

Высоко, высоко в горах раскинулась зеленая полонина, и если станешь на краю ее склона, увидишь, как застыли, приникли к скалам внизу редкие облака, как плывут по ущельям белесые туманы, как, вздымая белую пену, клубясь и играя, мчатся по узкому каменистому ложу горные ручьи и речки, мчатся, разбрасывая камни, соединяясь друг с другом, расширяя русла, чтобы там, на повитой призрачной дымкой равнине, влиться в Белую и Черную Тису, неразлучные реки-сестры, навеки соединившие воды свои и стремящие эти холодные неспокойные воды Тисы-реки к воспетому в песнях широкому Дунаю...

Даже самому зоркому человеку не увидеть с высоты горной полонины все хребты и отроги, все ущелья и тропы, все города и селения Верховины. Не обнимет человек своим взором все, что красуется в Карпатских горах, на зеленых предгорьях и далеко, далеко, на синей равнине. Может, только царственный беркут, распластав исполинские крылья и паря в недосягаемой высоте, видит Бескиды и Горганы — бело-голубые хребты на севере, и Гуцульские Альпы, и пышные яблоневые сады под Хустом и Тячевом, и неоглядные разливы виноградников у Берегова, Косины, Середней, и поля кукурузы, которым нет конца, и краснокрышие селения в межгорьях и на равнине, и чистые, убранные цветами веселые города.

* * *

Хороша свирель в жестких, жилистых руках старого чабана. Видно, не одно поколение чабанского рода украшало легкую свирель тонко выжженными узорами — диковинными лепестками альпийских цветов, трав, виноградных гроздьев. Немало радостных и грустных песен пропела карпатским селянам старинная, звонкая, многими руками отполированная свирель. И люди плясали и плакали, слушая знакомые с детства песни, и смуглые верховинские парни под зовущие вдаль звуки свирели влюблялись в румяных, кареглазых девчат, и, жалеючи малых сирот, неутешно рыдали голодные вдовы, вспоминая замордованных панами мужей...

Сидя под дубом, старый чабан задумчиво вздохнет, легким движением рук приложит свирель к обветренным устам, и польются по неоглядной полонине чистые, чаровные звуки, и кажется, что не деревянная дудочка, а сам народ поет о доле своей, что откуда-то с вершины высокой горы доносится волнующая душу нескончаемая песня, и летит эта песня над лесами, над перевалами, над реками и синей равниной, чтобы всему свету поведать о Верховине, о долгом, мученическом и прекрасном пути карпатских тружеников-селян.

Кто знает, о чем поет в этот час старая свирель?

Может, о том, как в незапамятные времена суровые воины-славяне на горах и перевалах обороняли пределы родной земли, как на вершинах Карпатских гор возжигали они костры, дымом и пламенем давая тревожный знак соплеменникам о нашествии вражеских полчищ?

Кто может сказать, почему тяжкая туга вдовьим плачем захлебнулась в песне на полонине? Почему в переливчатых звуках свирели вдруг послышались слезы, и похоронные причитания, и стоны замученных, и горячая ярость придавленных, брошенных на колени, но непокоренных людей?

Должно быть, поет свирель о той злой поре, когда хищные волки-чужеземцы захватили Карпатскую Русь, надели ярмо на гордую шею вольных пастухов и хлебопашцев и на века отторгли их от родного народа, от милой сердцу великой земли отцов, угнали стада, пожгли сады и нивы...

> Ой, судома, пане-брате,
> Судома, судома.
> Нема в мене снопа жита
> Ні в полі, ні дома...

Никому не сосчитать, сколько бед пережили многие поколения селян на Карпатах. Почти тысячу лет длилась лихая пора угнетения, бесправия, кровавых казней, голода, мук.

На вершинах гор, на склонах, на холмах воздвигли себе неприступные замки польские и мадьярские князья, австрийские и немецкие бароны и графы, воздвигли руками закрепощенных рабов-украинцев, чтобы отсюда, из этих островерхих, окруженных стенами и рвами замков, повелевать полузадушенным народом, грабить леса и пашни, реки и недра земные...

Поникла сивая голова старого чабана, и плачет-поет свирель в его чуть дрожащих руках:

Мене в найми запродали,
Відібрали долю,
Із сестрою роз'єднали —
Тяжко жить в неволі.

Мої лани поорали
Вельможі, магнати,
Моє щастя та й украли
Ці пани прокляті...

Оберегаемые вооруженной до зубов челядью, свирепыми гайдуками-карателями, бароны и графы роскошествовали в своих замках, окруженные сворой наемников, охотились в карпатских лесах, пировали, один перед другим хвастались дорогими винами и яствами...

А в это время в сырых замковых подземельях не умолкали стоны пытаемых панскими палачами селян, тех, кто не хотел покориться иноземцам и оборонял свободу, честь и достоинство родного народа.

А в это самое время, в темноте, в холоде, едва укрытые худыми крышами хатенок-хижин, голодали тысячи бесправных карпатских селян, и оставалась им в утешение одна надежда-песня о матери-Украине, о великой родине, которая когда-нибудь спасет и примет в свое лоно замученных, замордованных детей своих:

Коли б мати знала,
Яке нам тут горе,
Вона б переплила
Через синє море...

Но не только молчали и плакали карпатские пастухи и хлеборобы. Темными ночами выходили на лесные дороги одетые в овчинные безрукавки и лохматые шапки удалые народные мстители-опрышки. Вооруженные секирами, саблями, самодельными пиками, ножами, неуловимые, как горный ветер, они нападали на притеснителей, беспощадно истребляли кровавых тиранов.

Не раз с оружием в руках поднимались в Карпатах ограбленные земледельцы, пастухи, лесорубы, солекопы, осаждали ненавистные замки, и тогда пылали пожары, к небу поднимались черные тучи дыма, и дрожали от страха в своих каменных башнях бароны и графы. Но не могли разрозненные люди одолеть вооруженных до зубов поработителей. На защиту осажденных замков шли одетые в латы цесарские полки, громили повстанцев, четвертовали, вешали, сажали на кол их вожаков, жгли их убогие селения, и вновь над Карпатами нависала нескончаемая ночь рабства и угнетения.

Многие селяне, потеряв веру в грядущий день, брали нищенскую торбу и дорожный посох, переходили кордон и уплывали по морям-океанам в дальние страны — Америку, Бразилию, Канаду, чтобы среди чужих людей отыскать свою пропавшую долю.

Но где в ту проклятую пору мог найти долю бесправный, нищий человек? Неласковы были заморские земли к несчастным карпатским поселенцам. Сотнями гибли они от голода и болезней, становились вековечными батраками и, не зная чужого языка, слезами обливали печальные свои песни:

Ой, Канадо, Канадочко,
Тай й ти, Манітобо,
Жиє в тобі руський нарід,
Як тая худоба.

Тут гадають наші люди,
Що будуть панами,
А вони тут на роботу
Всі ідуть з торбáми.

Ой тут наші руські люди
З фарми не вживають,
Лише ходять по Канаді,
Роботи шукають.

Ой, Канадо, Канадочко,
Чо'сь така немила?
Бодай ти ся, ти, Канадо,
Нікому не снила...

Поет в умелых руках чабана звонкая свирель. Разносятся нежные звуки свирели по склонам гор, по широким полонинам, и уже кажется, что не о далеком прошлом, не о том, что погребено во мраке минувших времен, а о совсем недавнем повествует песня.

О том, как присяжные наймиты чешских фабрикантов соловьями разливались, обещая карпатским селянам достаток, свободу и «демократическое равенство», а сами безудержно грабили и презирали порабощенный народ...

О том, как польские паны, засылая в карпатские города и селения коварных и льстивых папских агентов, хотели «успокоить» непокорных в лоне католической церкви и этим отторгнуть их души от матери-отчизны...

О том, как, опекаемые гитлеровскими гаулейтерами и губернаторами, бесчинствовали на Карпатах бандитский «полковник» Евген Коновалец, новоявленный «фюрер» Андрей Мельник, гнусный и злобный карлик Степан Бандера, жестокая и продажная нáволочь, растленные иуды, которые громогласно провозглашали «суверенную, соборную, незалежную, самостийную Украину», а сами из-за угла убивали, пытали в гестапо, мучили лучших сынов и дочерей Украины, чтобы только угодить своим повелителям-нацистам и превратить украинскую землю в «Остланд» — рабскую колонию бесноватого палача Гитлера и его псовгаулейтеров.

Множество подвигов совершили в эту страшную пору жители карпатских селений. Они нападали на фашистов-захватчиков, вызволяли из неволи советских солдат-военнопленных, целыми семьями уходили в леса, и многие из них, отважных мстителей, сложили головы за любимую землю.

Старики, женщины, дети с мольбой и неумирающей надеждой глядели на восток, туда, откуда, разгоняя тьму, вечно всходило солнце, откуда сквозь гром орудийных залпов, сквозь гул великих сражений по-весеннему шумел ветер близкой победы...

Верховино-сиротино,
Чого так сумуєш?
Чого за Збруч позираєш,
Який вітер чуєш?

Чую волю! Дні великі
В мене наступають —
Наші браття із-за Збруча
За нас пам'ятають...

В конце весны и летом над Карпатами часто бушуют грозы. В грозовые дни темнеет небо, громыхают громы, слепящие молнии рвут, кромсают черную пелену туч. Потом, неудержимый, яростный и веселый, хлынет на землю ливень. Он смоет с деревьев и трав серый прах, снесет с лесных полян трухлявую гниль, помчит по быстринам горных рек все, что лишилось корней, отцвело и засохло на полонинах. После грозы засверкает омытая земля и станут красоваться под солнцем горы, деревья, цветы и травы, радуясь теплу и свету...

Подобно очистительной грозе прошли по Карпатам освобождающие отчизну советские войска. Бок о бок с ними, добивая злобного врага, сражались чешские, словацкие, румынские воины. Десятки тысяч бойцов-побратимов легли на карпатских перевалах, щедро полили кровью своей милую, до боли близкую землю, чтобы навеки освободить ее от проклятых пришельцев-поработителей...

Ни один солдат не забудет эту тяжкую осень в Восточных Карпатах. Перед советскими войсками простирались Бескиды — ряд покрытых густым лесом горных хребтов. Каждый перевал, каждая тропа были укреплены гитлеровцами, простреливались со всех сторон артиллерией и минометами. Враг стянул сюда десятки отборных дивизий, построил мощную оборонительную линию глубиной до пятидесяти километров.

«Это идеальный рубеж обороны, через такой рубеж не перешагнет ни один советский солдат»,— сказал командир немецкой горной дивизии.

Почти всю осень в Карпатских горах стояли туманы, лили холодные дожди. Непроходимыми стали дороги и тропы. На каждом шагу буксовали машины. В узких горных проходах негде было развернуться нашим танкам. Далеко отстали наши тылы. Солдаты, скользя и падая в белесой, туманной мгле, на себе подносили к огневым позициям снаряды и мины, патроны и продовольствие.

Два с половиной месяца длилась кровавая битва в Восточных Карпатах, не утихая ни днем, ни ночью. Укрываясь в горах, гитлеровцы цепко держались вблизи от своих неприступных логовищ, огрызались с волчьей злобой и лишь временами, медленно пятясь, уступали тропу или высоту нашим солдатам.

А нам надо было спешить. Там, за Бескидами, в родной по крови Словакии, бушевало восстание против ненавистных народу гитлеровских палачей. Там, в лесах, в долинах, в Низких Татрах и в ущельях гор, сражались партизанские бригады, полки и отряды, в которых плечо к плечу воевали словаки, чехи, венгры, бежавшие из вражеского плена советские солдаты и офицеры, французы, немецкие антифашисты, поляки, югославы, американцы, англичане, греки, болгары, бельгийцы, голландцы,— люди почти тридцати национальностей, которых объединили ненависть к врагу и любовь к свободе. Им, этим беззаветным бойцам, надо было помочь непрерывными ударами по гитлеровским войскам.

Наши солдаты делали все, чтобы помочь повстанцам в Словакии: уже наступали 1-я гвардейская армия генерала Гречко, 38-я армия генерала Москаленко, 18-я армия генерала Журавлева, громили врага храбрые летчики генерала Жданова. Уже перевалили через Трансильванские Альпы и Южные Карпаты армии маршалов Малиновского и Толбухина. В глубокие тылы немецко-фашистских войск врезались конно-механизированные группы генералов Плиева и Горшкова.

Вместе с советскими войсками в Восточных Карпатах с беззаветной отвагой сражались солдаты 1-го Чехословацкого корпуса. В непрерывных боях закалялось братство советских и чехословацких воинов, несущих освобождение своим народам и всему человечеству.

Кровавым и тяжким был карпатский поход. Множество могил высится сейчас в горах, в ущельях, на полонинах Восточных Карпат. Девяносто тысяч убитых, раненых и пропавших без вести — таков путь наступления Советской Армии на Карпатах, такой дорогой ценой было оплачено освобождение закабаленных гитлеровцами людей. Шесть с половиной тысяч потерял Чехословацкий корпус...

Вечную славу поют героям-воинам карпатские горные ветры, леса и реки, не зарастают тропы к высоким могилам солдат-освободителей, ибо они свершили величайший из подвигов, жизнью и кровью своей заплатив за жизнь, свободу и мирный труд людских поколений...

Навеки стали свободны Польша и Чехословакия, Венгрия и Румыния. Навеки сбросили тысячелетнее ярмо карпатские селяне, воссоединенные с матерью-Украиной.

Белой голубкой взвилась над Карпатами и полетела в ясные дали птица-песня:

Ой, встелю я ромен-цвітом
Гори й полонини,
Та й ще тую доріженьку,
Що йде з України.

Бо зійшлись на тій дорозі
Два рідні брати —
Поклонились їм низенько
Високі Карпати.

Ой, прослалась доріженька
Від Дніпра до Ужа —
Тепер наша Україна
Велика та дужа...

Разносятся по широкой полонине звуки свирели, и я слушаю дивные песни, которым, кажется, нет ни начала, ни конца, и сердце мое полно любви к невиданно красивой, бескрайней нашей земле, к сильным и добрым людям, которые веками страдали, мучились, боролись, надеялись, веками работали не покладая рук, чтобы детям, внукам и правнукам своим добыть свободу и счастье на этой прекрасной, щедрой, кровью, слезами и потом омытой земле...

* * *

И вот передо мной города и селения Закарпатья с их неповторимым, чарующим обликом, с памятниками седой старины, с белыми, алыми, голубыми коврами роскошных цветов, с утопающими в зелени, разной краской окрашенными домами, с шумными базарами, с мирным воркованием бесчисленных розоводымчатых горлиц, которые нисколько не боятся людей и по-домашнему разгуливают на чистых сельских улицах вместе с гусями и курами.

Зеленые моря виноградников, кукурузные поля, высоченные копны сена на обширных лугах; потемневшие от времени деревянные церковки, каждой из которых сотни лет,— чудо старого восточнославянского зодчества; острые черепичные крыши упрятанных в садах деревенских домиков, и на крышах гнезда аистов. Густые высыпки грибов на прохладных лесных опушках, и звонкоголосая детвора с лукошками, ведрами, корзинами, сумками. Деревянные ковши, кружки, миски, ложки, ларцы, свирели, вырезанные и украшенные умными, терпеливыми руками безымянных сельских мастеров. Кофточки, юбки, опушенные мехом безрукавки, полотенца, скатерти, салфетки, вытканные, связанные и чудесно вышитые женщинами и девушками Закарпатья, талантливыми мастерицами, в ярких цветах и тончайших узорах воспевающими свой любимый край. Разве расскажешь обо всем этом милом, простом, мирном, что тут встречает и провожает тебя на каждом шагу?

Это отсюда шли подарки Всемирному конгрессу женщин — веселые, розовощекие куклы, разноцветные бусы, браслеты, серьги, любовно сделанные руками мастериц.

Это здесь, в Мукачеве, Хусте, Иршаве, вам покажут художественную резьбу на древесных корнях, цветные медальоны, орнаменты на деревянной посуде, которым позавидует любой прославленный мастер...

Университет в Ужгороде, тот самый, о котором многие поколения карпатских украинцев мечтали сто с лишним лет. Университет был открыт только после изгнания иноземцев-захватчиков, открыт Советской властью для всех трудящихся Закарпатья. И теперь «темные люди», как их в свое время презрительно именовали господа, и дети «темных людей» стали профессорами, доцентами. Они печатают научные труды, читают лекции в обширных аудиториях. К их услугам кабинеты и лаборатории, а в университетской библиотеке — собрание древнейших рукописей на разных языках, редкие старопечатные книги инкунабулы, издания классиков мира — философов, натуралистов, писателей, все, что столетиями создавала пытливая, вечно дерзающая, никем и ничем не покоренная человеческая мысль.

Так с освобождением народа в карпатских горах и долинах засиял свет науки, сбылась вековая мечта дождавшихся счастья людей...

Одинокая, странная гора в Мукачеве, а на вершине горы — княжеский замок. Не потому ли и город назван Мукачевом, что тысячу лет назад неисчислимые муки испытали подневольные карпатские селяне, по велению чужеземного господина насыпавшие эту гору на равнине?

Глубокими рвами и высокими стенами опоясан замок, диким камнем вымощены его дворы, мрачны приземистые башни и подземелья. Сто девяносто лет назад австрийская императрица Мария-Терезия превратила Мукачевский замок в тюрьму. Сейчас никто не может сказать, сколько несчастных узников, борцов за свободу томилось в этой тюрьме. Известно, что в одном из самых потайных казематов замка был заточен отважный, вольнолюбивый сын Греции, воспетый Пушкиным «безрукий князь» Александр Ипсиланти.

Посетив Мукачевский замок, великий венгерский поэт Шандор Петефи написал стихи, в которых с горечью и гневом обращался к тиранам-поработителям:

Воздвигли замок Мункач вы
Затем, чтоб пламень разума
Не плавил цепи рабские,
Но гас бы в подземельях...

Давно истлел прах жестоких владельцев Мукачевского замка. Никто не томится в его подземельях и казематах. Широко распахнуты тяжелые замковые ворота, и никогда не убирается мост. Свободны проходы из предзамчья в нижний и верхний замки. Тихо переговариваясь, идут и идут сюда люди, и молодая женщина рассказывает им о минувших временах, на минуту оживляет тени прошлого, говорит о князьях и графах, о восстаниях и пожарах, об осаде ненавистного лесорубам и пахарям замка, о глубоком колодце, который рыли в замковом дворе закрепощенные рабы...

Голубеет над замком чистое небо. Чуть слышно трепещут листы деревца, чудом выросшего на одном из высоких каменных карнизов. А внизу, у каменной стены, откуда видна вся равнина, и сады, и краснокрышие домики вдали, слышится молодая, звонкая песня:

Ой, ти поле, поле,
Широке, просторе,
Чому зеленієш,
Хвилюєш, як море?

Тому зеленію,
Що вологи вволю,
Ранком умиваюсь
Чистою росою...

Это поют новые хозяева Мукачевского замка, ученики расположенного здесь, в бывших княжеских хоромах, училища механизации сельского хозяйства. Загорелые, веселые, сильные, юные земледельцы могучей Советской державы, они завтра станут трактористами, комбайнерами и с песнями поведут мощные машины по полям родной земли...

* * *

Карпаты, Карпаты! Краса очарованных гор, легкая дымка туманов в ущельях, журчание ручьев и рек, птичий гомон... Каждый уголок, каждая лесная опушка, каждое селение полны здесь легенд и преданий о старине и о совсем недавнем, о том, чего нельзя забыть...

Вот на берегу Черной Тисы вытянутый вдоль реки поселок Ясиня. Это здесь сотни лет назад укрывались беглецы, селяне-рабы, искавшие свободу в непроходимых дебрях горных лесов. Это здесь гулял когда-то смелый, как сокол, вожак опрышков-мстителей, сын нищего батрака, прославленный в народных песнях Олекса Довбуш.

Это здесь, через двести лет, тезка Олексы Довбуша отважный карпатский коммунист Олекса Борканюк на парашюте спустился в леса, чтобы возглавить борьбу против ненавистных фашистов-захватчиков. Опознанный предателями, Олекса Борканюк был через два месяца схвачен и казнен гитлеровскими палачами в будапештской тюрьме. Но взращенные им семена не погибли. Место павшего заняли сотни борцов...

На лесной тропе, у любой дороги, где бы ты ни был, тебе чудятся здесь, среди гор, таинственные человеческие голоса, словно откуда-то издалека невидимые люди повествуют о своей жизни, минувшей и настоящей. Донесет ли лесное эхо протяжный отзвук трембиты — пастушьей трубы или где-то на полонине нежно зазвучит свирель,— станешь ты на дороге и долго будешь стоять, и долго будешь слушать голос времен, отыскивая этот голос в шуме лесов и рек, в дуновении ветра и в дальней песне... И покажется вдруг тебе, что вознесен ты на такую прекрасную и страшную горную вершину, с которой все видно и слышно: то, что было, что есть и что будет...

* * *

Эх, какие дороги в Карпатских горах и на равнине Тисы! Чистые, гладкие, отражающие синеву небес и сияние солнца, они вьются по горным склонам, поднимаются к вершинам крутых перевалов, огибают шумливые реки, а на равнинах уходят в неясную даль, ровные, как натянутая струна. В предгорьях, когда въедешь на взлобок холма и перед тобой еще зеленеет равнина, далеко видны колхозные фермы, бригадные станы виноградарских совхозов, медлительные стада бурых коров. У самой дороги, пощипывая зеленку, бродят стаи гусей, а дальше, у лесных просек и на открытых полонинах, вольно пасутся овечьи отары.

Под сенью дерев и на речных берегах, у сел и деревень, то здесь, то там вдоль дороги на высоких шестах красуются портреты людей, которых у нас по справедливости называют знатными. Знатными не по роду, не по геральдическому древу, уходящему корнями в

тьму веков, а по сегодняшним делам их работящих рук, по их гордой и светлой совести тружеников. Это они, хлеборобы, пастухи, чабаны, доярки, птичницы, виноградари, лесорубы, солекопы, нефтяники, столяры, плотники, кузнецы, токари, знатные люди свободного коммунистического труда, выращивают, добывают, изготавливают все, что нужно для жизни, радости и счастья. Они идут в первой шеренге, они зовут за собой других, и за это им воздается честь и хвала...

Весной и летом, осенью и зимой мчатся по карпатским дорогам разноцветные автомобили и сверкающие яркой эмалью и хромированной облицовкой автобусы. Во многих автомобилях и автобусах иностранные туристы. И не только из стран социалистических, но и оттуда, из так называемого «свободного мира», мира, в котором границы человеческой свободы определяются только презренным металлом и ничем иным.

Жители Карпат спокойно и терпеливо относятся к таким гостям. Что ж, пусть ездят. Пусть смотрят, как живут люди здесь, за выдуманным кем-то «железным занавесом».

Три автобуса останавливаются у выложенного камнем источника минеральной воды. Из автобусов с термосами, синими и желтыми бутылками, с серебряными дорожными флягами и стаканами с ленивой грацией выходят серебрянолосые девушки в темных очках, в декольтированных блузках и узких, невыносимо ярких брючках, пожилые толстяки в роскошных замшевых шортах, широкоплечие крепыши с фотоаппаратами, с трубками в зубах и с золотыми кольцами на холеных пальцах.

Пузырится, пенится в термосах и флягах холодная вода. Пейте, пожалуйста! Это «Поляна», добрая водичка! А дальше по пути будут «Лужанская», «Свалява», «Драговская», «Плосковская», вкусные, отлично утоляющие жажду целебные воды. Пейте, нам не жалко! И платить ничего не надо. В наших родниках вода даровая. Пейте сколько хотите!

К туристам подходит веселый, румяный дедок в широкополой шляпе. Дедок общителен, словоохотлив. Хитровато поигрывая сивой бровью, он смотрит на заморских гостей и говорит ласково:

— Хороша? Как брага, играет! Верно? Тут все отдыхающие воду берут. И в санаторий отсюдова возят. Во-он санаторий, крыши видать. А поедете берегом Латорицы, там другой санаторий, «Карпаты» называется. Полюбуйтесь на него.

Дедок лукаво прищурился, ухмыльнулся.

— При старом режиме санатория там, конечное дело, не было, замок был. А владел им немецкий граф, Шенборн по фамилии. Ежели случится вам повстречать деток или же внучков графа, передайте им, что теперь в замке ихнем рабочие и селяне карпатские отдыхают, и лечатся, и очень даже этим довольны...

Вот он, прославленный санаторий «Карпаты», бывший охотничий замок графов Шенборнов! В самом начале восемнадцатого века немецкий монарх изволил пожаловать верным своим слугам Шенборнам дворцы и замки, земли и лесные угодья в Закарпатье. Сотни лет повелевали графы закрепощенными селянами, верша над ними суд и расправу. Здесь, в этом замке, графы отдыхали и задавали пиры после выездов на охоту. Здесь их стремянные, доезжачие, псари, потешая сиятельных гостей, травили борзыми нищих калек и малых селянских детей, а повара на глазах у голодных селян разделывали оленей и косуль, коптили медвежьи окорока, запекали на серебряных жаровнях лебедей, гусей, диких уток...

Теперь в замке Шенборнов санаторий. Вместо князей, графов, баронов в светлых замковых залах отдыхают более именитые и заслуженные люди: дрогобычские рабочие-нефтяники, солотвинские солекопы, знатные кукурузоводы, бригадиры-виноградари, парни-лесорубы, молодые и старые колхозницы, свободные труженики свободной страны, навеки свергнувшей всех поработителей.

Тихий, теплый вечер. На поляне собрались отдыхающие. Задумчиво склонилась кудрявая голова баяниста, и далеко разносится ладная, полнозвучная песня:

Верховино, світку ти наш!
Гей, як у тебе тут мило!
Як ігри вод, плине ту час,
Свобідно, шумно, весело.

Ой, немає краю, краю
Над ту Верховину!
Коби мені тут побути
Хоч одну годину...

Золотым острогрудым челном плывет в легких, полупрозрачных облаках высокий месяц, шумит ночной лес, согласно звучат мужские и женские голоса. Поют чабаны-гуцулы, венгерки-птичницы, поют румыны, чехи, украинцы, русские, люди одной большой семьи, одной судьбы.

* * *

Государственная граница Союза Советских Социалистических Республик. По ту сторону границы, с севера на юг, братские страны: Польша, Чехословакия, Венгрия, Румыния.

Кажется, еще недавно там, за пограничными столбами, польские магнаты-«полковники», чешские фабриканты с их ставленниками-президентами, венгерские хортисты, румынские преторианцы короля и «кондукатора» плели против советской земли бесконечную паутину заговоров, провокаций, засылали к нам шпионов и диверсантов.

То время ушло навсегда. Ныне за карпатскими кордонами — дружественные страны, братские народы, с помощью Советского Союза изгнавшие из своих земель воинствующих сатрапов-«полковников», королей, игравших в «демократию» президентов и фабрикантов, миллионеров-«регентов», палачей-«кондукаторов», помещиков и жандармов — жадную, жестокую, подлую нечисть, фашистскую орду, которая вслед за своим повелителем Гитлером была выброшена на свалку истории.

Теперь государственная граница за Карпатами — это межа соседей-друзей, у которых одна цель, одни стремления, одна дорога. Они часто бывают в гостях друг у друга, соседи-братья, вместе сидят за одним столом, пьют общую чару, поют всем близкие и понятные песни...

По долине реки Тисы в Закарпатье проходит граница между СССР и Венгрией. Не так давно около приграничного села Лужанки, Береговского района, был посажен фруктовый сад. Казалось бы, в этом нет ничего необычного. Каждой весной и осенью на нашей земле высаживаются десятки тысяч гектаров садов. Но сад возле Лужанки — особый, необыкновенный сад. Его любовно посадили люди, которых разделяет государственная граница,— закарпатские украинцы и венгры, рабочие госхоза, расположенного на венгерской территории вблизи границы.

Словно родные братья, украинцы и венгры по-хозяйски заготовили отборные саженцы, выкопали ямы, залили их водой, щедро удобрили землю и, работая вместе, посадили сорок три гектара молодых деревьев. Сад они назвали высоким словом «Дружба».

— Пусть растет этот сад, и пусть будет он живым и крепким, как наше братство,— сказали друзья-садоводы.— И пусть дети наши помнят, как побратались навек их отцы.

Совсем недавно такой же молодой сад-символ высажен людьми-братьями на границе Советского Союза с Чехословакией.

Через степи, леса и холмы, по дну широких рек и озер, через горные перевалы и ущелья на тысячи километров протянулись гигантские трубы крупнейшего в мире нефтепровода, по которому, пересекая государственную границу, уже течет из Страны Советов в братские страны социализма животворная нефть.

Так же, как сад возле закарпатского села Лужанки, нефтепровод назван великим, теплым словом «Дружба».

Дружба! Священное человеческое чувство, приносящее веру и радость, надежду и силу! Ни реки, ни высочайшие горы не мешают дружбе, она не знает ни расстояний, ни препятствий.

Придет час, поднимутся на вершинах Карпатских гор ажурные ретрансляционные вышки, чтобы вопреки расстояниям друзья-соседи, сидя у телевизоров, могли везде, в городах и селениях, видеть и слышать друг друга, делиться своими радостями и успехами. Через горы и долы уже тянутся и будут умножены линии высоковольтных передач, чтобы нигде не останавливались сердца заводов и фабрик, чтобы светло было в любой, самой отдаленной деревне там, в странах наших друзей.

Это будет.

* * *

Убегает назад дорога. За спиной остаются повитые дымкой синие Карпатские горы. Прощайте, добрые люди-товарищи! Прощайте, милые полонины, буковые леса, ручьи и реки, чарующие песни свирели и полные веселья и печали девичьи коломийки, слышанные мною на вечерних улицах горных гуцульских селений! Я навсегда полюбил вас, и мы еще встретимся, увидимся с вами...

Впереди — северные врата Карпат, один из старейших городов Украины, прекрасный Львов с его бескрайними, как леса, парками, в которых плавают белые и черные лебеди, с его красавцами заводами, институтами, школами, старинными соборами и монастырями, город с неповторимым обликом, основанный семьсот лет назад и сохранивший среди величественных сооружений нового времени сотни памятников стародавней поры.

Многому хотелось мне поклониться в этом городе.

Долго стоял я на вершине Княжьей горы у памятного камня с именем Максима Кривоноса. Здесь, на Княжьей горе, откуда хорошо виден город внизу, стоял когда-то неприступный Высокий замок, крепость польских магнатов. Триста с лишним лет тому назад первый полковник Богдана Хмельницкого бесстрашный Максим Кривонос наголову разгромил войско польских «рыцарей» и овладел замком. В этом штурме вместе с полками Кривоноса сражались донские казаки, далекие предки моих земляков — полеводов, виноградарей, рыбаков тихого Дона,— и я за них всех поклонился памятному камню на Княжьей горе...

Постоял я и у дома № 152 по улице Ивана Франко. Здесь февральским днем 1944 года неуловимый советский разведчик Николай Кузнецов убил гитлеровского палача Бауэра, одного из повелителей «дистрикта Галиция», пославшего на муки и смерть тысячи мирных жителей Львова.

При въезде во Львов, на улице Ленина, высится гранитный пьедестал, на котором, грозно подняв пушку, навеки застыл стальной танк «Т-34» с красной звездой на башне. Экипаж этого танка — его командир лейтенант А. Додонов, механик-водитель Ф. Сурков, башенный стрелок А. Мордвинцев и радист А. Марченко,— выполняя приказ командования, 22 июля 1944 года прорвался к центру занятого гитлеровцами города. Под ураганным огнем фашистов радист Марченко водрузил на Львовской ратуше алый советский флаг.

Шесть дней и ночей носился по улицам за-

битого фашистами города одинокий советский танк, в упор расстреливая гитлеровских солдат. Шесть суток, обливаясь кровью, раненые советские танкисты громили врагов, сожгли восемь немецких танков и сражались до последнего патрона...

Под густой сенью деревьев на старом Лычаковском кладбище есть памятник-скала. У подножия гранитной скалы, на верхней вырубленной ступени, отведя для удара тяжелую острую кирку, весь в движении, замер полуобнаженный могучий каменотес. Кажется, еще одно мгновение — и врубится кирка в скалу, и на все стороны брызнут искры, и осветятся тихие кладбищенские сумерки, и люди увидят все скрытые сумерками дали.

Молча опускаю я на гранитную ступень цветы.

Под скалой вечным сном спит Великий Каменяр, друг человечества, художник, чье сердце пламенело неизбывной любовью ко всем угнетенным людям, верный сын своей земли — Иван Франко.

Давно, давно, долгими зимами в засыпанной снегом украинской деревушке, учась читать, я, покоренный его гением, словно наяву, видел бесправных галицийских пахарей, умирающих от голода детей, нищих карпатских батраков и, потрясенный, произносил зовущие на борьбу бессмертные строки:

Я бачив дивний сон: немов передо мною
Безмірна та пуста і дика площина,
І я, прикований ланцем залізним, стою
Під височенною гранітною скалою,
А далі — тисячі таких самих, як я...

Я сейчас повторяю эти строки и вижу далекое свое детство, и звезды над снегами, и редкие огоньки хат в зимней тьме, и пути-дороги, которыми шел я в нелегкой своей жизни, и думаю, склонив голову:

«Пусть эти цветы карпатских полонин будут знаком моей сыновней любви и уважения, незабвенный, дорогой учитель...»

Недалеко от памятника-скалы лежит черная плита. Под плитой покоится прах друга моего и брата, которого я никогда не видел, но всегда называл другом и братом,— прах Ярослава Галана. Его, неистового обличителя злой тьмы, нежного и доверчивого человека, зверски убили гнусные выкормыши самых мрачных изуверов. Но слово человеческой правды убить нельзя. Его не сожжешь, не утопишь, не зароешь в землю. Правда будет жить всегда, так же как живет в сердцах людских Ярослав Галан...

Холм Славы.

Стройные тополя. Вечнозеленые ели. Живые цветы в клумбах, множество цветов. Высокие постаменты, и на них — бронзовые боевые знамена. Светлые мраморные доски с золотом имен.

Сгустились поздние сумерки. В сумерках далеко виден негасимый, вечный огонь. Трепетно, чуть колеблемый легким ветром, струится огонь к высокому небу, розово озаряя ветви деревьев, склоненные знамена, мерцающие на мраморе имена тех, кто пал в боях за Отчизну.

Обнажив головы, мы стоим на холме — я и давний мой фронтовой друг Иван Клименко.

Много военных дорог мы прошли, много видели смертей, крови, пожаров, человеческого горя и слез, и, видимо, поэтому пепел седины рановато, до времени, пал нам на головы, притушил блеск волос.

Мы стоим плечо к плечу. Мы молча вспоминаем живых, тех, с кем шли дымной дорогой войны. Их много. Миллионы. Нет такого места на нашей земле, где бы не было их, и они и молодые сыны их — великая сила в великом деле, завещанном нам Лениным.

Мы вспоминаем павших, которые отдали свою жизнь за свободу родного народа, за величие и честь нашей светоносной Родины...

Темнеет небо. В бездонной его глубине, вначале слабо, а потом все сильнее возникает свечение первых звезд. Медлительно колеблются отсветы вечного огня в шелестящих кронах высоких деревьев, а внизу, на равнине, зажигаются бесчисленные огни большого прекрасного города — символ неумирающей жизни, человеческой силы и красоты...

* * *

Скован льдом широкий Дон. Всюду лежат глубокие снега. Недвижно застыли на берегах безлиственные тополя и вербы. С утра на востоке ненадолго загорится холодноватая заря, потом разгуляется ветер, заметет поземка, а к вечеру небо затянется низкой свинцовой пеленой густых туч и пойдет снег.

Снег будет идти всю ночь, тихий, спокойный, ровный. Он засыплет звериные и птичьи следы, дорожные колеи, плотным покровом осядет на голых ветвях кустов и деревьев, на крышах редких станичных домов, на днищах черных опрокинутых лодок. Ночью и днем на заснеженном займище будут однозвучно гудеть телеграфные провода. Утихнет мычание коров на фермах, и примолкнут куры. По станичным улицам потянется запах дыма. Вечером над клубом запоют девчата и парни, и голоса их будут слышны далеко, далеко...

Это Донщина, любимый мой край.
Неближний путь отсюда до Карпат.

Но за белой завесой снега, за темными лесами, за большими и малыми реками, за безмежными полями и многими дорогами я вижу иной край, который уже не могу забыть: зеленые полонины, горные перевалы, повитые туманами ущелья, чистые, как бархат, поля и виноградники, руины древних замков — милые сердцу Карпаты, край легенд и песен, земля людей-тружеников.

Глядя на утонувшие в снегах донские сады, я вспоминаю сад, недавно высаженный украинцами и венграми возле карпатского села Лужанки, в долине Тисы.

Люди через границу протянули друг другу руки и, работая вместе, посадили невиданный сад — сад будущего.

И я верю: придет пора, и не только в далекой карпатской Лужанке, но в любом краю нашей земли, на всей планете, вырастут новые молодые яблони. Яблони оденутся бело-розовой кипенью цветов, зазеленеют, красуясь под солнцем, и нальются соком и созреют на крепких ветвях тяжелые, румяные плоды.

Не яблоком раздора станут они, как когда-то бывало, а плодом вечной человеческой дружбы и братства людского. И радоваться будут этим плодам все люди на земле, и дети их, и дети их детей. Потому что уже не будет в ту пору ни войн, ни угнетения, ни голода, ни болезней, ни лжи и коварства, ни клеветы и предательства, а будут земное изобилие, счастье и радость для всех людей...

Королева ледяной дорожки

Четыре года назад люди, собравшиеся со всего света в Долину Индианок, назвали Лиду Скобликову королевой ледяной дорожки. И все дни Белой олимпиады не было спортсменки более почитаемой и известной, чем девушка из уральского города Челябинска. Ведь она завоевала на зимних Олимпийских играх в США две золотых медали из четырех возможных...

И вот мы встретились с королевой льда не в горах Сьерра Невады, а на родном для нее Урале. Там, не жалея сил, Лида готовилась к новым олимпийским забегам, на сей раз в австрийских Альпах. Что же нового случилось в жизни Лидии Скобликовой за это время? О, новостей немало! Вот, например, в прошлом сезоне Скобликова на чемпионате мира в японском городке Каруидзаве установила невиданный доселе рекорд: она получила пять золотых медалей (четыре по отдельным дистанциям и одну — самую почетную — за лучший результат в многоборье). Но есть у Лиды еще одна победа, не столь широко известная, но не менее почетная: она успешно окончила Челябинский педагогический институт и уже четвертый год работает старшим преподавателем. Таким образом, она не изменила традициям своей семьи, в которой насчитывается пять педагогов.

В те дни, когда на челябинском стадионе «Труд» поднимаются стяги соревнования, на трибуне собираются все ученики Лидии Скобликовой и многие ее почитатели. Надо сказать, что в эту зиму она доставила и тем и другим много радостных минут. Лида отлично подготовилась к олимпийскому сезону и показала, что не собирается уступать свой хоть и не официальный, но все же очень дорогой ей титул королевы льда. Лидия Скобликова добилась многих убедительных побед над такими грозными соперницами, как Валентина Стенина, Инга Воронина, Тамара Рылова и другие. Достаточно упомянуть лишь об одном ее результате. Выступая в паре со Стениной на дистанции 3 тысячи метров, Скобликова пронеслась по этой трудной дистанции за 5 минут 4,2 секунды. Это время на 1,8 секунды лучше мирового рекорда Инги Ворониной, который она установила в идеальных условиях высокогорного катка Медео.

Столь же блистательно выступила Скобликова в Челябинске и на другой своей коронной дистанции — 1 500 метров. Ее результат — 2 минуты 23,3 секунды — является рекордом для равнинных катков.

Для того, чтобы представить себе, насколько сильней стала Лидия Скобликова за эти четыре года, достаточно сравнить два ее последних результата с теми, которые принесли ей в Скво-Вэлли две золотые олимпийские медали. В Долине Индианок, на высокогорном катке, Лидия Скобликова пробежала 3 тысячи метров за 5 минут 14,3 секунды и 1 500 метров — за 2 минуты 25,2 секунды.

Что может быть красноречивей этих цифр?

В. ЯКОВЛЕВ

К 45-летию рабфака

Лестница у окна ВУЗА

В. ПОЛЫНИН

Многие наши современники, даже те, кому за тридцать, остановившись в Третьяковке перед картиной Г. Ряжского «Рабфаковка», просят разъяснить смысл непонятной подписи. Еще бы: рабфаки прекратили свое существование еще до войны. Но для людей постарше рабфаковская эпоха насыщена не меньшей романтикой, чем штурмовые ночи Спасска, Волочаевские дни, годы первой пятилетки.

...2 августа 1918 года Ленин подписал декрет, по которому в вузы принимались без справок об образовании и без экзаменов все желающие.

Двери университетов, институтов распахнулись, но рабочая и крестьянская молодежь не повалила в них валом. Мало было поступить в вуз, в нем надо было еще и учиться, успевать. А молодые сыны и дочери тех классов, что взяли власть, в большинстве своем читали по слогам.

Власть взяли, землю завоевали, интервентов прогнали, заводы и фабрики пустили, а высшую школу подчинить делу революции еще не могли. И дело не в преподавателях: далеко не все чтению лекций предпочли торговлю на барахолках или вязание шерстяных носков, лучшая часть профессуры пошла за Советской властью. Но не было своего, красного, советского студенчества.

...Осенью 1918 года, когда Советская Россия готовилась отметить первую годовщину своего существования, в Московском коммерческом институте числилось 16 тысяч студентов. Занятия же посещали не более сотни человек. Остальные 15 900 являлись молодыми людьми того сорта, которые предпочитали числиться студентами, лишь бы не подвергнуться трудовой или воинской мобилизации.

При такой ситуации ответственный организатор Замоскворецкого района Тер-Ваганян, или товарищ Тэр, как все его звали, предложил коммунистам Коммерческого института — их было всего восемь на 16 тысяч студентов — позвать учиться в институт рабочих с заводов и фабрик Михельсона, Цинделя, Брокара. Замысел у Тэра был такой: пусть сначала запишутся в институт студентами, несмотря на свое церковноприходское образование. Когда начнутся выборы в руководящие органы института — тогда даже должность ректора была выборной,— голосами красных студентов можно будет провести туда нужных товарищей.

День выборов очевидцы назвали штурмом Бастилии. К восьми коммунистам теперь присоединилось 985 голосов студентов-рабочих. Эта тысяча была организована и потому на выборах одолела почти 16-тысячный фрондирующий сброд. Эта тысяча первой пришла в аудиторию, где происходили выборы. Был избран рабочий старостат, был учрежден рабочий факультет.

И ровно 45 лет назад, 2 февраля 1919 года, в аудитории имени Г. В. Плеханова состоялось торжественное открытие рабфака — рабочего факультета.

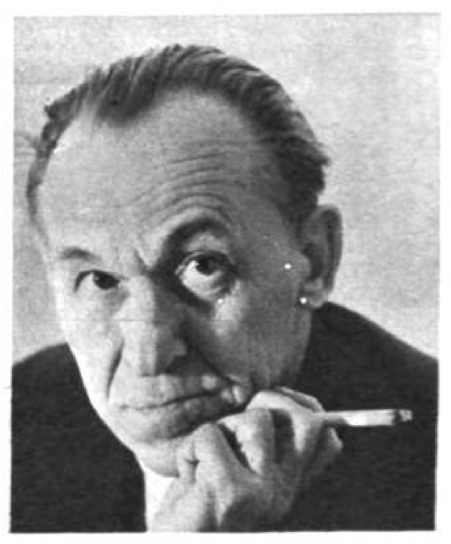
На этом собрании не велось стенограмм, а нарком Луначарский говорил не по бумажке. Запомнили лишь, что оратор назвал рабочий факультет пожарной лестницей, приставленной для рабочих к окнам вузов. К. А. Тимирязев был болен и не смог присутствовать при открытии, поэтому его речь сохранилась. Он прислал ее в письме: «...наука получит прочную, верную опору, когда ее судьба будет в руках самих просвещенных народов, а не царей и пресмыкающихся перед ними холопов, хотя бы они величали себя министрами просвещения, академиками, профессорами».

Статистика говорит о немалых потерях среди штурмовавших вуз. В 1919 году на рабфак имени Плеханова записались, как сказано, 985 человек. До вершины приставной лестницы, до вузовского окна-амбразуры, добрались в 1921 году 20 человек. В 1922 году в вуз-крепость проникли 50 осаждавших, в 1923-м — 60 человек. Но к 1928 году уже насчитывалось 595 рабфаковцев, которые перешли с рабочего на основные факультеты, чтобы получить образование полной мерой: высшее!

В 1932/33 году рабфаков в стране было более 1025, и учились на них 339 517 студентов. За два десятилетия существования рабфаков и благодаря им около миллиона малограмотных парней и девушек, в значительной степени выходцев из рабочих и крестьян, вошли в вуз.

Так к Советской власти приплюсовывалась своя интеллигенция.

Какими они были, когда приходили?

Александр Михайлович Самарин.
Фото Р. Лихач.

СТОЛИЦА ТИРОЛЯ

Главный олимпийский стадион в Инсбруке. На первом плане — искусственная дорожка. На ней проходят состязания конькобежцев.

К тому дню, когда этот номер появится в киосках, дойдет до своего читателя, IX Белой олимпиаде минет четыре дня. Уже станут известны имена первых чемпионов, будут вписаны в летопись олимпиады первые рекорды. О жизни олимпийского Инсбрука, о его героях и героинях читайте репортаж наших корреспондентов в следующем номере журнала.

ГЛАВНЫЙ ОЛИМПИЙСКИЙ

Еще до начала IX Белой олимпиады группа журналистов получила возможность побывать в Инсбруке. Быть может, мои впечатления заинтересуют любителей спорта.

Мы сидим на трибуне главного олимпийского стадиона. Пока еще ничто не мешает неторопливо прощупать взором всю архитектуру этого прекрасного сооружения, оценить оригинальность технического замысла. Специалисты подчеркивают высокое качество искусственного льда хоккейного поля, удобство трибун; их две: западная и восточная. Проектировщики постарались максимально обеспечить удобствами не только зрителей, но и журналистов. В самой верхней части восточной трибуны оборудовано 20 кабин для радиокомментаторов, с вершины западной трибуны простреливают игровое поле объективы телевизионных камер, для которых оборудовано также двадцать телевизионных кабин. Для остальных спортивных корреспондентов отведена часть западной трибуны.

За южным фасадом олимпийского стадиона громадным овалом пролегла искусственная ледяная дорожка. Это арена состязаний конькобежцев.

Сооружение зимнего Олимпийского стадиона потребовало крупных затрат — свыше 76 миллионов шиллингов.

МНОГОЭТАЖНАЯ ДЕРЕВНЯ

Покинем стадион и проедем в олимпийскую деревню. Она расположена рядом. Восемь 11-этажных корпусов преобразили городской ландшафт старинной тирольской столицы.

Из восьми корпусов пять сейчас заняли 3 тысячи спортсменов, тренеров, руководителей национальных команд.

Задолго до съезда гостей были распределены «ордера» на проживание в этой необычной деревне. Команды СССР, Польши, Югославии, Чехословакии, Болгарии и Венгрии должны были разместиться в четвертом корпусе. Спортсмены Японии, Ирана, Турции, Швейцарии поселятся в первом корпусе (австрийцы называют каждое здание блоком). Командам США, Англии, Финляндии, Новой Зеландии предоставлен блок. Канадцы, шведы, норвежцы, исландцы и спортсмены Австралии также займут один блок. Вместе поселились хозяева олимпиады — австрийцы и национальные команды Германии и Лихтенштейна. Спортсмены Франции, Аргентины, Италии, Румынии, Испании, Бельгии, Дании,

В начале зимы 1963 года на олимпийских дистанциях в Зеефельде были проведены лыжные гонки, в которых приняли участие сильнейшие спортсмены. Сейчас на олимпийской лыжне уже идет борьба.

Под одной из фотографий той поры подпись: «Группа рабфаковцев: Кайтамазов — осетин, крестьянин, Сев. Кавказ. Мочалина — работница, текстильщица. Банина — крестьянка, якутка. Климова — домашняя работница. Белоусов — забойщик из Донбасса. Балахнин — шахтер с Алданзолото. Волинский — краснофлотец. Быков — токарь с Урала. Хрипун — селькор с Киевщины, пришел пешком в Москву на рабфак учиться».

Надежда Константиновна Крупская рассказывает: «...привели раз в Наркомпрос парня крестьянина-бедняка, который не знал даже, что существует на свете какой-то Наркомпрос, а, добравшись до Москвы, разыскал памятник Ломоносова и сел у его подножья, надеясь, что его кто-нибудь там увидит и отведет куда надо. Пара студентов обратила на него внимание, узнала, в чем дело, и привела в Наркомпрос. Парня устроили на рабфак».

Первый председатель первого рабфака профессор права Дмитрий Михайлович Генкин — брат той самой Ольги Генкиной, которая погибла в 1905 году, когда везла боеприпасы в Иваново-Вознесенск; ее именем названа улица в Иванове, и там воздвигнут памятник,— Дмитрий Михайлович Генкин — сын народовольца, профессор, который еще до революции читал рабочим бесплатные лекции в Народном университете Шанявского и на Пречистенских курсах, ныне заведующий кафедрой права Московского института народного хозяйства имени Плеханова и его первый советский ректор. Дмитрий Михайлович хорошо помнит те времена. Он сам по заданию Наркомпроса составлял проект первого рабочего факультета, за что, кстати говоря, с ним перестали раскланиваться некоторые из профессоров. Дмитрий Михайлович преподает 50 лет, он видел разных студентов, но такой собранности, рвения, усердия, дисциплинированности, жажды знаний, как у рабфаковцев, он не видел.

Какими они стали благодаря рабфаку?

Интересно было бы встретиться сегодня с этим парнем, о котором рассказывала Крупская, или с первыми питомцами первого рабфака. Задача оказалась нелегкой: прошло 45 лет. Одни как-то порастерялись, а других уж нет: нет, например, Петра Апакова, убитого восставшими кулаками под Бугульмой, того Петра Апакова, именем которого назван трамвайный парк в Замоскворечье...

Все же рабфаковца тех времен найти удалось. В ту пору он — зовут его Александром Михайловичем Самариным — походил, возможно, на паренька, описанного Надеждой Константиновной. Только тот пришел из деревни в Москву, а этот — в Нижний Новгород.

В Нижнем Александр Михайлович варил варенье и повидло на заводе Басова, на железной дороге работал весовщиком и чернорабочим. Как только в Нижнем организовался рабфак, Самарин получил туда путевку от своего профсоюза.

Когда он прибыл во Владимир, где вручали путевки рабфаковцам, ему по канцелярской привычке сказали: «Придите завтра». Как вы думаете, на что убил вечер железнодорожный чернорабочий? Пошел в театр на пьесу Алексея Толстого. Обратил внимание, что этот Толстой не Лев, а Алексей, и, поинтересовавшись, сколько Толстых, узнал: три.

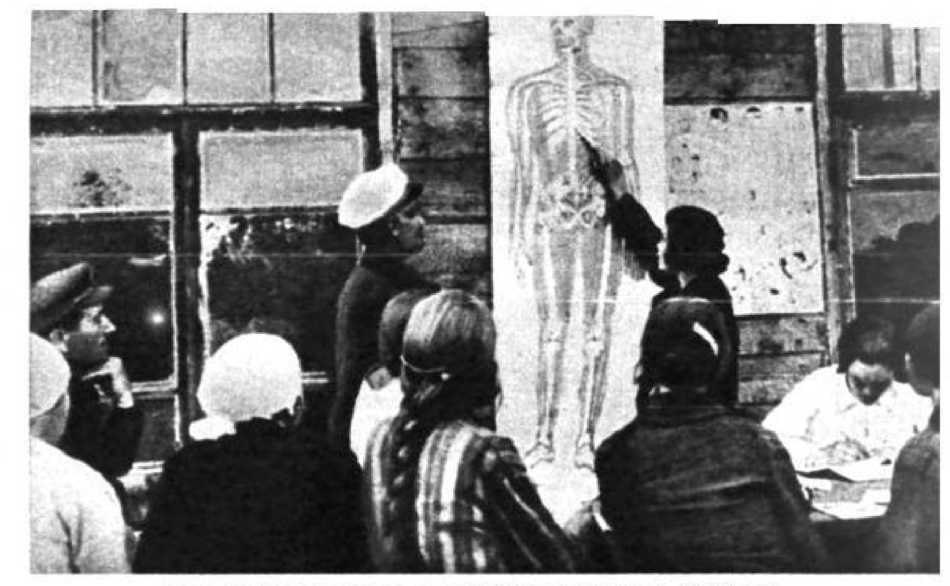
Спектакль давался в помещении бывшего дворянского собрания, а ночевал будущий рабфаковец на берегу Клязьмы.

На следующий день ему сказали в канцелярии: «В уезде появились бандиты. Поймаете — получите путевку».

Из Нижнего во Владимир за путевками на рабфак Самарин ехал вместе с незнакомым ему тогда Тимошкой Морозовым, который, несмотря на осень, был в одной рубашке. Спутники поделились тем, что имели. Самарин остался во френче, отдал Морозову шинель.

Ректор Нижегородского университета, некто профессор Завадский, сказал рабфаковцам: «Десятниками вы, возможно, и станете, но, чтобы сделаться инженерами, вам надо было сначала завести других родителей». Нетрудно догадаться, что именно имел в виду ректор.

Вот бы он удивился, узнав, что Александр Михайлович Самарин — ныне член-корреспондент Академии наук СССР, заведующий лабораторией физической химии металлических расплавов Института металлургии, член Польской академии наук, почетный член Венгерской академии наук, член-корреспондент Немецкой академии наук в Берлине и заместитель председателя Государственного комитета по координации научно-исследовательских работ СССР!

Урок естествознания на рабфаке в Москве. 1927 год.

А как тогда жил Самарин? Студенческого месячного пайка чечевицы хватало на три дня. Чечевицу даже не варили. Набивали ею карманы и сгрызали в три дня, как семечки. Учились вечерами. Днем клали печки. Работали грузчиками на пристани. Летом по колено в торфяном болоте корчевали пни на Балахнинской электростанции. Все лето ели одну квашеную капусту с перележавшей солониной. Из-за комаров спали в наглухо задраенных бараках по сто пятьдесят человек на одном чердаке. С чердака не спускались, так как в бараке нечем было дышать: за ночь должны были просохнуть портянки, штаны и лапти...

Да, эти лапотники — буквально, а не фигурально — мало чем напоминали ректору Завадскому будущих ученых.

Не один Самарин вышел, как говорится, в люди. Его друг и одноkашник Трофим Александрович Павлов, сормовский потомственный рабочий, стал директором первой в Союзе фабрики искусственного шелка. Другой друг — они так и дружили троицей,— Константин Николаевич Смирнов, тоже сормовский рабочий, потом матрос, окончил после рабфака в Нижнем химический факультет и преподавал химию в вузе. Кокурин Николай стал начальником Главнефти. Михаил Базкин сделался главным инженером Главзолота...

Эх, как было бы кстати проинтервьюировать теперь профессора Завадского! ...Для нашей страны пора рабфаков миновала. Но рабфаки и в наши дни не сделались исторической категорией. В 1948 году они возникли в Чехословакии и Болгарии, в 1945 году — в Германской Демократической Республике и Польше. Им подобные учреждения существуют в Румынии и Венгрии. При Гаванском университете организован рабоче-крестьянский факультет имени Хулио Антонио Мелья.

Для нас же рабфак — это как освоение целины, как — если хотите — освоение космоса. Это история, которая не забывается.

ВСТРЕТИЛА ГОСТЕЙ

Голландии, Греции и Чили заняли блок № 4 (Зюйд).

В каждой комнате разместятся не больше двух спортсменов. Руководителям команд предоставляются отдельные номера.

В трех остальных корпусах поселились организационный комитет IX Олимпийских зимних игр, спортивные функционеры, технический персонал почты и телеграфа, радио и телевидения.

Тщательно продумано питание спортсменов. На первых этажах четырех корпусов олимпийской деревни будет открыто четыре ресторана национальных кухонь: немецко-австрийской, романской, англо-американской, скандинавской, славянской и восточноазиатской.

Но, как говорится, не единым хлебом жив человек : на территории олимпийской деревни к услугам спортсменов — театральный зал, а также читальные залы, комнаты для игры в настольный теннис, салоны с телевизорами.

Не покидая территории олимпийской деревни, спортсмены смогут следить за ходом игр по радио и телевидению.

СТАДИОН «БЕРГИЗЕЛЬ»

Из олимпийской деревни маршрутные указатели ведут нас к высокому холму Бергизель. Пропетляв по расширенной, а местами заново проложенной асфальтовой дороге, автомашины доставят вас к подножию трамплина. Отсюда весь Инсбрук виден как на ладони. С запада на восток город прорезает ложе быстрой горной реки Инн. Справа четко виднеются контуры корпусов олимпийской деревни, покатая крыша главного олимпийского стадиона. Слева — корпус студенческого городка; здесь разместится пресс-центр.

Бергизель издавна использовался в спортивных целях. Построенный на холме трамплин принадлежит к одним из старейших сооружений подобного типа в Центральной Европе. Однако для проведения состязаний по прыжкам с трамплина в рамках IX олимпиады пришлось осуществить большой объем строительных работ, которые существенным образом изменили облик этой традиционной арены австрийского и международного лыжного спорта. Пятнадцать тысяч бетонных ступеней грушевидным, асимметричным амфитеатром с запада и востока замкнули овальными скобками огромную чашу подножия трамплина. Теперь здесь смогут разместиться от 55 тысяч до 60 тысяч зрителей (прежде «Бергизель» мог принять лишь 25 тысяч).

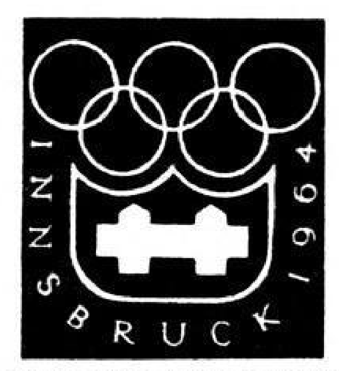
Здесь в торжественной обстановке состоится официальное открытие IX Олимпийских зимних игр 1964 года.

ЗА ОБЛАКАМИ

С особым удовольствием гостеприимные гиды из подготовительного Олимпийского комитета демонстрировали нам главный плацдарм борьбы претендентов на золотые медали по слалому и скоростному спуску на лыжах.

Нам предстояло проехать не более 18 километров. Дорога все время поднималась вверх. Казалось, будто мы поднялись с инсбрукского аэродрома: все дальше вниз уходила долина реки Инн, и вскоре облака уже проплывали буквально над колесами нашего автобуса. На высоте 870 метров над уровнем моря, у местечка Аксамер, мы миновали олимпийскую стоянку для 10 тысяч автомашин. От Аксамера до Лицума проложена горная дорога специально для IX олимпиады (во время зимних игр проезд по ней для частного транспорта будет закрыт). Она идет вверх, часто петляя, достигая в конечном пункте высоты 1 600 метров над уровнем моря. Движение по этой важнейшей олимпийской коммуникации в часы пик будет чрезвычайно интенсивным, и для переброски 25 тысяч зрителей выделено 200 автобусов.

Удаленность Лицума от Инсбрука побудила организаторов Олимпийских игр разместить здесь опорный пункт — комфортабельный отель на 300 мест, — но участникам игр он не потребуется. К их услугам — подвесные канатные дороги, которые будут доставлять лыжников к месту старта. Мне с группой иностранных журналистов довелось первым после строителей опробовать подъем на подвесных креслах канатной дороги к вершине Хёдль (2 338 метров). Тогда мы и почувствовали, какое высокое мужество и мастерство потребуется от участников состязаний по слалому и скоростному спуску. Когда, сидя в подвесном кресле, поднимаешься выше облаков, когда собственная тень скользит по острым скалам, понимаешь, какой точный расчет, снайперский глаз и железные нервы необходимы борцам за золотые олимпийские медали по горнолыжным видам.

«СКАНДИНАВСКАЯ ИМПЕРИЯ»

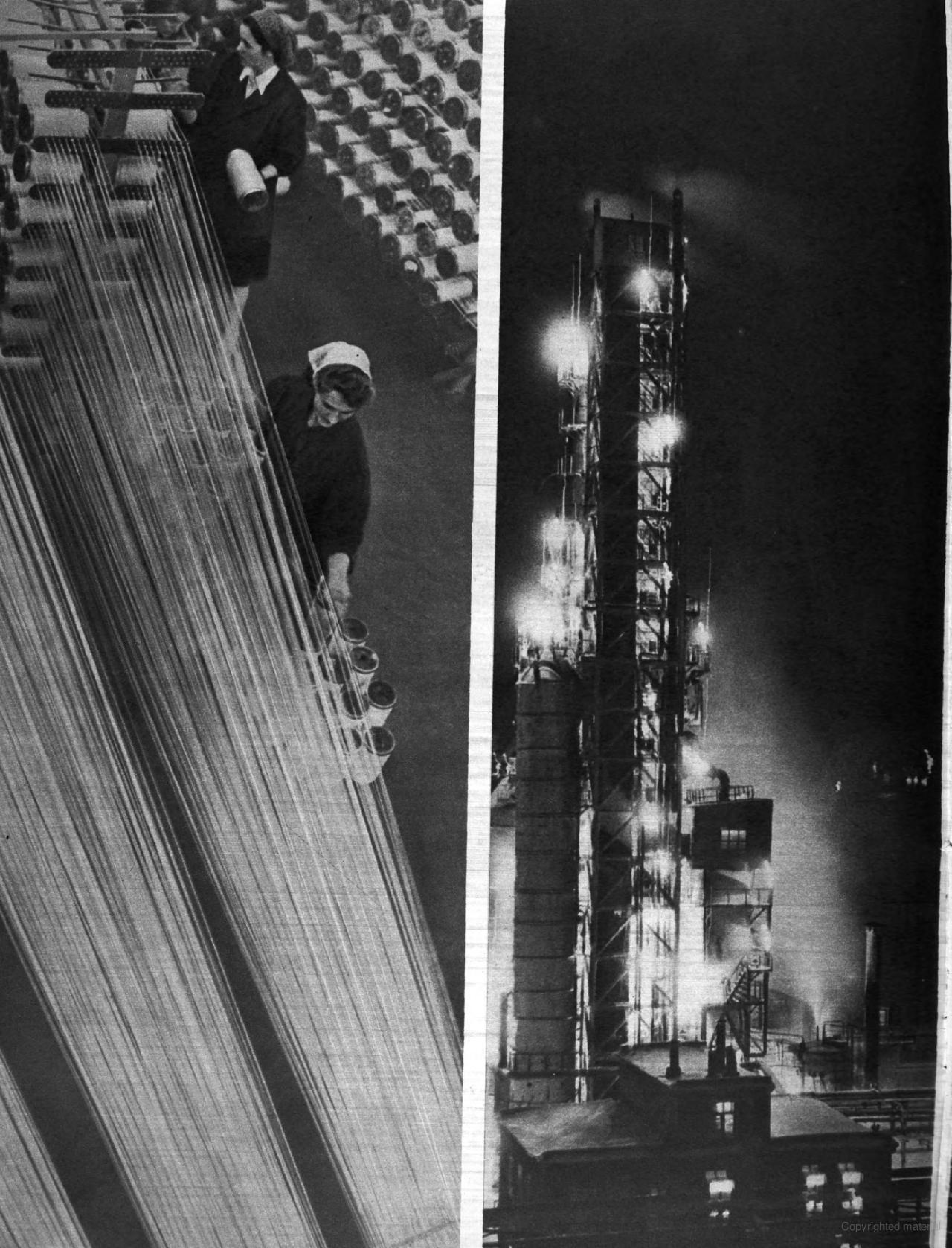
С высокогорного Лицума перенесемся на плато в районе Зеефельда, к местам напряженной борьбы по бегу на лыжах, прыжкам с трамплина, биатлону и двоеборью: бег на лыжах и прыжки с трамплина.

Зеефельд лежит в 25 километрах северо-западнее Инсбрука, на высоте 1 180 метров над уровнем моря. Район Зеефельда относится к самым крупным центрам зимнего спорта в Австрии. Многочисленные подвесные канатные дороги и лифты доставляют спортсменов и туристов на самые различные стартовые точки. Никогда еще прежде во время зимних Олимпийских игр дистанция бега на лыжах не была столь трудной — таково единодушное мнение экспертов. Непрерывная смена подъемов и спусков требует от лыжников наивысшего напряжения сил.

Во время олимпиады, говорили нам австрийцы, Зеефельд будет «нордиш рейх» — «скандинавской империей», подчеркивая в то же время, что лишь лыжники Советской России смогут поспорить с «королями лыжни»: финнами, шведами и норвежцами.

В. МЕНЬШИКОВ

Инсбрук — Вена.

ШИРОКО ШАГАЕТ БОЛЬШАЯ ХИМИЯ ПО НАШЕЙ ЗЕМЛЕ. На снимках: огни Куйбышевского завода синтетического каучука и волокно, которое выпускают красноярские химики.

Фото А. Брянова и Л. Шерстенникова.

ТАЙНЫ «слоеного пирога»

Здесь, над землей,— низкие неповоротливые облака. На земле — серые хребты терриконов за сеткой мокрого снега. А под землей — «слоеный пирог». Именно так называют горняки залежи горючего сланца. Они тянутся вдоль побережья Балтийского моря на севере Эстонии и в Ленинградской области. «Слоеный пирог»— вовсе не добродушное прозвище, а строго технический термин, краткий и точный: коричневый сланец залегает слоями вперемежку с известняком.

Ежесуточно от «слоеного пирога» откалывается изрядный кусок в сорок три тысячи тонн. Откалывать его приходится пока вместе с несъедобной частью — с известняком. Известняка много. Он спрессовался за миллионы лет, и теперь его выбирают из шахт и укладывают в поле. Так здешняя равнина стала холмистой местностью. За это же время эстонские шахтеры сменили кирку, лопату и ручную вагонетку на механизмы. Ручную вагонетку они поставили на постамент во дворе Кохтла-Ярвского сланцеперерабатывающего комбината. И теперь, управляя механизмами, каждый шахтер вместо 21 тонны сланца, как было в 1945 году, добывает по 117 тонн в месяц.

Торопятся подземные добытчики сланца, потому что он очень нужен на земле. Он нужен не только энергетикам, как это было еще недавно, но и химикам.

Представьте себе земельный участок в два километра длиной и в шестьсот метров шириной, густо уставленный компрессорами, цистернами, печами, тысячами огромных трубищ, труб и мелких трубочек. Это и есть сланцеперерабатывающий комбинат имени Ленина в Кохтла-Ярве.

Тяжелые эшелоны доставляют сюда отборный сланец. Часть его загружают в генераторы и прокаливают при температуре в несколько сот градусов. Мягкий коричневый камень превращается в газ-невидимку. И уже потом по многокилометровым трубам газопроводов он отправляется в Таллин и Ленинград.

А в других печах сланец становится смолой. Смóлы... Сколько веществ извлекли за последние десятилетия химики из этих тягучих, вязких жидкостей! А во что может превратить химик сланцевую смолу?

Проблемами сланцевой химии занимается большая группа ученых: академики Хуго Раудсепп, Агу Аарна, доктора наук С. И. Файнгольд, М. Я. Губергриц и А. С. Фомина. А кандидат наук Е. Ф. Петухов, оставив преподавательскую работу, перебрался в Кохтла-Ярве и рядом с комбинатом организовал Научно-исследовательский институт сланца. Сюда переехали и другие ученые из Таллина и Ленинграда.

Так вот что установили и продолжают доказывать ученые: сланцевая смола — хорошее исходное сырье для химической промышленности! Из нее могут быть получены полистирол, капрон и каучук, полиэфирные и анилиновые красители, фармацевтические препараты и ускорители вулканизации, пластификаторы и некоторые виды гербицидов, пенопласты и лаки, духи и дефицитный электродный кокс. Последнее достижение института сланца — аммиак!

Полтора десятка лет объединяет в своей должности науку с промышленностью главный инженер комбината кандидат наук Николай Дмитриевич Серебрянников. Мы проходим с ним в новые химические цеха. Вечереет. Силуэт комбината контрастно нарисован в темном небе золотыми и красными огнями. По асфальтовым дорогам мимо голых яблонь и тополей ходим из цеха в цех. Через смотровые глазки видим, как бушует в форсунках чистое фиолетовое пламя, слышим, как пульсируют компрессоры, как гудит и преобразовывается в трубах сланец.

И совсем не видим людей. Где же они?

— У щитов управления,— поясняет Николай Дмитриевич.

Обо всем, что происходит со сланцем в печах и трубах, людям рассказывают электронные приборы.

А может ли сланец быть полезен сельскому хозяйству?

Может! И не только гербицидами. В Эстонии давно уже используют сланцевую золу для известкования кислых почв. А недавно при улавливании пыли из топок были обнаружены некоторые фракции, содержащие калий. Их исследует сейчас Институт растениеводства Академии наук республики. Потому что очень и очень нужны пашням калийные удобрения.

Но самым большим другом сельского хозяйства в недалеком будущем должен стать тот самый аммиак, который недавно получен в лабораториях института сланца.

И вот уже проектируется еще одно звено комбината — завод аммиачных удобрений.

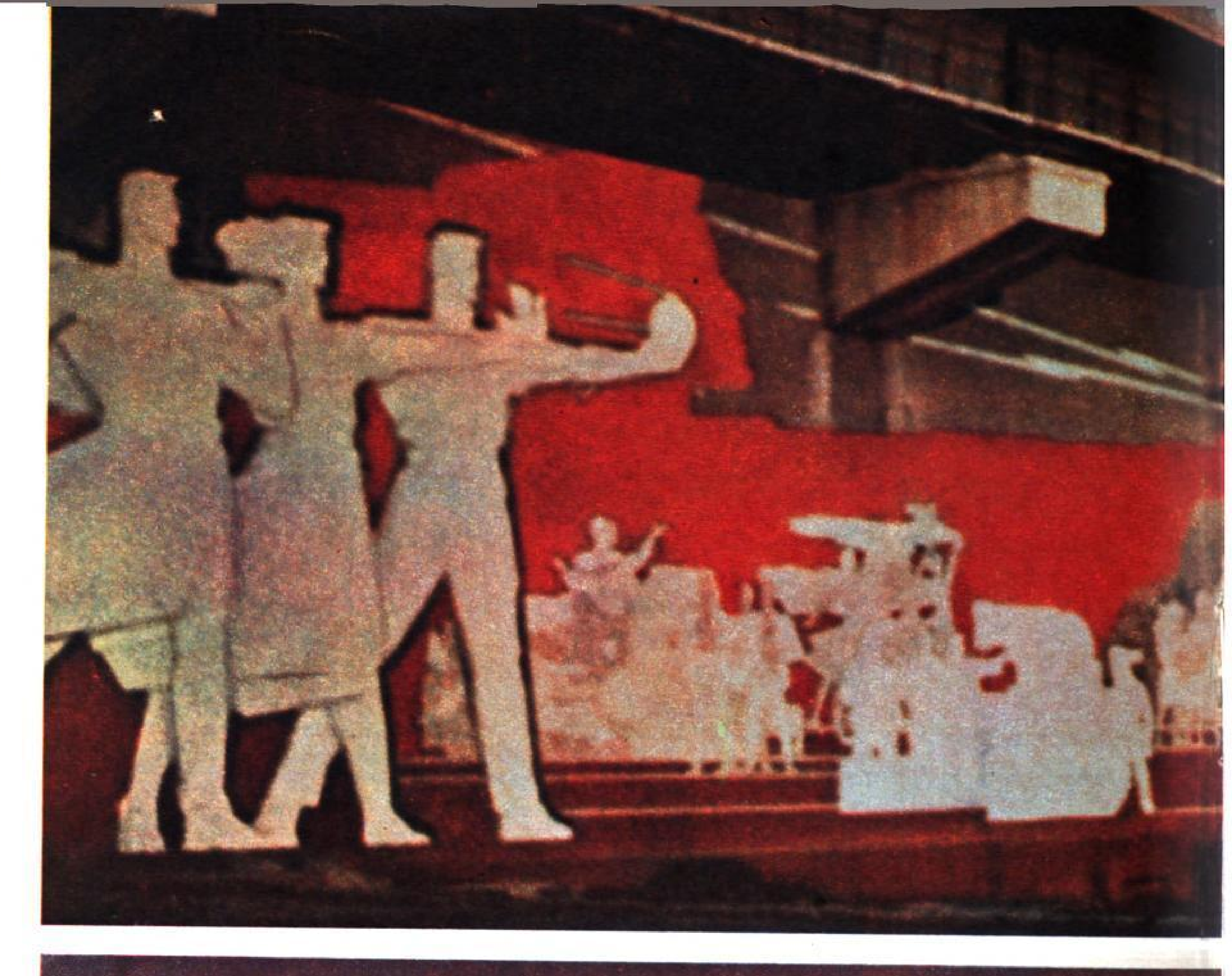
Очень полезным оказался этот «слоеный пирог»!

Н. ХРАБРОВА

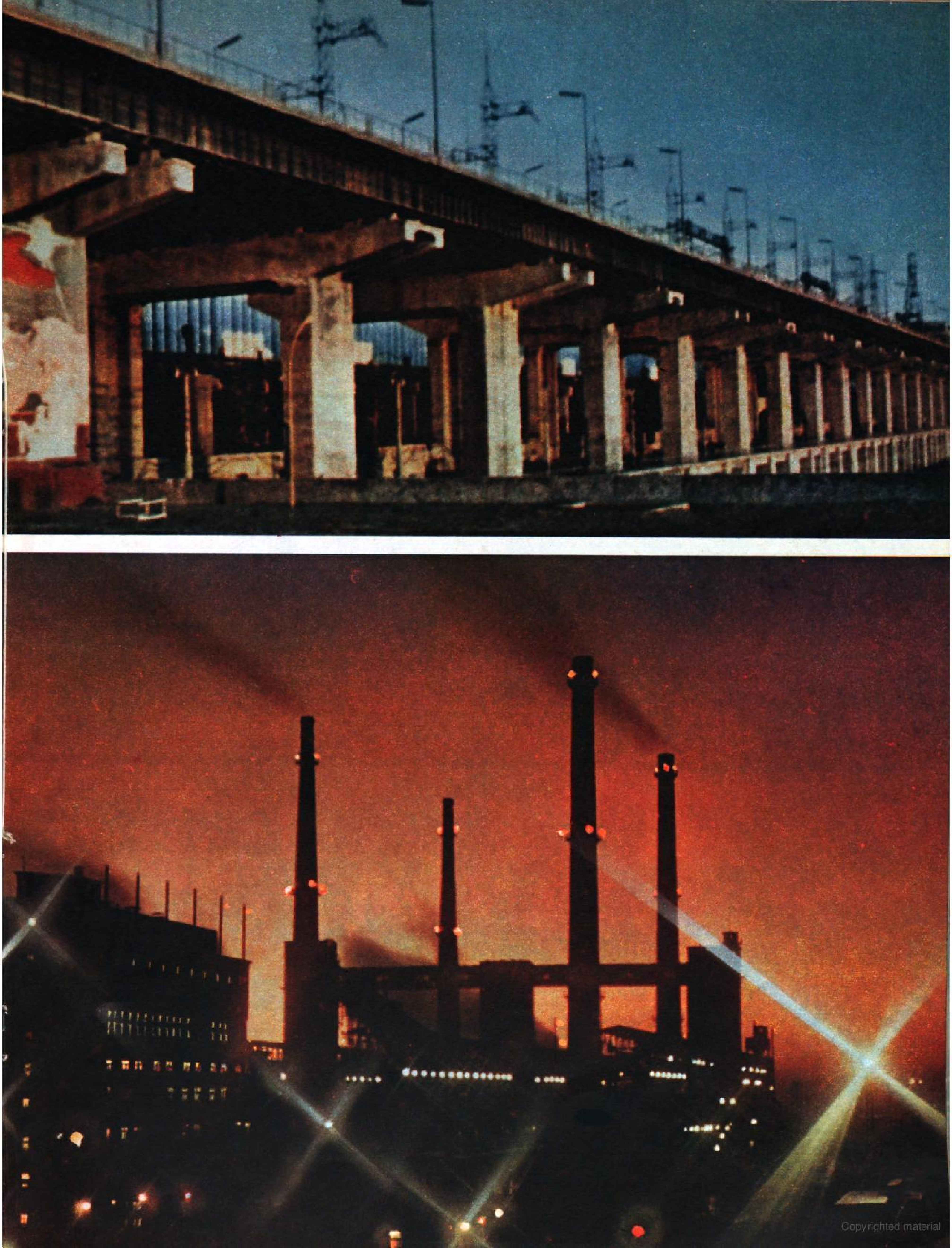
Волжская гидростанция имени XXII съезда КПСС.

Фото Дм. Бальтерманца.

Коммунизм—есть Советская власть плюс электрификация всей страны, плюс химизация народного хозяйства.

Сланцеперерабатывающий комбинат имени В. И. Ленина в Кохтла-Ярве.

Самый юный химик цеха — Галя Гавриленко.

БЕЛЫЙ ДО

Репортаж по следам одной цифры: 1762

У истоков * Осадки круглосуточно * Селитра на юг, и мы за ней

Н. БЫКОВ

Фото Дм. Бальтерманца.

Стучат колеса на стыках, разбегаются по стране стальные пути. Катятся по этим путям цистерны с серной кислотой, вагоны с апатитом, с аммиачной селитрой и суперфосфатом. Кислота и апатит — на заводы, а удобрения — заказчикам, в колхозы и совхозы.

А что, если проделать путешествие, ну, скажем, с мешком селитры? Старт — на химкомбинате. На каком? Мы выбрали Новомосковский...

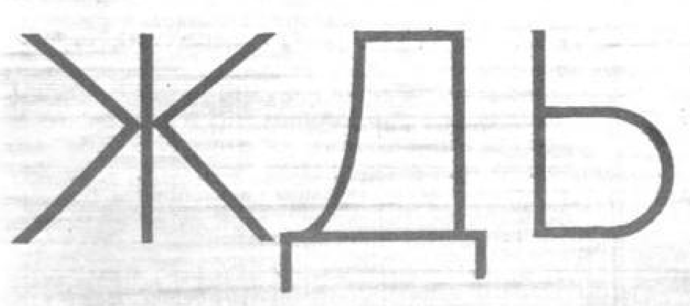
Новомосковск — это новый город недалеко от столицы. Будто винтовки, составлены ломы и лопаты. Землекопы в надвинутых буденовках и треухах сушат портянки у негасимых костров. Когда их спрашивают местные люди: «Чегой-то, ребятки, вы тут строите?» — они солидно отвечают: «Новую Москву!..» Так родилось название города.

Было это в начале тридцатых годов. Строили в Бобриках химический комбинат комсомольцы-добровольцы и мужики окрестных тульских деревень.

Химкомбинат этот полуголодные, полураздетые энтузиасты первой пятилетки пустили 23 декабря 1933 года. Мы приехали сюда тридцать лет спустя — день в день. Среди новых высоченных цехов, оплетенных трубами и трубочками, угадывались приземистые, потемневшие от времени корпуса того гиганта. На заводских магистралях и площадях урчат самосвалы и тягачи, громоздятся сборные детали новейших конструкций. Звенят, поигрывают монтажными цепями молодые высотники.

Строительство химкомбината продолжается. На светлой, только что поднятой стальной башне алые буквы: «Комсомол — шеф химии...»

Более ста семидесяти видов продукции —

На лету образуются гранулы.

вот что такое Новомосковский химкомбинат сегодня. Завтра продукции будет еще больше — и по валу и по ассортименту! Химики всегда были в почете, а нынче, после декабрьского Пленума ЦК КПСС, им особое внимание. И особая помощь. И особые требования к ним.

Пущен цех мочевины. Уже действует цех гербицидов: опробована установка, выпускающая карбофос, получен симазин. А скоро химики дадут новинку — динасеп. Да, мудреные названия, но и они станут привычными, когда эти гербициды войдут в жизнь.

Но нас интересуют удобрения. Поэтому, минуя прочие интересные цеха комбината, идем сразу в цех № 3, который выдает на-гора аммиачную селитру.

Две широченные, кирпичной кладки башни. За старыми толстыми стенами свершается таинство химических реакций. Тех самых, которые можно наблюдать в лаборатории. Только здесь не пробирки, не колбы, а вот эти высокие, этажей в шесть, башни. Римма Абрамовна Говзман, начальник цеха, предлагает заглянуть в одну из таких колбочек. Для этого входим в башню. Римма Абрамовна вызывает лифт. А пока рассказывает, что на комбинате она уже двадцать лет — сразу после института. Мощность комбината за пять лет возросла втрое. Выпускают тут аммиачную селитру, карбамид и сложное удобрение, в которое входит классическое N, P, K.

Спускается кабина лифта. Входим. Помощник аппаратчика Виктор Шумейкин поднимает нас в свое хозяйство. Попадаем в царство манометров и еще каких-то незнакомых нам приборов. Циферблаты, циферблаты, беспокойство стрелок.

Виктор отталкивает тяжелую дверь — и мы в башне, только теперь на самом верху. Перед нами клубится мгла. Ревут невидимые лопасти вентиляторов. Они гонят воздух — до 200 тысяч кубов в час! Вместе с кислородом врываются и световые кванты. Четыре солнечных луча устремляются в центр и высвечивают белые нити химического дождя. Это селитра! Аммиачная. Здесь, под самым потолком гигантской кирпичной колбы, она и начинает свое большое путешествие на колхозные поля.

— Заменитель навоза,— так сказал про селитру Виктор.

Когда присмотрелись, увидели, что белые нити сеются из огромного дырчатого пульверизатора, который помещен в центре потолка.

— По-нашему — «корзина»,— поясняет старший аппаратчик Борис Петрович Воличенко.

Он тоже давно тут трудится. А еще есть в цеху аппаратчица Вера Семеновна Петрина: тридцать лет на комбинате. Строила его, стала химиком, осваивала новое оборудование. Вера Семеновна — участница декабрьского Пленума ЦК КПСС.

Из «корзины» бьют едва приметные струи крепкого — до 98,5 процента! — раствора аммиачной селитры. Раствор подается с температурой до 165°! И разбрызгивается. Химическая капель после соприкосновения с воздухом оседает на дно башни в виде гранул.

Белый дождь на наших глазах превращается в сухой химический град. Белый дождь сыплется круглосуточно. А в темной глубине башни круглосуточно наметаются сугробы гранул...

Работники цеха своими силами увеличили его мощность на 45 процентов. Кстати, в 1963 году комбинат отгрузил десятки тысяч тонн селитры сверх плана...

Селитра оседает прямо на транспортеры. День и ночь бегут груженые ленты. День и ночь. Куда? Мы пошли за ними, и они привели нас в светлую галерею, довольно круто поднимающуюся вверх. И снова мы начали восхождение от нулевой отметки. Две белые, две сухие реки аммиачной селитры текли беспрерывно все выше и выше. На берегу этого потока дежурит девушка. Это самая юная работница цеха — Галя Гавриленко. Она пока только помощник транспортерщицы. Пока, потому что Галя еще и студентка. Учится в московском химико-технологическом институте имени Д. И. Менделеева. Но не в Москве, а в филиале института — в Новомосковске. День работает, день учится. Течет белая река, быстро бегут дни. Вот и первый семестр закончился... Ох, и велика же нынче нужда в специалистах химии! Чего греха таить, не все еще достижения этой современнейшей из наук внедрены в производство. На комбинате нам по-дружески рассказали, как частенько новейшее оборудование простаивает лишь из-за того, что не могут его применить. Очень нужны большой химии по-современному образованные специалисты!.. Новомосковцы это знают. И Галя знает. Когда-нибудь придет на комбинат инженер Галина Гавриленко, но она не будет новичком, потому что не одну сотню смен отстоит к тому времени любознательная, большеглазая девушка.

...Пока говорили с Галей — много тонн селитры утекло в упаковочное отделение. Спешим и мы туда же. Теперь наш гид — начальник смены Инна Александровна Силкина. Где-то там, наверху, за потолочным перекрытием, обрывается бег транспортерных лент. А здесь над нами нависают ярко выкрашенные раструбы. Дозиметры. Они отсыпают в мешки пятидесятикилограммовые дозы селитры. Возле полуавтоматов сидят насыпщицы — Анастасия Зборовская и Варвара Медведева. От них на малой ленте полные мешки плывут к упаковщикам. Упаковщик Николай Владимирович Соколов работает здесь уже двенадцать лет. Старый солдат и старый строитель. Теперь вот к делу сельской химии приобщился. Работает в паре с автоматом, напоминающим швейную машину. Быстрые, сильные руки поддерживают наплывающий бумажный мешок. Автомат дает очередь — прошивает толстую многослойную бумагу. Молниеносно возникает стежка, она намертво схватывает борта мешка, а к нему еще и синий квадрат этикетки. На этикетке — номер партии. За смену бригада упаковщиков успевает отгрузить две партии.

— Везет нам сегодня,— как-то многозначительно говорит Соколов.

— Это в каком же смысле?

— А в таком, что вот мешки хорошие. Вчера лопались, как мыльные пузыри...

Очередь за очередью. Стежка за стежкой. Мешок за мешком. Высокие, тяжелые. И прочные сегодня. А вчера и позавчера...

— Плохая тара под нашу продукцию идет,— сетует упаковщик.— Иной раз по колено в этой селитре стоишь... И грузчикам с худым мешком беда. Тут начальству подумать надо... Охать все охают, а тары путной нет и нет...

Весовщица Мария Александровна Козелкова заполняет наряды, записывает номера вагонов. От нее вся документация идет в отдел сбыта. А селитра, теперь уже в мешках, снова по ленточной реке транспортеров плывет на склад. Мешков много, они исчезают в темных люках — один за другим, сотня за сотней.

Стоят у распахнутых ворот пакгауза вагоны. Оснежены дорожными метелями: только что из дальних рейсов. И снова в дорогу, снова в рейс...

Станции назначения: Эстония, Выру; Эстония, Ракке; Белоруссия, Бобруйск; Калининская область, Мюд; Новгородская область, Тулебля; Краснодарский край, Величковская...

Вагон № 1—196-400. Мешки ложатся ряд за рядом. А транспортер их все подносит и подносит — успевай подхватывать! Механизация, но и бицепсам грузчиков работы вдосталь. Куда же пойдет, например, этот вагон № 1—196-400? Станция назначения — Сходня. Это по другую сторону Москвы.

Нам надо как-то заметить один из мешков, чтобы и дальше проследить его путь. И мы поставили на одном из самых заурядных мешков одну цифру — 1762. Это номер партии. И тут же уплыл наш меченый мешок, исчез в пасти железнодорожного вагона...

На выходной стрелке — зеленый светофор. Заверещал свисток составителя. Ему отозвался двумя короткими гудками маневровый тепловоз. И лязгнули буферами вагоны. Поползли со двора химкомбината... И наш вагон тоже. Его номер 1—195-167. Пульман.

В отделе сбыта нам сказали, что партия 1762 отправлена на Кубань. В тот день пять пульманов укатили на станции Величковская и Каневская. Хозяин двух из них — колхоз имени Тельмана.

Итак, селитра — на юг. И мы за ней. На Кубань, в колхоз имени Тельмана. Следующий наш репортаж о путешествии «аммиачки», как называют удобрение рабочие Новомосковска, будет оттуда.

Прочные стальные нити связали цех № 3 с бригадой... А вот с какой бригадой — это мы узнаем в конце пути.

Вл. ЛИДИН

Рассказ

Мор

Осенью Анна Андреевна решила отвезти дочь к матери. Уже два года, как тыкалась из угла в угол, из одних рук в другие эта ее крохотная Юленька: то была в яслях, то в детском саду, то во время отъездов Анны Андреевны у приятельниц или просто знакомых женщин, соглашавшихся за плату присматривать за девочкой. В этом году стало совсем плохо: с устройством в детский сад Анна Андреевна запоздала, оставлять дома девочку было не на кого, соседка-старуха нехотя приходила приглядывать, а Анна Андреевна целый день была на работе и целый день думала о Юленьке, как она, и сломя голову торопилась домой, а приходилось еще и забежать в магазин по дороге.

Два года назад Анна Андреевна разошлась с мужем, убедившись, что ей совсем чужд и не нужен этот грубый человек, в которого она когда-то поверила, больше всего оттого, что надо было как-то устроить свою жизнь. Никольцев работал электромехаником на заводе и, как только разошелся с женой, с облегчением сбросил с себя и отцовские обязанности, и стало столь тягостно получать от него что-либо по суду, что Анна Андреевна и совсем освободила его от этого. «Я знаю, что тебе это только на руку,— сказала она тогда,— но бог с тобой совсем, выращу как-нибудь и без тебя Юленьку». «Глупо»,— ответил он ей, чтобы

Рисунок П. ПИНКИСЕВИЧА

озная стежка

уж окончательно не пасть в ее глазах, но она знала, что это ему действительно только на руку и он легко уйдет на все четыре стороны.

Мать Анны Андреевны жила в Вологде, работала корректором, и некоторое время назад они списались, что лучше всего год-другой пожить Юленьке у нее, у бабушки: в Вологде она устроит ее в детский сад, и ей самой будет в радость, что внучка рядом. Расставаться с дочерью было тяжело, и самое грустное было в том, что Юленька уже привыкла к разным рукам, привязывалась то к одной женщине, то к другой, и сразу же ее отрывали, и такой беспомощной и лишенной крова казалась Анне Андреевне ее пичуга, что она по временам немела и тупела от жалости к ней.

Теперь, когда было решено, что Юленька поживет у бабушки, Анна Андреевна с энергией, какой уже давно не знала в себе, купила ей на зиму шубку, и ботики, и теплые платьица, залезла в долги, но Юленька была одета, шапочка на ней была зеленая, вязаная, с болтавшейся на шнуре кисточкой, аккуратные брючки из-под шубки делали ее взрослей, и такой родной и ненаглядной была эта лишившаяся отца девочка, что Анна Андреевна боялась подолгу смотреть на нее, чтобы та с детской наблюдательностью не заметила на ее глазах слез.

В Москве было к концу октября уже холодно, а в Вологде снежило; снег, правда, был сухой, но несло его по-зимнему, и над золотой главой Софийского собора почти вплотную лежало темно-сизое небо. Вологда в памяти Анны Андреевны всегда оставалась северной русской красавицей, с белыми задумчивыми ночами в мае, когда бесплотный свет лежит на сонных улицах с их аккуратными домиками и в садах прохладно и гулко пахнет черемухой, а зимой — глубоко в снегу, в таких белых перинах, что к утру, если ясный день, вся зарумянится после зимнего сна от красной, почти малиновой зари.

Мать, Евдокия Павловна Румянцева, встретила на вокзале, и с вокзала ехали в автомашине, которую Евдокии Павловне предоставили в редакции. Анна Андреевна смотрела на знакомые улицы, иные не узнавала, многое уже построили и перестроили, но все же это был город ее детства. Мать родилась в Вологде, а отец, Андрей Иванович Румянцев, сосланный в Вологду после тысяча девятьсот пятого года за участие в студенческих беспорядках, так и остался в Вологде, здесь встретил свою будущую жену, здесь родилась и она, Анна Андреевна, а отец похоронен на Богородском кладбище.

Мать, невысокая, хлопотливая, с озабоченным добрым лицом, сидела позади, обняв за плечи внучку, и говорила чуть нараспев, по-вологодски, мило и нежно:

— Заживем мы с тобой, моя дролечка... уж я тебя не обижу, и так ладно заживем, что другие только позавидуют, крохотулечка ты моя.

Юленька, привыкшая к переменам и впервые увидевшая бабушку, смотрела заинтересованно то на ее светящееся нежностью лицо, то в окно машины, спрашивала: «А это что?» и Евдокия Павловна отвечала: «Это Софийский собор, такая редкая старина, деточка!» Или: «А это наш городской Совет, а там, подальше,— издательство, где я работаю. А детский сад у нас отличный, и руководительница такая хорошая, Софья Максимилиановна, она меня знает немного, мы ведь книги и по педагогике выпускаем» — и все прижимала и прижимала к себе потеснее плечико девочки.

Домика, в котором родилась Анна Андреевна, уже не было — он сгорел во время войны от неисправной печи,— и мать жила теперь в доме, построенном для работников просвещения, в большой комнате, из окна которого видны были купола и звонница собора-музея. Мать подгадала так, что у нее оказался выходной день, и она еще с вечера накануне напекла и наварила чего-то, и стол был уже накрыт к их приезду.

— Зачем ты столько, мамочка,— сказала Анна Андреевна.— Я с собой привезла кое-что.

Но на столе были шанежки и круглое блюдо с колобками — этого, конечно, из Москвы не привезешь. А в углу стояла детская кроватка, совсем новенькая, купленная для внучки, и на

ней лежали большой ватный заяц и считалочка.

Вечером, когда Юленьку уложили спать, Евдокия Павловна с дочерью посидела некоторое время в молчании, пока девочка уснула, а потом мать сказала:

— Ну, давай поговорим, Анночка. Сколько мне нужно тебя спросить, а ведь пробудешь ты всего два дня, когда же нам наговориться?

Анна Андреевна смотрела на вышитую матерью скатерть, разглаживая складку и глубоко думая о своем, невеселом, но опечалить мать она не хотела.

— Спрашивай, мама,— сказала она только.— Впрочем, я и сама все расскажу тебе. С мужем кончено, крест-накрест зачеркнуто это, и никогда я к нему не вернусь, даже если бы он хотел этого. Чужой мне человек, и не сообразишь даже, как все получилось: может, от страха остаться одной, а может, просто нашло на меня затмение. И грубый он, и никаких общих интересов у нас нет, и дочь ему не нужна, только в тягость.

Мать слушала ее, и Анна Андреевна заметила, что руки у нее слегка дрожат, наверно, тяжело уже заниматься корректурой, но на пенсию мать не уйдет, разве лишь в крайнем случае.

— Трудно мне, Анночка, понять вас... ведь я с твоим отцом всю жизнь не то что в согласии, а душа в душу прожила, а как у вас это получается: и человека не узнали толком, а жизнь связываете с ним, да еще непрочной ниточкой.

Но она, конечно, все понимала, мать, она понимала все, с ее сердцем, таким большим и глубоким, что Анна Андреевна, сравнивая себя с ней, казалась себе совсем ничтожной.

— Что же делать, если все так получилось, мамочка,— сказала она горько. — Жизнь не повернешь, да, наверно, и руки у меня слабые. Я ведь не сразу решила все, а мучилась, только не писала тебе об этом, чтобы не расстраивать, плакать не плакала, этого я не умею, а мучилась, и Юленьку так жаль... она к мужской руке тянется, удивительная эта потребность у детей в отцовской ласке, и больно видеть иногда.

— Ей у меня плохо не будет,— сказала мать поспешно.— Она для меня ты маленькая и похожа на тебя, Анночка, я сегодня пригляделась: по временам совсем твой взгляд и твое выражение лица, просто крохотулечка моя Анночка.

Анна Андреевна положила руку на сухую, в синих жилках, столько потрудившуюся на своем веку руку матери.

— Я знаю, что Юленьке с тобой хорошо будет, но у тебя ведь и без нее дел хватает.

— Успею,— сказала мать,— все успею. Утром в детский сад отведу, после работы захвачу ее, и мне радость — не одной возвращаться. У нас недавно книга сказок хорошая вышла, буду читать ей, и Андерсен твой у меня еще цел, детская твоя книжка. Теперь для Юленьки будет. Ты обо мне не беспокойся, а как мне твою жизнь облегчить — ума не приложу. Ты по-прежнему машинисткой работаешь?

— Нет, я теперь на телетайпе в телеграфном агентстве работаю. Принимаем все новости, и из-за границы в том числе, для газет. Работа нервная, но я справляюсь с ней. Конечно, когда Юленька целый день была одна, я беспокоилась, только о ней и думала, да и работе мешало это. Теперь мне совсем легко будет, а тебе будет трудно, я долго думала, прежде чем решилась привезти Юленьку.

— Ну, что ты, Анночка, радость ты мне привезла, а не заботы... какие же это заботы? Ведь какая она ласковая, я сразу почувствовала, нас через недельку-другую водой не разольешь.

— Я от алиментов отказалась, мама,— сказала Анна Андреевна твердо.— Сначала я подумала: пусть хоть в этом отношении почувствует свои обязательства. А потом решила: бог с ним, хорошего он в жизни не найдет, Юленька сейчас мала, а пройдет время, спросит об отце, а что я ей скажу? На войне убит? Или пропал без вести?

А может быть, встретится еще человек, который поймет и полюбит ее, может быть, все же найдет она то, о чем глубоко думает каждая женщина, даже совершая ошибки и горько расплачиваясь за них, но не уставая надеяться... мать, любившая всю жизнь одного человека, не поймет ее, да и не объяснишь этого.

Мать постелила ей на диване, они долго еще переговаривались друг с дружкой уже в постели, а рядом дышала Юленька, по временам постанывала, наверно, снилось что-нибудь пугавшее,— и уже глубоко ночью, проснувшись, Анна Андреевна увидела, что мать стоит возле кроватки девочки, подтыкает одеяло, осторожно косится в ее, дочери, сторону, боясь разбудить ее, и дальше все снова стало тихо, будильничек на комоде постукивал, а когда Анна Андреевна проснулась, матери уже не было. Кофейник на столе был закутан в теплый платок, а за молоком мать, видимо, успела сбегать еще до работы, бутылка с молоком стояла возле прибора для Юленьки.

«Боже мой, когда же она встала, наверно, в шесть часов,— сказала Анна Андреевна самой себе.— Ах, мама, мама, единственная моя, верная моя душа».

Она все же обманула мать, будто не умеет плакать: слезы бежали сейчас по ее щекам. А потом, одев и умыв девочку, она усадила ее за стол; все было ново, за окном золотел купол, и Юленька ела шанежку и пила молоко, а Анна Андреевна говорила:

— Видишь, какая бабушка заботливая... лучше вологодского молока ничего на свете нет, и лучше вологодского масла ничего на свете нет, а ты теперь будешь каждый день пить такое молоко, и люби бабушку, добрее ее никого не найдешь.

— Ты тоже добрая,— сказала Юленька положительно.

Ей нравилось пить вологодское молоко, нравилось и то, что в пасмурном утре тепло золотеет купол, точно где-то солнце, и она спросила только:

— А что значит «водой не разольешь»?

— Значит крепко, так крепко,— сказала Анна Андреевна,— сердце к сердцу.

И заяц, лежавший на стуле, был тоже вологодский, из вологодских лесов, правда, усатый и больше похожий на кошку.

Днем Анна Андреевна пошла с дочерью погулять, подошла к школе, в которой училась когда-то, потом они прошли в сквер; вчерашний снег уже смело, и день был мягкий, наверно, всего градус или два градуса мороза. Надо было оставить в Вологде часть своего сердца, оставить Юленьку, уже привыкшую к переменам в своей жизни; наверно, скоро привыкнет она и к новому детскому саду и к девочкам, которые по-вологодски окают, научится и таким словам, как «дролечка» или «басёнка», приедет в Москву тоже окающей, и так, вероятно, всю жизнь будут узнавать, что она вологжанка или откуда-нибудь с Поволжья. Мысль об этом отдаляла Юленьку, она словно терялась в годах и времени, и все из-за того, что не было семьи, не было отца и они обе оказались беспомощными перед этой грубой и жестокой обидой в жизни и всем тем, что обида эта впоследствии приносит.

А в пять часов пришла мать, чуть запыхавшаяся, успевшая по дороге забежать в гастрономический магазин и купить кое-что, добрая и озабоченная, с ее уставшими от корректуры глазами и дрожащими пальцами рук, хотя их дрожь она скрывала.

— Боже мой, неужели ты уже завтра уезжаешь, Анночка? — сказала она, когда вечером они снова сидели за столом, а Юленька спала, довольная и вологодским воздухом, и

НА СОИСКАНИЕ ЛЕНИНСКОЙ ПРЕМИИ

ТОРЖЕСТВО ЖИЗНИ

О РОМАНЕ О. ГОНЧАРА «ТРОНКА»

Бывает так на Украине, где-нибудь у плавной, тихой степной речки: спустился на землю вечер, буйные дневные краски погасли, восходит луна, из темнеющей дали доносятся острые запахи трав. Тишина воцарилась кругом, и кажется, ничто не нарушит ее...

И вдруг где-то невдалеке, вон на том хуторе, что стоит, окруженный стройными тополями, родилась песня. Вначале едва слышная, нежная, она разрастается, крепнет, и ее мелодия, сильная и прекрасная, вторгается в вашу душу, покоряет ее, и вы весь в ее власти. Голоса дивчат и парубков сплетаются в стройное целое, и вы уже не различаете ни запевалу, ни подголосков: сама жизнь бурлит и кипит в этой песне, жизнь во всем ее буйном цветении.

Вот такое же чувство возникает, когда читаешь новую книгу Олеся Гончара «Тронка», чистую, светлую, утверждающую торжество жизни. Автор полюбившихся народу книг «Знаменосцы», «Перекоп», «Человек и оружие» в своем новом произведении остался верен своей излюбленной теме: хорошее в человеке вечно, дурное, злое побеждается в борьбе и труде. Роман состоит из новелл, каждая из них живет своей, как бы отдельной жизнью, но все вместе они, подобно строфам поэмы, соединяются в единую песню, восславляющую человека, доброе начало в его душе.

В новелле «Красная торпеда» маленький мальчик Мишка, держа в одной руке птенчика, а в другой ржавый патрон, спрашивает у матери: «Скажите, мама, что тяжелее, пуля или голубь?»

Вопрос нелегкий, не сразу на него и ответишь. В этом вопросе маленького мудреца, пожалуй, и заключен основной философский смысл всей повести. Устами своих героев, их действиями и поступками автор утверждает: добро всегда перевесит зло!

Нежно звенит тронка, колокольчик, на шее у овцы, но сделана эта тронка из гильзы снаряда, таившего в себе смерть,— в звоне тронки мы явственно слышим победу жизни над смертью. «На время купания тронка снята с овечьей шеи, и дети чабанские теперь забавляются ею. И Виталик взял, позвонил, как школьным колокольчиком. Внимательно рассмотрел: медная снарядная гильза сплюснута, согнута вдвое, словно побывала в руках какого-то силача». Роман Олеся Гончара весь символичен, но эта символика не надуманна, она естественно легла в ткань романа, подчеркивая и раскрывая замысел автора.

Древняя земля Таврии, истоптанная железными конями войны, снова цветет и радует человека; солнце мира светит над ее просторами. Трудятся на освобожденной земле люди, пасут стада овец в степи, как пасли раньше. Но рядом с совхозом, вблизи степных пастбищ, вырос военный полигон, где стоят нацеленные в небо грозные ракеты, где ревут моторы и гремят раскаты учебных залпов. Две силы, две стихии, казалось бы, противоборствующие и враждебные друг другу! Несомненно, чувства автора отданы людям мирного, созидательного труда, но это не хилый пацифизм, нет,— полигон здесь существует для них, для мирных людей. Его задача — охранять труд и жизнь, закрыть наглухо для смерти все пути сюда, где нежно звенит тронка.

И если старик Горпищенко со своей герлыгой, коренастый, весь прокаленный ветрами, пасет овец, бродит по степи так же, как деды и прадеды, то сын его Петрусь, летчик реактивной авиации, бороздит небо на такой высоте, что никакой орел сюда не дотянет. Но оба они люди мира, для них обоих дорог мир и радостна жизнь.

Старик Горпищенко ставит перед сыном, приехавшим в отпуск, свою герлыгу и спрашивает:

«— Из каких частей состоит герлыга, а ну?

— Брак, барнак, брейцара и держак! — четко отвечает сын, и этим уже обеспечена симпатия старика на все время отпуска».

Одна косточка эти Горпищенки — отец и сын!

И старик говорит сыну: «Ты летай... тебе летать», — хоть и лелеял он когда-то мечту, что его Петрусь, чабанский отпрыск, пойдет по отцовской дороге. Оба они делают дело, нужное людям.

Живет в романе многочисленный трудовой народ, живет со своими радостями и горестями, удачами и неудачами, ошибками и промахами, но каждый человек здесь вырисован выпукло и отчетливо, у каждого своеобычный характер, герои романа не смешиваются в общую толпу, в которой ничего не разберешь и никого не узнаешь. Герои «Тронки» — хорошие люди, но они отнюдь не иконописны и благостны, они сделаны из живой плоти и крови; когда знакомишься с ними, ощу-

щаешь теплоту рук и биение сердец, широту мыслей и чувств. К ним душевно привязываешься потому, что они не выдуманы, не изобретены автором, а выхвачены из самой народной гущи. Для того, чтобы так полнокровно описать людей, надо их любить. Олесь Гончар любит своих героев, и читатель, как завороженный, вслед за автором и вместе с ним вглядываясь в судьбы героев, отдает им свое волнение и свою любовь.

Не забудешь Лукию Рясную, председателя рабочкома, депутата, простую украинскую женщину, поставившую себя на службу людям, полную материнских забот о всех своих товарищах. Нелегкая жизнь была у Лукии, а вот нашла она себя, свою дорожку, и идет по ней твердой поступью, спокойная, уверенная в своих силах, в своей правоте. Не забудешь и ее сына Виталика, чудесного парнишку, обожающего разнообразную технику, вечно копающегося в радиоприемниках и радиопередатчиках, в моторах и машинах. И Тоню Горпищенко полюбишь, младшую дочку старого чабана,— душа у нее чистая, светлая, и вся она, Тоня, как степной цветок. Недаром Виталик влюбился в нее яростно и самозабвенно, как бывает только в шестнадцать лет. Даже Гринь Мамайчук, лихой киномеханик, из тех, кого зовут трепачами, станет вам мил, ибо он, несомненно, заразит вас своей веселостью, добродушием и привязанностью к своему делу.

Вот только отставник Яцуба, угрюмый человек, этакий Пришибеев нового издания, всю жизнь прослуживший в лагерях, раздражит своей тупостью, злостью, своей неистребимой приверженностью к «культовым» порядкам. Впрочем, Яцуба здесь, среди хороших людей, существует для контраста, для характеристики времени, ушедшего навеки в прошлое. И сам он прошлое, засыхающий чертополох, лишенный почвы.

Моряк Дорошенко говорит о нем в беседе со своим приятелем Андреем Бойко:

«— Будем, друг, верить в прогресс... Недаром пословица говорит: нельзя человеку стать моложе, а добрее всегда можно.

— Нет-нет, ты его раскуси. Думаешь, он разоружился? На словах! А тайком на каждого из нас дело ведет. Все отмечает. Так что дело, наверное, заведено и на тебя.

— А, леший с ним! — отмахнулся Дорошенко».

В новелле «Полигон» описаны события трагические. У начальника полигона умерла любимая дочурка Аленка. Горе огромное и страшное. Но на помощь отцу приходят друзья, товарищи. Любовь Гали, жены и подруги, поддерживает его силы. И человек, брошенный на землю, встал и пошел. И снова мы видим торжество жизни и победу над смертью.

Олесь Гончар до мозга костей украинский писатель. Он любит свою Украину, ее пленительные краски, ее блакитное небо, ее просторные степи, ее сильный и красивый народ. Но этим он дорог и всем нам, советским людям, ибо только тот, кто любит свой народ, любит и уважает другие народы.

Красочны и живописны пейзажи у Гончара: «Где-то песня тает далекая, еле слышная, будто сквозь сон. Воздух чистый, душистый. А над тобой бесконечный простор, усеянный звездами; светлой порошей тянется Чумацкий Шлях — шлях твоих пращуров, что проходили тут чумаками в черных дегтярных сорочках... Проходили и не знали, что над ними скрутились в спираль галактики, а теперь и до них, этих непостижимо далеких галактик, достигает твой разум».

«Тронка» Олеся Гончара — поэма о человеке нашего времени, создающем для себя и для своих детей хорошую, светлую жизнь. Звон «Тронки» — это зов к миру и радости. И к борьбе за мир и счастье.

Ник. КРУЖКОВ

ПАМЯТНИК
В. И. ЛЕНИНУ
В СТАВРОПОЛЕ

Скульптор П. Бондаренко.
Архитектор А. Заварзин.

вологодским молоком, и знакомством с бабушкой, которая принесла с собой книжку сказок и завтра же обещала почитать.

— Неужели ты уже завтра уезжаешь? — повторила мать.— Ведь мы еще ни о чем с тобой не поговорили как следует.

— Весной я приеду, мама,— сказала Анна Андреевна.— Весь отпуск проведу с вами.

Она говорила о матери и о дочери, она уже во множественном числе говорила о них, они оставались в предзимней Вологде, скоро понесет настоящий снег, станет зима и укутает северный город, укутает до весны, со всей его древностью, и маленькими домиками, и крепостными стенами кремля с их бойницами...

— Я-то уеду,— сказала Анна Андреевна,— а душа моя останется с вами.

— Что же мне дать тебе? — спохватилась мать вдруг.— Возьми мой костюмчик из фланели, я его и не носила вовсе, перешьешь, если что-нибудь не так, возьми, пожалуйста.

Она своими дрожащими руками открыла дверку гардероба и достала костюм.

— Ну что ты, мамочка, у меня все есть, мне ничего не нужно,— сказала Анна Андреевна.

— Ну, тогда кружевец возьми, у меня хорошие, старинные есть, теперь таких и не плетут, «морозная стежка» назывались, гляди, точно следы по снегу ведут. Ты уж не огорчай меня, Анночка, не отказывайся.

Анна Андреевна понимала, что нельзя отказаться, взяла кружева, и мать помогла уложить их в пустой чемодан, в котором привезли остающиеся здесь вещи Юленьки.

— Безмозглая я все-таки,— сказала мать.— Ничего тебе не припасла, не надеялась, что ты приедешь, а ты мне всего навезла. Зонтик у меня есть с хорошей ручкой, но таких теперь, пожалуй, не носят, а то возьми, он тоже с кружевцем.

Анна Андреевна помнила этот зонтик с длинной костяной ручкой. Он всегда стоял в углу гардероба, как сторож, далекий мир, когда она, Анна Андреевна, была еще девочкой, может быть, чуть постарше Юленьки.

А на другой день, перед вечером, мать поехала провожать ее на вокзал, а с Юленькой осталась соседка, глухая Олимпиада Ивановна, бывшая кассирша сберегательной кассы, говорила Юленьке: «Ты мне в ушко постучи, когда захочешь сказать что-нибудь»,— и началась новая игра: Юленька стучала в ушко Олимпиады Ивановны, та откликалась: «Слышу, слышу тебя»,— и Юленька закатывалась от смеха и снова стучала в ушко.

Мать торопливо шла рядом, а Анна Андреевна несла легкий чемодан, в котором почти ничего не было, кроме нескольких ее, Анны Андреевны, вещей да старинных кружев матери.

— Ты как приедешь, сейчас же дай телеграмму,— говорила мать на ходу.— И я тебе все насчет Юленьки отписывать буду. Теперь каждую неделю буду писать тебе, а о Юленьке не беспокойся, ей хорошо будет.

И Анна Андреевна вспомнила, как мать украдкой подтыкала одеяльце на Юленьке и как еще затемно бегала за молоком для нее, и было так больно и горько, что она вынуждена еще более утяжелить жизнь матери, возложив на нее новые заботы... но мама, мама, кому же еще доверить самое дорогое и нужное, кому же еще оставить частицу своей души и кому она может быть нужна, кроме матери с ее неслышной добротой, с биением робкого сердца, с ее тревогой и болью за судьбу дочери?

— Ты не взыщи, Анночка, что я совсем беспамятная стала,— сказала мать, целуя ее напоследок.— Мне бы вовремя написать, из Устюжны хорошую косыночку прислали бы, у меня там знакомая мастерица есть, взяла бы с собой, все-таки и покрасоваться не грех, ведь ты у меня еще молодая и красивая.

А потом уже совсем по-старушечьи, совсем по-деревенски мать припала к ее груди, всхлипывая:

— Ведь подумать только, как не сложилось все у тебя, Анночка, как тебе трудно одной, и с родненькой крохотулечкой приходится расставаться. Но ей будет хорошо, пока я жива, ты не сомневайся.

И вот уже понесло за окнами вагона перрон, а там и вологодскую ночь и леса, высветленные луной, бежавшей вслед поезду над деревьями, и только позднее, доставая из чемодана зубную щетку и пасту, запутавшиеся в кружеве матери, Анна Андреевна украдкой погладила его, словно это была часть матери, часть ее тепла и верности—и что найдешь взамен материнского сердца, что найдешь?—ничего на свете... Анна Андреевна глядела на кружева с их «морозной стежкой», думала о том, что, наверно, окающей вернется Юленька в Москву, будет говорить «у нас в Вологде», и первый девичий воротничок сделает она, Анна Андреевна, для нее из этих старинных кружев матери, которой в ту пору, может быть, уже не будет на свете. Анна Андреевна закрыла крышку чемодана, вышла в коридор и заплакала, как не плакала еще никогда, даже порывая с тем, кто так испортил ее жизнь... все это было ничто в сравнении с матерью и ее сердцем, ни разу не сбившимся со стежки.

Генрих БОРОВИК

Фото автора.

ПРОДОЛЖЕНИЕ.
НАЧАЛО —
НА 2-Й СТРАНИЦЕ
ОБЛОЖКИ.

Ты родился в Италии, маленький Человек, в прекрасной бело-голубой стране — в раю для туристов. Их приезжает, приплывает, прилетает и приходит сюда великое множество. Устало бродят они по богатейшим улицам Рима, по старинным площадям Венеции и Болоньи, пьют кьянти, слушают в тратториях песни, старательно накручивают на вилки спагетти и платят. Платят за отели, за равнодушную вежливость гидов, за разрешение присесть на стул, за посещение храмов, музеев, общественных уборных, за песни, за море, за солнце, за голубей, за венецианские каналы. И, наверное, далеко не всегда чувствуют себя счастливыми.

Но деньги, которые получит, например, венецианский гондольер, если ему удастся загипнотизировать туриста страстным криком «Го́ндоля! Го́ндоля! Гуд гондоля» («Хорошая гондола!»), останутся не в кармане экзотических гондольерских штанов, а перейдут совсем в другие карманы.

Большáя часть денег, например, осядет в кладовых самого крупного барышника нашего времени — церкви. Тебе, Человеку, родившемуся в Италии, придется особенно часто сталкиваться в жизни с церковным ханжой.

Какую

У входа в один из храмов самой ханжеской организации мира — церкви, стоит страж морали и нравственности в треуголке и белом жабо. С высоты своего роста он следит, чтобы входящие в храм женщины были одеты «прилично». А рядом на фото — «жертва» в брюках. Из-за них ее и не пустили.

Все это — Италия, маленький Человек. Но Италия для туристов и для той очень небольшой части твоих соотечественников, которые получают гигантские барыши от туристского бизнеса. Чтобы узнать свою страну, свой народ, не корми, Человек, голубей на площади Святого Марка, не слушай оплаченные песни гондольеров. Иди на улицы, где воздух пахнет не духами Шанель, а старым жильем, стиркой и — в обеденное время — чесноком и острым томатным соусом. Улица здесь — общая гостиная для всех ее шумных, подвижных и приветливых обитателей. Здесь встают до восхода солнца, здесь рано начинают трудиться и трудятся всю жизнь. Здесь искренне веселятся, искренне страдают, искренне любят, искренне ненавидят. И больше думают о будущем.

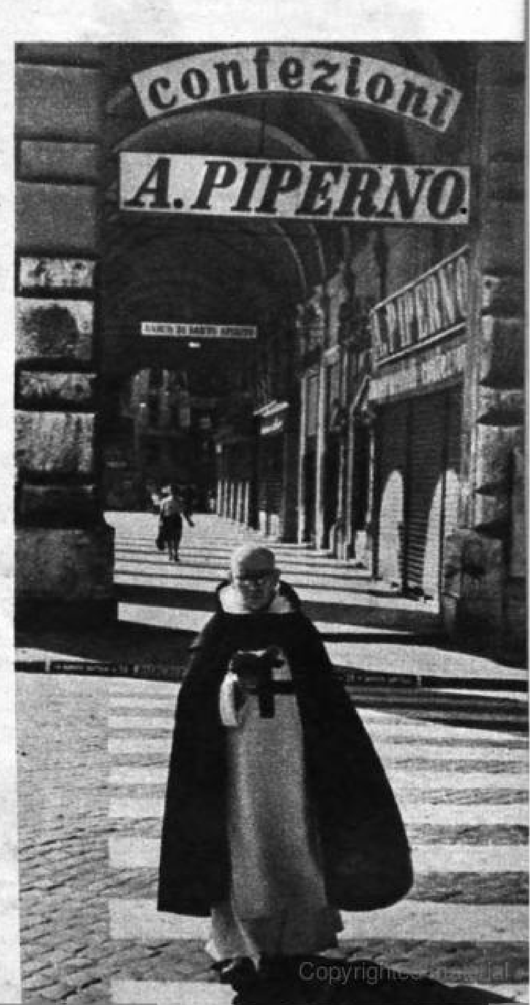

ДОРОГУ ВЫБЕРЕТ ЧЕЛОВЕК?

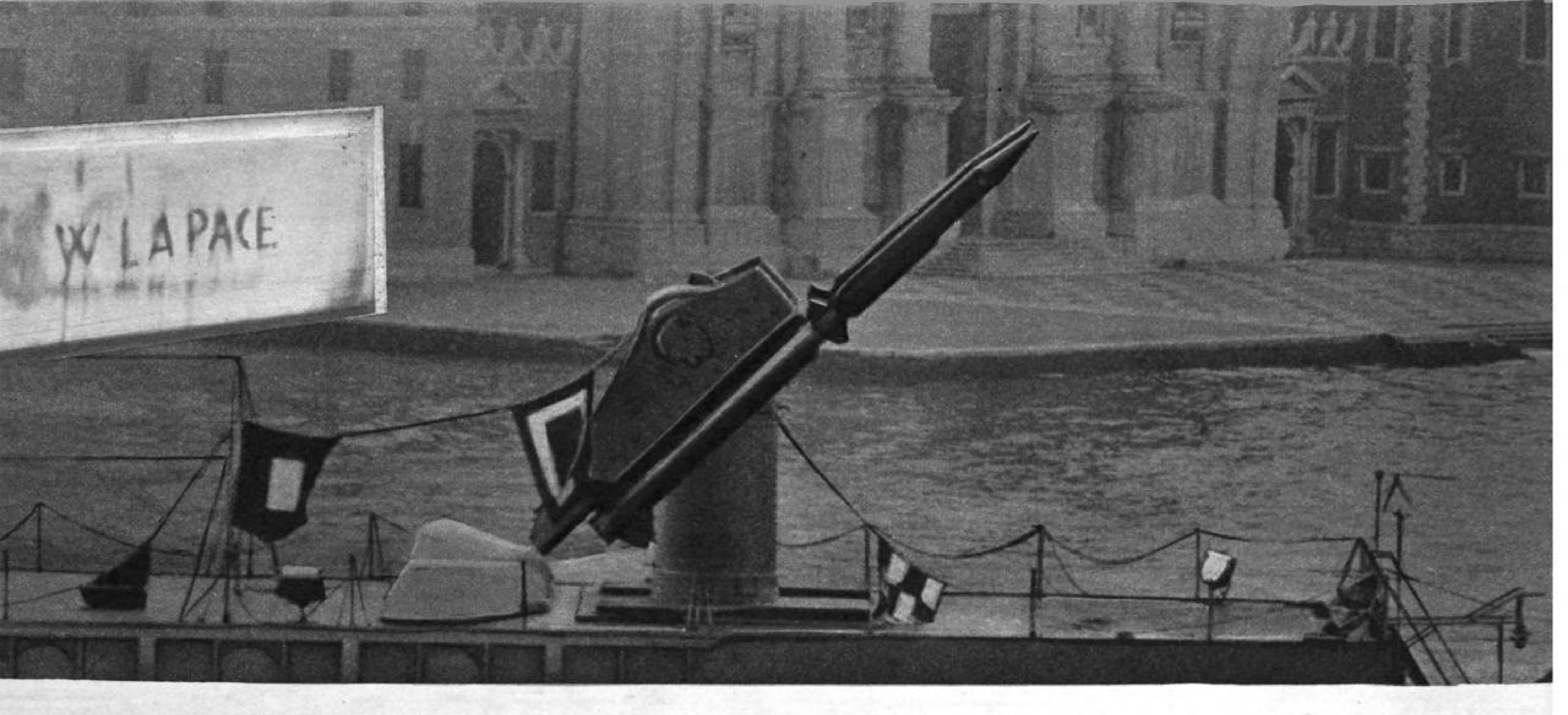

Именно на таких улицах торопливые руки выводят на стенах слова «Viva la pace!» — «Да здравствует мир!». Почему вдруг эти слова — на улице, где мирно сушится латаное белье под голубым мирным небом?! Видимо, потому, что обитателям именно этих улиц особенно тревожно, когда около памятника архитектуры стоят ракеты, нацеленные на другие города, на другие памятники, на других людей.

Вот почему настоящие итальянцы пишут горячие призывы на стенах домов. Вот почему на предвыборном плакате Итальянской коммунистической партии, оставшемся еще с прошлогодних парламентских выборов, на которых коммунисты одержали большую победу, написано: «Голосуйте за мир!». Обитатели маленьких улиц голосовали именно за эту партию. В свободное время они строят народные клубы для себя, и каждый вносит в строительство свою лепту — бесплатный труд. В одном из таких народных клубов в городке Тавернути под Флоренцией мой фотоаппарат запечатлел встречу делегации Советского комитета защиты мира со строителями клуба.

Во главе муниципалитетов многих итальянских городов стоят коммунисты. Одного из них, товарища Доцци, мэра старинного города Болоньи, ты видишь на цветном снимке. На второй этаж здания, в котором находится муниципалитет Болоньи, ведет не лестница, а широкая мраморная дорога, сделанная для того, чтобы в главный зал здания мог въезжать на коне папа. Это — прошлое. Теперь в этом старинном здании работает мэр-коммунист. Он символ будущего Италии.

И очень хочется, чтобы в этом будущем не бушевало атомное пламя на теплом острове Капри и над камнями древнего Рима. Хочется, чтобы при твоей жизни силы мира и силы войны находились в таком приблизительно соотношении, как на снимке слева.

Многое, очень многое в будущем зависит от тебя, Человечек. От того, какой дорогой ты пойдешь, научившись шагать самостоятельно.

Остров Капри.

Фото М. МИХАЙЛОВА.

Мэр города Болонья — товарищ Доцци.

Древние камни Рима.

Сбор морской травы во время отлива в бухте Симода.

Публикуется впервые

РУКОЙ МОЖА

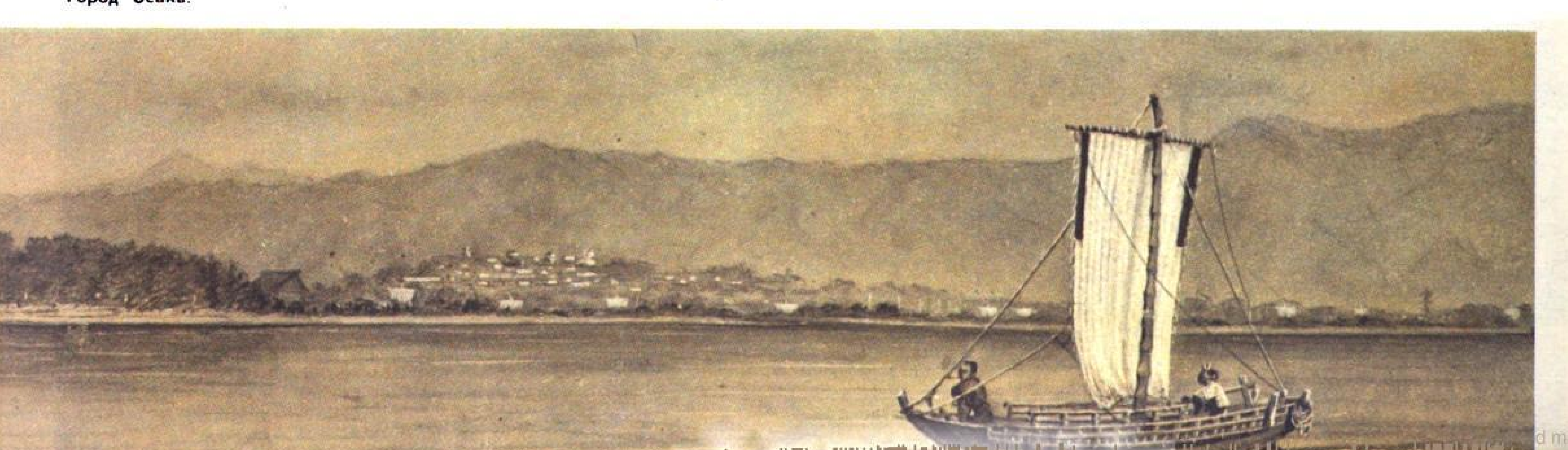
Японский лагерь и дежурная шлюпка.

Фрегат «Диана» на рейде в Хакодатэ.

Город Осака.

В 1948 году в рукописных фондах Центральной военно-морской библиотеки был обнаружен альбом акварелей с надписью на титульном листе: «Эта тетрадь рисунков, снятых лейтенантом Александром Можайским 2-ым во время плавания его на фрегате «Диана» в Японию в 1853/54 годах». Альбом с рисунками человека, который создал самолет, ныне хранится в Центральном военно-морском музее в Ленинграде и состоит из двадцати листов плотной бумаги.

В те годы, когда «Диана» совершила поход через два океана к берегам Японии, лейтенанту Можайскому не было еще и тридцати лет. Этот гигант славился у офицеров фрегата физической силой и большой склонностью к технике и живописи. И в самом деле его акварели не лишены колористического обаяния и композиционной убедительности.

«Диана» вышла в 1853 году на смену описанного Гончаровым фрегата «Паллада», который к тому времени обветшал. Генерал-адъютант Путятин, находившийся на «Палладе», потребовал новое судно для экспедиции в Японию.

Для Александра Можайского это был первый дальний рейс. Белокрылые паруса несли фрегат к берегам Тихого океана в таинственную страну восходящего солнца, закрытую для иностранцев, в страну, где сорок с лишним лет назад был посажен в тюрьму русский капитан В. М. Головнин за попытку сойти

ЙСКОГО

на берег... Но «Диане» угрожала и другая опасность: готовилась Крымская война, фрегат мог быть атакован бороздившими океан английскими и французскими кораблями.

До берегов Японии дошли благополучно. Путятин начал переговоры с японскими чиновниками об открытии портов для русских кораблей. Можайский же не упускал случая для зарисовок. Горделивый силуэт «Дианы» на рейде Хакодатэ был запечатлен еще в начале экспедиции. Вот Осака — тогда небольшое местечко.

Во времена плавания «Дианы» японская стража неусыпно следила за иностранными кораблями. Не успел фрегат стать на якорь вблизи Осаки, как на берегу раскинулся военный лагерь. На рисунке Можайского видны матерчатые щиты, как ширмы, прикрывающие этот лагерь: иноземцы не должны знать, сколько в лагере воинов. Для тщательного наблюдения за «красными людьми» (так японцы называли русских) возле борта «Дианы» постоянно дежурила джонка с фонарями. По рисунку Можайского видно, что сидящий в ней наблюдатель уже заметил русского лейтенанта с его альбомом. Вероятно, он упомянет о художнике в своем донесении. Другие наблюдатели следят за гичкой с «Дианы», которая, надо думать, отправилась за водой. И это событие будет описано в очередном донесении.

Мирная жизнь «Дианы» была нарушена внезапно. Утром 11 декабря 1854 года, когда корабль находился в заливе Симода, офицеры в кают-компании почувствовали толчок, который потряс фрегат от киля до клотика. Посуда задребезжала, столы закачались, скамьи и стулья наклонились.

С палубы открывалась ужасающая картина. «Вода со дна моря буравила и словно в котле кипела,— вспоминает корабельный священник Василий Махов,— волны ее клубились и, вздымаясь, рассыпались брызгами; валы с моря один за другим больше, один другого сильнее с необыкновенным шумом и яростным грохотом напирали, захватывали берега, мгновенно заливали местность все далее, все более... Натиск воды, быстро распространяясь, добрался скоро до самого города, залил улицы и, возвышаясь более и более (до трех саженей высоты), затоплял, покрывал, размывал строения...»

Надо представить себе японский город сто лет тому назад — скопище легких деревянных домиков с бумажными перегородками,— чтобы понять, что осталось от Симоды через несколько минут после моретрясения...

«Диану» вертело по бухте. За тридцать минут корабль сделал сорок два поворота вокруг оси. Фрегат несло к северному берегу острова Инубасири. Неожиданно корабль остановился в нескольких метрах от берега, как бы задумался, и так же неожиданно устремился в обратную сторону. И в этом аду моряки «Дианы» сумели оказать помощь тонущим японским джонкам и даже втащили на борт пожилую женщину.

Фрегат накренился набок, потом выпрямился, и здесь выяснились зловещие подробности: на поверхность бушующего моря всплыла часть киля, руль был оторван. К счастью, вода в бухте начала успокаиваться. Через несколько часов море вошло в берега.

Неподалеку от исчезнувшей Симоды офицеры фрегата нашли удобную уединенную бухту Хеда. Кое-как подремонтированная «Диана», с трудом буксируемая, стала двигаться на север, к подножию знаменитой горы Фудзи. Но несчастной «Диане» не суждено было добраться до бухты. Вблизи Хеды буксировавшие корабль японские лодки обрубили канаты и устремились в бегство. Надвинулось новое бедствие — шквал.

Путятин приказал команде оставить фрегат. Последним моряком, покинувшим корабль, был Александр Можайский. Ступая по пояс в воде, он вынес альбом с рисунками, репродукции с которых мы печатаем. Кроме того, лейтенант прихватил несколько старых выпусков журнала «Морской сборник», которые в дальнейшем сослужили морякам большую службу.

Положение у экипажа затонувшей «Дианы» было трудное. Япония не впускала иностранцев, и продвижение в глубь страны грозило русским морякам участью Головнина: арест, тюрьма. Иностранные корабли у этих берегов появлялись редко. И тут пришел на помощь «Морской сборник»! Офицеры нашли в нем чертежи и подробное описание шхуны «Опыт», построенной в Кронштадте. Благо лес был под руками, а кое-какие материалы и инструмент удалось спасти, было решено строить такую же шхуну собственными руками. Работа закипела.

Командир американского фрегата «Паухетен», случайно зашедший в бухту Хеда, нашел здесь, по его словам, «целое адмиралтейство». Он предлагал русским отвезти их в Шанхай, но моряки отказались. «Наша обязанность,— говорили они,— призывает нас в Россию».

«Мы достаточно насмотрелись на команду фрегата «Диана»,— рассказывал командир «Паухетена»,— на удивительную ее дисциплину, на ее твердость и терпение в опасности и несчастии». Уверившись в том, что шхуна будет построена, американский моряк на прощальном обеде провозгласил тост за «две юные нации: Россию и Америку».

Шхуна была построена. Ее назвали «Хеда». На ней в апреле месяце ушел в море Путятин с группой офицеров и матросов и благополучно достиг устья Амура.

Можайский ушел с большой группой моряков во главе с капитаном Лесовским. Эта группа проделала на случайно зафрахтованном американском корабле тот же путь, что и «Хеда».

Зато последней группе русских моряков не повезло. Немецкий бриг «Грета», на котором они плыли, был захвачен в море английским судном. Крымская война была в разгаре.

Но вернемся к рисункам Можайского. «Я принялся за карандаш,— писал он издателю В. Ф. Тимму,— собрал спасенные с фрегата остатки моего дагерротипного прибора, устроил его и таким образом составил порядочный альбом. Часть его (то есть акварели.— В. В.) вы видели... Надобно сказать, что японцы, чрезмерно любопытные, не раз похищали у меня мои рисунки; на дагерротип же они смотрели со страхом, считая действие его сверхъестественным...»

Вероятно, к проекту воспроизведения этого альбома и относится впервые публикуемое нами письмо Можайского от 17 ноября 1860 года: «Господину библиотекарю библиотеки Гидрографического департамента», обнаруженное сотрудниками Центральной военно-морской библиотеки. «Имею честь покорнейше просить Господина библиотекаря выдать подателю сей записки хранящийся в библиотеке Альбом японских видов, рисованных мною. Имея теперь свободное время, я хочу заняться окончанием некоторых рисунков и дополнением альбома новыми». В конце письма будущий авиаконструктор сообщает, что по болезни не может лично явиться в департамент.

Надо полагать, Можайский мечтал увидеть свои акварели в журнале Тимма «Русский художественный листок». Но было напечатано всего два рисунка, в одну краску.

Судьба Александра Можайского трагична. Человек, создавший моноплан, умер в безвестности. Газета «Новое Время» напечатала в 1890 году сухой некролог, состоящий из одних только данных послужного списка Можайского. О самолете не сказано ни слова. О рисунках — тем более...

В. ВЛАДИМИРОВ

Письмо Александра Можайского «Господину библиотекарю библиотеки Гидрографического департамента».

Лирические записи

Сергей ОСТРОВОЙ

ВЕЧНОСТЬ

Ничего нет моложе вечности,
Потому что она всегда!
От секунды до бесконечности
Все идут и идут года.

Сколько их? Разве это ведомо?
Жизнь идет. И они идут.
Тут и внуково. Тут и дедово.
И прадедово тоже тут.
По глубоким озерам млечности
В белых лодках плывут года...

Ничего нет моложе вечности,
Потому что она всегда!

ЦВЕТЫ

— А ты о чем?
— Я все о том же.
— О чем же?
— Да о чем и ты.
О памяти. О мертвой Ломже.
О том, как буйствуют цветы.

На мостовой. В саду. В кювете.
Повсюду. У любой черты.
Мы брали город на рассвете,
А в городе — цветы. Цветы.

И ни души. Безлюдный город.
Гремят железные листы.
И никого. И лунный холод.
И на безлюдии — цветы.

Живые. Теплые. Хмельные.
Цветы. Куда ни погляди.
И все сады, как расписные.
И прямо в радугу входи.

И сколько б мне ни жить на свете,
С какой ни падать высоты,
Мне всех других дороже эти,
Незащищенные цветы.

ПЕСЕНКА

Город Бежица, город Режица,
Однозвучные города.
Это в память однажды врежется
И останется навсегда.

И об этом забыть не в праве я.
Это в сердце моем живет,
Словно песенка без заглавия,
Устремившаяся в полет.

И куда бы ни шел по свету я,
По какому бы рубежу,
На судьбу на свою не сетуя,
Эту песенку я твержу:

— Город Бежица, город Режица,
Однозвучные города,
Это в память однажды врежется
И останется навсегда!

ЛЕБЕДИНАЯ ПЕСНЯ

К 100-летию со дня рождения

В начале 1909 года прогрессивную общественность России взволновало известие о внезапном уходе из Училища живописи, ваяния и зодчества одного из ведущих преподавателей — Валентина Александровича Серова.

Илья Ефимович Репин в своих воспоминаниях рассказывает о том, что побудило Серова так поступить. Московский генерал-губернатор запретил принять в Училище художницу, которую Серов считал необычайно талантливой. Зная о ее репутации — «политически неблагонадежной», Серов хлопотал за нее, так как это была «одна из настоящих скульпторов в России — их немного у нас, и просьба ее уважения заслуживает».

Художнице отказали в приеме. И в знак протеста Серов демонстративно покинул Училище.

Анне Семеновне Голубкиной шел 46-й год, когда произошли эти события. Фамилия Голубкиной значилась в черных списках царской охранки. Она уже была судима за распространение воззвания Московского Комитета РСДРП с призывом к крестьянам захватить землю. До суда Голубкину заключили в одиночную камеру. В одиночке Голубкина объявила голодовку.

Судебный процесс длился целый год. Стойкое поведение Анны Семеновны подтверждало, что она была настоящим революционером.

Полиция давно следила за ней. Еще в начале девяностых годов Голубкина помогала бастовавшим в Зарайске рабочим. В девятьсот пятом, в дни декабрьского вооруженного восстания в Москве, она участвовала в формировании боевых рабочих дружин и оказывала помощь раненым на баррикадах.

Тюрьма, голодовка, длительное судебное разбирательство подорвали здоровье Голубкиной, но не сломили ее духа. Она борется своим оружием художника. Ее «Железный» — первый в русской скульптуре образ пролетария, а фигуру «Идущего», изваянную в 1903 году, современники сравнивали с горьковским Буревестником.

В 1905 году Голубкина впервые в России вылепила скульптурный портрет Карла Маркса; этот портрет до сих пор восхищает глубиной проникновения в образ гениального мыслителя, основоположника научного коммунизма.

Во время реакции художница, несмотря на обрушившиеся на нее репрессии, вновь заявляет о своей солидарности с рабочим классом: ее «Раб» не смирившийся пленник, а человек, рвущийся сбросить оковы; в великолепном эскизе скульптуры «Рабочий» она прославляет силу восстающего пролетариата...

Все свои замыслы Голубкина черпала в жизни родного народа, посланцем которого она навсегда вошла в свободолюбивое искусство России.

ДЕД

— Анюта! Анютушка! Пора, доченька! Роса скоро сойдет, не успеешь огурцы прополоть... Подождут твои фигурки!

Из сарая Анна не видит матери, но живо представляет себе, как ее глубоко посаженные глаза засветились добротой и лучики-морщинки разбежались по лицу.

— Анна! Безотцовщина непутевая!.. Долго будешь чучела свои охорашивать?! — Сердитый голос прабабки-староверки заставляет поторопиться.

И впрямь пора! Вся голубкинская семья — 10 человек — уже на огороде... Анна опускает руки в ведро и осторожно сбрызгивает успевшую подсохнуть за ночь глину. Дед получается как живой. Глубокие морщины бороздят высокий лоб; худое лицо, обрамленное длинной бородой, выражает большую духовную силу. Он всегда погружен в себя, будто вспоминает что-то горькое, обидное, а светлеет, лишь когда возится с ними — с ребятами... Рассказывает так, что заслушаешься.

Хорошо помнил Поликарп Голубкин свое крепостное житье у князей Голицыных, хотя говорить о той поре не очень любил...

Отца же Анна почти не видела: он умер, когда ей не было и трех лет.

ЛЯПИНКА

Долго Анна плутала по московским улицам, пока добралась до Сухаревки. В зарайском лесу не так заблудишься, как в суматохе московских улиц! А на конку деньги нельзя тратить: и так всей семьей копили, чтобы Анна смогла поехать учиться.

Впрочем, дорогу к домам купца Ляпина она быстро запомнила. Радовалась, что ее надоумили в Ляпинку податься. Правда, в классы ходить далеко, и ботинки, видно, скоро прохудятся, к тому же грязно и тесно, зато цена на квартиры божеская! И вообще ей повезло. Думала ведь только ремеслу поучиться — росписи посуды, чтобы на жизнь зарабатывать. А профессор Сергей Михайлович Волнухин, увидев статуэтку «Молящаяся старуха», сразу сказал Анне: «Будет из вас скульптор!» И подсказал владельцу Классов изящных искусств, чтоб за учение денег с нее не брали.

ПЛОХИЕ ГЛАЗА И ДОБРОЕ ИМЯ

РАЗГОВОР О «БЕГСТВЕ» ПРОДОЛЖАЕТСЯ

З. ХИРЕН

Редакционная почта... Передо мной сотни писем читателей, адресованных в «Огонек» после опубликования очерка «Бегство», в котором речь шла о текучести кадров продавцов и неблагополучии в торговле. Это не просто отклики о согласии или несогласии с автором, не ворчливые замечания. Почти каждое письмо — человеческий документ о том, как люди разных профессий, разных возрастов стремятся к одному и тому же, озабочены одним и тем же: им хочется, чтобы люди друг о друге думали лучше, были готовы помочь в беде без корысти; им хочется, чтобы ценили людей не по дурному, а по хорошему в них, как говорил Горький.

Пишут не только о торговле и людях торговли. Стараются защитить профессию, достоинство людей, посвятивших себя постоянной заботе о других. Немало пишут и те, кого принято называть «люди для людей»: железнодорожная проводница, горничная гостиницы, медицинская сестра, пароходная буфетчица, продавщица. Заметьте: во всех этих профессиях преобладают женщины. Чьи-то матери, сестры, чьи-то жены, чьи-то дочери... В отличие от большинства у этих тружениц дни отдыха чаще всего не совпадают ни с воскресеньем, ни с большими праздниками. Когда перед Новым годом все толпятся в магазинах за праздничными покупками, у этих женщин страда. Они заняты больше чем когда бы то ни было. А ведь и у них семьи и у них дети. То, что в обычной семье разрешается просто, для них сложно, а иногда и неосуществимо. Но заметьте: в той почте, о которой идет здесь речь, поднимаются совсем другие вопросы. Это не значит, что авторы обходят молчанием свои насущные нужды. О них пишут в более спокойных тонах. А волнует другое...

СВЕКРУХИ И ПАССАЖИРЫ

Очень возможно, что с девушкой, о которой пойдет здесь речь, вы знакомы. Если вы путешествовали поездом Москва — Симферополь, то она, быть может, приготовляла вам постель, подавала чай в купе, предлагала новые книги и журналы. Скорее всего, вы ее фамилией не поинтересовались. Ну что ж, это поправимо. Галина Самойлова. Девятый год на колесах. Прямо со школьной скамьи пошла на железную дорогу проводницей пассажирского вагона. В общем-то, казалось, ничего особенного за эти годы с ней не произошло. Она пишет: «Хорошие девушки у нас работают проводницами, честные, скромные. Ведь у нас тоже работа с людьми. И если продавец занят с покупателем несколько минут, то мы с каждым пассажиром — сутки. Всю смену на ногах, всю смену стараешься для пассажиров. На стоянках проверяем исправность ходовых частей, смотрим, чтобы вовремя заправили вагон водой, беспокоимся о безопасности движения. Подал локомотив сигнал, а наше ушко ловит, какой это сигнал. Много работы у нас летом, а еще больше — зимой. Зимой нужно поддерживать нормальную температуру в вагоне, не прозевать топки, заправлять вагоны углем. Всем нам это дело по душе. А писать я решилась потому, что есть другое, что гложет наши сердца, изводит, заставляет многих девушек бежать, не проработав и года и сезона».

Что же гложет сердца железнодорожных проводниц? На этот вопрос Галина Самойлова отвечает:

«Представьте, девушка знакомится в саду или в кино с парнем. Можете не сомневаться, никогда она не скажет, где работает. А ведь работу свою любит... Но здесь вот какая причина. Узнает молодой человек, что она проводница вагона, и считайте, знакомству конец. Повсюду о проводницах плохая слава.

Как объяснить людям, как убедить свекрух, мужей, парней, что у них неправильное представление о проводницах? Замужняя проводница дома часто слышит плохие слова в свой адрес от мужа и от свекрови. Моя душа ничем не запятнана, но и я натерпелась. Стараюсь не обращать внимания на все обиды, но сердце разрывается. Или вот еще: часто в поезде подвыпивший пассажир начинает приставать к девушке-проводнице. Один такой гуляка был крайне возмущен поведением моей напарницы и моим поведением. Видите ли, ни одна из нас не согласилась пойти с ним в ресторан.

Почему хлебороб, сталевар, шахтер, строитель награждаются медалями, орденами, а о нас никто не подумает? Постойте у вагона на перроне и поглядите, как многие пассажиры благодарят нас... Я не о себе, а о чести наших девушек, о нашей профессии».

ОДНА В МОРЕ...

Случилось так, что вслед за письмом Галины Самойловой я распечатал конверт, на котором изображено утро на море. Стал читать и убедился, что это не случайно. Автором письма оказалась пароходная буфетчица Анна Горенко. Ей 19 лет. Дороги ее юной жизни прочерчены в открытом море. Она пишет: «На море меня тянула не романтика, а необходимость. Мое письмо — отзыв на очерк «Бегство». Пишу вам, а по щекам катятся слезы. Кажется просто невероятным, что поднят наконец вопрос о моральном облике человека за прилавком. Объясню, почему это меня так трогает. Я жила в детдоме. Окончила десять классов и школу продавцов. Это было в 1962 году. Некоторые люди решили, что обо мне уже достаточно позаботились, и я пошла работать буфетчицей на пассажирское судно.

И вот что я вижу: обиды со стороны пассажиров-покупателей и равнодушие экипажа судна. А я комсо-

ГОЛУБКИНОЙ

Березка. 1927 год.

Карл Маркс. 1905 год.

ВЕЧЕРИНКА

В 1897 году художник Маковский закончил свою «Вечеринку».

Безобидное название дал автор картине. Но посетители выставки понимали, что на полотне изображено не просто праздное времяпрепровождение. Глядя на героев, догадываешься об их причастности к революции. Поза декламирующей что-то курсистки, ее пылающие щеки, взволнованные лица слушателей не оставляли сомнения, что разговор идет на главную тему жизни народа.

— Посмотрите, какое вдохновенное лицо у женщины! И как хорошо художник передал ее внутреннее горение! — говорили посетители выставки.

— А знаете, с кого писал Владимир Егорович эту женщину? — сказал кто-то.— Это же Анна Голубкина!.. Она не позировала для картины, но Маковский не раз был свидетелем того, как горячо и резко отстаивала Голубкина свои убеждения. Запомнил ее такой и написал...

СПОР С РОДЕНОМ

Приехав в Париж, Голубкина с радостью приняла предложение Огюста Родена работать в его мастерской.

Талантом знаменитого французского скульптора Анна Семеновна восхищалась, но своими взглядами, своим мировоззрением не поступилась и перед ним.

Однажды Роден вылепил фигуру старой женщины, подчеркнув ее физическое увядание. Скульптура «Та, что была красавицей» получила признание. Но Голубкина смело вступила в спор с Роденом. С той же натурщицы она лепит свою «Старуху» и создает добрый, трогательный образ, вызывающий симпатию и сочувствие.

Голубкинской «Старухе» зрители аплодировали на осенней выставке Парижского салона в 1898 году.

ЛАБОРАТОРИЯ СКУЛЬПТОРА

Живо представилось Анне Семеновне поваленное грозой дерево в лесу, где в детстве она любила сидеть с братом Сережей. Так и эти ребятишки, сидят под корягой, как зачарованные, тесно прижавшись друг к другу. Скульптурная группа отлита в бронзе.

А работать по дереву Голубкина училась у С. Т. Коненкова.

Неоконченным остался пятый вариант портрета Льва Толстого в дереве. В мастерской Голубкиной и сейчас стоит начатая работа: из-под резца появились первые очертания головы писателя.

Дом, где находится мастерская, расположен в одном из тихих арбатских переулков. Голубкина — уже немолодая женщина — работала здесь с особым настроением, предаваясь воспоминаниям детства, мыслям о России, о родине, необъятной и всегда близкой, как родной Зарайск, как березка на пригорке...

И вот уже зреет мысль: как она будет лепить ее, свою березку? Да, да!.. Вначале лепить... А потом вырежет в дереве. Тоненькую девушку в развевающемся на ветру платье. Гибкую, как березка... Чистую, как юность. Прямую и ясную, как народ России.

Такой мы и видим в мастерской Анны Семеновны Голубкиной эту стройную, нежную «Березку»— последнюю, не завершенную автором работу. Ее лебединую песню.

Елена ЧЕРНЯК

молка, и у нас есть комсомольская организация. Однако никого не волнует, как я живу. Когда я ухожу с судна на берег, то многие считают, что я там занимаюсь чем-то предосудительным. Остаюсь на судне — следуют ехидные вопросики... У этих людей нет никаких поводов, никаких причин обижать меня. Тем не менее они убеждены, что с человеком за прилавком можно полюбезничать, если нужно что-то «по блату» достать. А вот на улице здороваться не обязательно: вдруг заметят «порядочные знакомые»?

Разве может кто-либо остаться безучастным к этому по-настоящему гражданственному требованию к людям? Заметьте, что и в этом письме, как и в письме Галины Самойловой, речь идет не о материальных благах, не о хороших должностях, а ту и другую девушку волнует одно: человеческое достоинство.

И как тут не вспомнить Белинского, утверждавшего, что чувство гуманности оскорбляется, когда люди не уважают в других человеческого достоинства!

СПАСИБО

Казалось бы, такое коротенькое и такое обыденное слово, а вот вокруг него загорелся горячий спор, и далеко не праздный. Директор магазина № 95 Симферопольского горпищеторга В. В. Карагулян в своем письме, дельном, серьезном, поднимающем много злободневных вопросов, пишет:

«В памятке «Правила поведения продавца» есть пункт, что продавец должен поблагодарить покупателя за сделанную покупку. Я считаю, что это неправильно. Почему врач после лечения не благодарит больного за то, что он у него лечился, почему почтальон, доставив домой вам газету, не говорит спасибо? А спасибо требуется лишь от работников прилавка. Почему? Потому, что так, мол, было в старое время. Да, действительно, частные торговцы благодарили покупателя за посещение магазинов, за сделанные покупки. Это все понятно: мой магазин — мой товар. Но у нас-то другое совсем дело. И мне представляется, что справедливее будет, если покупатель поблагодарит продавца за вежливое и культурное обслуживание, а продавец в ответ скажет: «Пожалуйста, приходите еще!» Мелочь, скажете вы, а я утверждаю, что мелочь эта действует отрицательно на психологию работника прилавка. Что же, выходит, что нам никто даже спасибо не должен говорить?»

Прочитав все это, я призадумался: прав ли тов. Карагулян? И пришел к заключению, что в данном случае он, пожалуй, заблуждается. Что плохого, если продавец поблагодарит покупателя за то, что он предпочел его магазин другим? В этом есть какая-то победа и продавца. Кстати говоря, подобный обычай существует во многих магазинах Риги. Там, например, принято, что покупатель, войдя в магазин, здоровается с продавцом, а продавец действительно благодарит покупателей. Те, в свою очередь, выражают свою признательность продавцам, а в общем-то создается атмосфера доброжелательства, взаимного внимания. Вы не правы, товарищ Карагулян, «спасибо» никого не оскорбляет и не роняет человеческого достоинства.

ШТУРМ РЕЙХСТАГА И ПРИЛАВОК

Вот какая история... Читая письмо Раисы Федоровны Моисеенко из Гомеля, я почему-то сразу перенесся в Берлин 1945 года, к широким ступеням рейхстага. Почему? Сейчас объясню.

Как уже было сказано, почта, пришедшая после опубликования очерка «Бегство», убедила нас, что проблемой проблем следует считать глубокую заинтересованность советских людей в бережном отношении к человеческому достоинству. И вот читаю:

«Вопрос о работниках торговли уже давно волнует и меня. Я проработала всю свою жизнь в торговле и собираюсь уходить. Во-первых, потому что на тебя смотрят все знакомые как на неполноценного человека...»

Далее автор знакомит нас с особенностями своей нынешней деятельности. Раиса Федоровна работает экономистом при облисполкоме (сельском), в отделе торговли и быта. И чем дальше читаю, тем больше рука тянется к фронтовой тетрадке в черном клеенчатом переплете, где записана беседа со старшим сержантом Героем Советского Союза Ильей Яковлевичем Сьяновым.

Разумеется, я не стану приводить здесь всего рассказа Сьянова. Мне лишь хочется напомнить, что начал он его тогда, в мае 1945 года, у стен рейхстага, вот с чего: «До войны был я экономистом, работал в облисполкоме Кустаная, по торговле. Больше всего приходилось иметь дело с планами товарооборота, изучением покупательских способностей. Скажу вам прямо: это был один из самых сложных балансов. Моим оружием были тогда обыкновенные счеты, а на войне вот на смену счетам и балансам пришел автомат и гранаты. Теперь вернусь домой, к жене Нине Федоровне, двум своим сыновьям: Игорю, 7 лет, и Александру, 4-х. Что я буду делать дома? А то же самое: опять пойду по торговой части. Дело хорошее...» Так он и поступил, как я потом узнал.

Мне показалось нелишним сообщить об этом факте Раисе Федоровне Моисеенко, разочарованной в своей профессии, в той самой, которая не помешала Илье Сьянову стать Героем Советского Союза. Не должно быть у нас такой профессии, которая могла бы унизить человеческое достоинство.

«Надо поднять авторитет всех честных людей», — пишет из города Валуйки Маргарита Петренко, но рядом с этими словами читаю: «плохие глаза». Их упоминает Зоя Шурупова, буфетчица, кстати говоря, землячка Ильи Сьянова, из Кустанайской области, Джангильдинского района, из поселка Тургай. Зоя Шурупова пишет: «Еще не вывелись люди, которые смотрят на продавца плохими глазами. И хочется сказать им, что мы такие же труженики, как и люди других профессий, как и их, нас с детства учат быть честными и правдивыми. И мы такими стараемся быть». Рядом со словами «плохие глаза» девушка написала «доброе имя».

Все озабочены тем, чтобы никто у нас не чернил доброго имени человека.

«Возможно, я, как говорят, «машу руками после драки», но мне здорово хочется, чтобы в нашей стране, стране, где любой труд на благо народа почетен, как-то изменилось общественное мнение и отношение к торговым работникам, — начинает свое письмо в редакцию Нина Михайловна Медведева. — Теперь я работаю в общеобразовательной школе преподавателем производственного обучения продавцов.

Я стараюсь передать своим девочкам всю полезность работы продавца, этой нужной профессии, которая не отомрет и в будущем. Но вот тут-то встречается «но»... Девочки идут в кино, а там работники торговли — хапуги и воры. Девочки читают книги, а там работники торговли — мошенники.

Как же мне быть?

Нам в торговлю нужны образованные, культурные работники, помогите же понять нашим покупателям и родителям подрастающего поколения, что труд в торговле так же почетен, как и в любой отрасли народного хозяйства страны».

Удобрения из воздуха

Вы, наверное, не догадываетесь, что обычная вода, текущая тонкой струей из-под крана, может стать дешевым и простым азотистым удобрением. И тем не менее это так.

В воде растворено огромное количество мельчайших пузырьков воздуха, который, как известно, более чем на две трети состоит из азота — вещества, крайне необходимого растениям. Но непосредственно из воздуха добывать азот сложно: нужен целый завод. А вот из воды...

В ведро с водопроводной водой опустили два электрода и произвели высокоимпульсный разряд. Под действием тока вода начала распадаться на кислород и водород. Кислород вступил в соединение с азотом воздуха, растворенным в воде. Образовалась окись и закись азота.

Что же касается водорода, то он тоже, не медля, спешит на свидание к атомам азота, образуя аммиак. Все эти новые соединения легко растворяются в воде. Через 15—20 минут после начала опыта количество азотистых соединений в воде возросло в 30 раз!

Этот интересный эксперимент был проведен в Москве, в лаборатории химической переработки топлива Института горючих ископаемых.

Предстоит провести широкие сельскохозяйственные испытания по поливу растений водой с повышенным содержанием азотных соединений.

Л. ЛИФШИЦ

Устрицы в клетке

Черное море. Кинбурнская коса. Голая, бесплодная степь—безбрежные пески, сухие кустики полыни, звенящие под горячим ветром. Ягорлыцкий лиман беден рыбой. Но в нем таятся иные богатства—черноморские устрицы, превосходящие по своим вкусовым качествам знаменитых итальянских.

Вместе с сотрудниками Азово-Черноморского института рыбного хозяйства и океанографии мы в аквалангах погружаемся в воды лимана. Вода кажется плотной, непроницаемой. Вдруг перед глазами — поистине фантастическое зрелище. В толще воды висят клетки, похожие на птичьи. В них устрицы.

Почему устриц заключили в клетки, словно канареек? Об этом нам рассказывает старший научный сотрудник института А. Иванов:

— Ученым нужно определить темпы роста моллюсков, чтобы знать, какой урожай и в какие периоды следует снимать с подводных угодий. Может быть, именно так будут выглядеть в скором времени наши устричные хозяйства. В клетки посадят взрослых устриц. В их мантиях находятся мириады личинок, которые, выйдя в воду, прикрепятся где-нибудь поблизости. В определенное время достаточно будет вытянуть раму на поверхность и собрать урожай.

— А чем полезны устрицы?

— Человеческому организму нужно много веществ, которые не всегда найдешь в обычных продуктах. А во многих морских моллюсках, таких, как гребешки, устрицы, мидии и трепанги, они содержатся в изобилии. В таких дарах моря нуждается и медицина. Устрицы и мидии, например, хранят в себе чудесные свойства кроветворения. В них имеются микроэлементы, которые способствуют излечению одной из самых страшных болезней — белокровия.

О. ЧИЛИКИН

ПОТОНУВШИЕ МАТЕРИКИ

Кто не слышал об Атлантиде — большом острове или материке, якобы существовавшем в Атлантическом океане и затонувшем в результате катастрофического землетрясения? Однако мало кто знает, что опустившиеся на дно крупные участки суши предполагаются и в Тихом и в Индийском океанах и в Арктическом бассейне.

По данным советских исследователей, дно Индийского океана между Мадагаскаром и Цейлоном имеет сложный рельеф и платообразные возвышенности. Среди донных осадков центральной части океана находятся грубообломочные отложения, характерные скорее для прибрежных областей, чем для открытого океана.

Геофизические исследования дна Аравийского моря — части Индийского океана между Индией и Африкой — показали, что под слоем донных осадков мощностью в 2—3 километра, по-видимому, залегают гранитные породы. Французские ученые, которые проводили тут географические исследования, предполагают, что между полуостровом Индостан и Мадагаскаром существовала суша, опустившаяся на дно океана около 30 миллионов лет назад.

Теперь взглянем на карту Северного полушария. Советские ученые в 1948 году установили, что по дну Северного Ледовитого океана протянулся огромный хребет, получивший название хребта М. В. Ломоносова. Недавно обнаружен еще один подводный горный хребет, почти параллельный хребту Ломоносова; этот новый хребет — Менделеева — идет от Северной Земли к северо-восточной оконечности Гренландии.

Для исследования хребта Менделеева взяли пробы донных грунтов с его поверхности. Образцы носили следы наземного выветривания и содержали так называемый терригенный материал — материал, принесенный с суши. Было установлено, что еще в сравнительно недавнее время хребет Менделеева возвышался над уровнем моря и преграждал доступ теплым водам Гольфстрима к центру Арктического бассейна. Как показало определение возраста донных осадков с помощью радиоактивного углерода, хребет Менделеева скрылся под водой около 9 300 лет назад.

Ю. РЕШЕТОВ

Легкие, прочные

Это случилось между Сочи и Хостой, там, где каменная гряда, чуть скрытая водой, далеко выступает в море...

— Хорошо идут!— Сотни людей следили за двумя быстроходными катерами.

Вот уже близко подводные камни. Пора сворачивать в открытое море. Но катера не меняют направления...

От сильного удара один из катеров даже подпрыгнул. Спустя мгновение к нему уже спешили на помощь. Но она не понадобилась. Катерок развернулся и понесся догонять товарища.

Так проходили испытания легких судов из стеклопластика. Металлический корпус от такого удара получил бы пробоину или вмятину, а пластмасса спружинила, осталась только длинная царапина.

Быстроходный водометный почтовый катер — новинка советского судостроения. Он весь из стеклопластика. И корпус и надстройки — все, кроме двигателя. В будущем году такие катера побегут по рекам Сибири.

Вес катера — три тонны, а осадка на ходу — всего лишь десять сантиметров. Отмели и перекаты для них — надежная дорога.

За последние годы появилось целое семейство судов, построенных из стеклопластиков. Этот материал по прочности равен некоторым сортам легированной стали, но в 4,5 раза легче. Он не боится коррозии, агрессивных сред, растворителей, атмосферных влияний, не меняет свойств при температурах от минус 70 до плюс 100 градусов. Корпус такого судна не нуждается в окраске: пластик может быть изготовлен любых цветов.

Шлюпки и яхты, рыбацкие лодки и боты, обычные катера и катера на подводных крыльях, пассажирские и грузовые теплоходы грузоподъемностью до ста тонн — таков сегодня диапазон применения пластмасс в речном и морском флоте.

Большая химия кладет начало новому направлению советского судостроения.

А. ДЕНИСОВ

ПРОПОЛКУ ВЕДУТ ЛЮМИНОФОРЫ

Ступая босыми ногами в воду, не разгибая спины, медленно движутся люди. Нелегкая работа — прополка риса. Как облегчить ее? Обычно побеги риса показываются над водой раньше сорняков. Нельзя ли воспользоваться этим? Преподаватель Нукусского пединститута почвовед В. В. Седов пустил на воду люминесцентное вещество. Люминофор закрыл ультрафиолетовым лучам доступ к сорнякам, оставшимся под водой, и они постепенно заглохли без света. Рис, успевший выглянуть на поверхность, развивался нормально.

•

НА ЭКРАНЕ — СЕРДЦЕ

Известному итальянскому ученому профессору Даниэлю Петруччи впервые в истории медицины удалось заснять на кинопленку сердце человеческого зародыша в тот момент, когда оно начинает биться.

•

БЕСПРОВОЛОЧНЫЙ ИМПУЛЬС

В США сделано специальное устройство, с помощью которого можно завести мотор и одновременно включить отопление автомобиля, сидя в кресле у себя дома.

•

МОЛНИЯ ДАЕТ АЗОТ

Крупнейшим поставщиком азота является молния. При каждой грозе Земля получает огромное количество связанного азота, который крайне необходим для питания растений. Согласно статистическим данным и наблюдениям, на земном шаре ежедневно происходит 44 тысячи гроз. Подсчитано, что это ежегодно дает в среднем 100 миллионов тонн азота.

•

ЧАСЫ ЛЮБЯТ ХОЛОД

Специалисты швейцарской фирмы нашли оригинальный способ хранения часовых механизмов: их поместили в огромный рефрижератор, рассчитанный на 1,5 миллиона часов. Оказалось, что хранение при низких температурах обеспечивает точность механизмов.

•

ВМЕСТО ОКРАСКИ — ТАБЛЕТКИ

Сотрудники одного британского госпиталя установили, что женщины, принимавшие в больших дозах таблетки лекарственного препарата «ресочин», за несколько месяцев становились блондинками. Как только принятие лекарства прекращалось, волосы постепенно приобретали свою естественную окраску.

Ф. РУМЯНЦЕВ

Игорь ГРИГОРЬЕВ

Фото Д. УХТОМСКОГО.

Кобальтовая пушка

Мы недоуменно переглянулись.

— Простите, как вы сказали?

Главный конструктор установки повторил:

— Вы не ослышались. Именно так вы можете озаглавить ваш репортаж. Наша пушка действительно кобальтовая,— продолжает Борис Борисович Юрьев.— Помнится, несколько лет назад нам подарили около трех граммов радия. Подарок оценивался миллионами. Мощность нашей установки для лечения опухолей эквивалентна 6,5 килограмма радия. Внушительно, не правда ли?

— На какой срок хватает заряда?

— Примерно на пять лет. Правда, лучевая отдача за это время понизится. Но эти изменения для специалиста не останутся незамеченными.

Вот показались узорчатые ворота клиники. Здесь, в одном из новых корпусов, построенных специально для гамма-терапии, «Вольфрам», пушка, стреляющая гамма-лучами, проходит последние испытания.

Большая продолговатая комната. Посредине — прибор. Нежно-желтая окраска. На внушительной дуге — конусообразный контейнер. В нем — ампула с радиоактивным изотопом. Пользуясь тем, что прибор не работает, пытаюсь заглянуть внутрь контейнера.

Стеклянное окошечко в паутине координационных осей. Где-то в глубине — лампочка. За окошечком — отверстие, через которое на опухоль полетят гамма-лучи. На плоскость подвижного стола ложится медицинская сестра, помогая нам представить, как будет действовать пушка.

— Скажите,— обращаюсь я к врачу,— в чем сущность гамма-терапии?

— Общеизвестно,— поясняет врач,— что опухолевые клетки размножаются чрезвычайно быстро. В этот период они особенно чувствительны к радиации. Гораздо больше, чем здоровые. И это особенно ценно для медиков. Гамма-лучи разрушают именно пораженные ткани. Больные клетки погибают. Рост опухоли останавливается.

Допустим, опухоль находится в грудной клетке,— продолжает врач,— и мы точно знаем ее границы. Включаем лампочку. Нехитрые манипуляции регуляторами, и фокус наведен. Теперь (разумеется, после того, как все выйдут из комнаты) можно начинать сеанс. Все то, что вошло в световую зону, подвергнется воздействию гамма-лучей. По своему усмотрению мы можем увеличивать или уменьшать ее; это зависит от размеров опухоли, от ее конфигурации. Точность прибора настолько велика, что здоровые ткани, как правило, не затрагиваются. В этом одно из достоинств «Вольфрама». Больше того, если перед началом сеанса границы опухоли потребуется закоординировать заново или уточнить какой-то участок, достаточно повернуть стол, и больной оказывается под рентгеновским аппаратом. Эта очень удобная комбинация — еще одно из достоинств установки.

— Простите, но ведь опухоли бывают разные. Следовательно, и методы их лечения должны быть различными.

— Совершенно верно. Те, что располагаются на поверхности, хорошо поддаются прямому облучению. Это так называемый статический метод. Метод старый, опробованный. Но и он претерпел на «Вольфраме» существенные изменения. И прежде всего временное. Если раньше сеанс продолжался шесть — восемь минут, теперь вполне хватает двух-трех. А это — немаловажное обстоятельство.

Труднее приходится с глубоко залегающими опухолями. Здесь от прибора требуется особая точность. Лечение глубоко залегающей опухоли лучше проводить подвижными методами гамма-терапии, когда пучок гамма-лучей все время проходит с высокой точностью через опухоль. Это позволяет создать бóльшую мощность дозы на опухоли и значительно снизить ее на окружающие опухоль здоровые ткани.

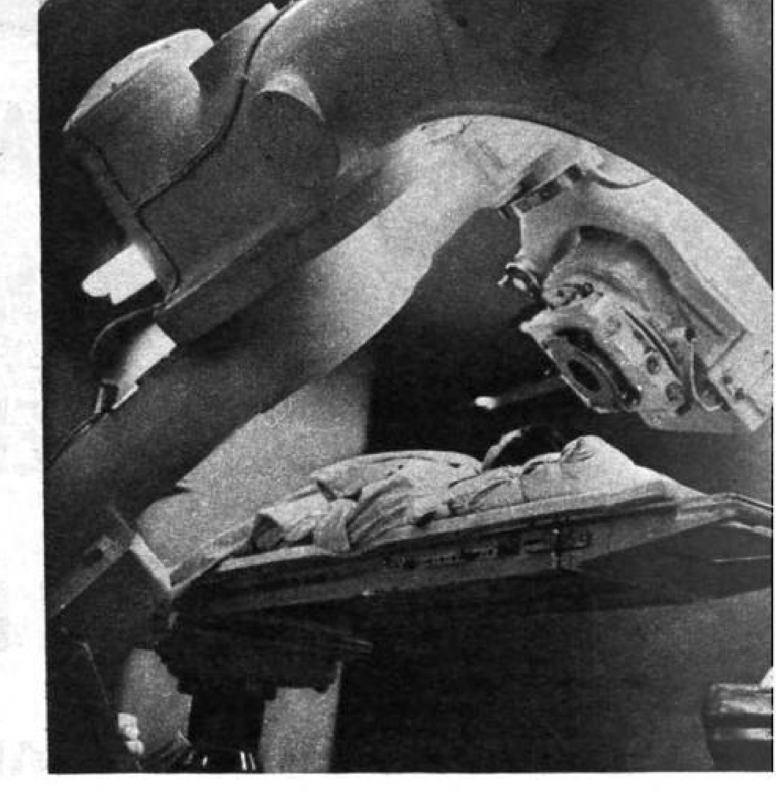
В таких случаях автоматическое управление аппаратом позволяет выбрать любой сектор, в котором будет проводиться облучение. Так как лучевой поток совершает сложный, подчас очень замысловатый путь, то здесь необходимо поддерживать строго постоянную скорость на всех участках движения. Иначе доза облучения будет распределяться неравномерно.

И надо сказать, что все эти проблемы конструкторы «Вольфрама» разрешили.

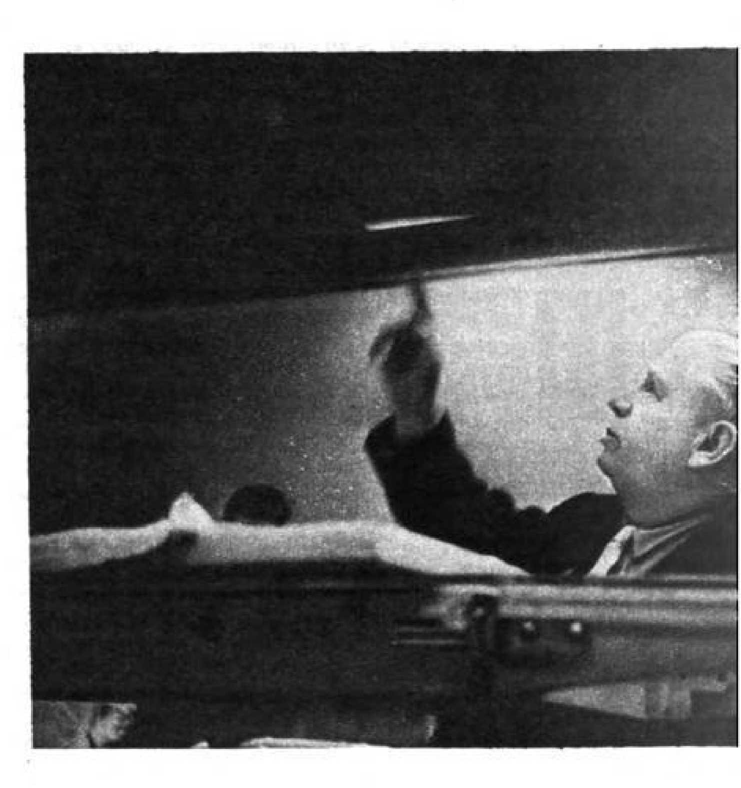
— Ну, а врачи? Не может же человек постоянно находиться рядом с радиоактивным источником!

— Конечно. В данном случае в этом нет никакой необходимости. Управление «Вольфрамом» полностью автоматизировано. С подвижного пульта, который находится здесь, ведется настройка аппарата, после чего врач переходит в другую комнату.

Мы сделали то же самое. На панели пульта управления много всевозможных приборов и сигнальных ламп. В центре — телевизионный экран. Дается ток, и на экране появляется изображение. Ясно вижу лицо и фигуру сестры, лежащей на столе. Так же четко вырисовывается «Вольфрам». Нажимаются кнопки, и контейнер послушно вращается, совершает колебательное движение, останавливается. Биологическая защита контейнера настолько надежна, что остаточные излучения не представляют опасности.

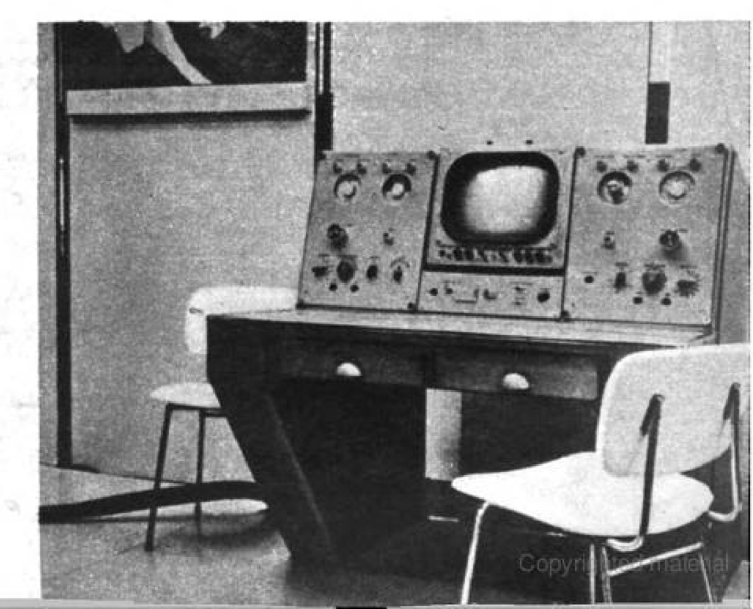

Так действует «Вольфрам».

Главный конструктор установки, лауреат Государственной премии Б. Б. Юрьев.

Пульт управления пушки.

МАДАМ ПУШКИН, АМЕРИКАНСКИЙ ГЕНЕРАЛ-ПОЧТМЕЙСТЕР И КРАМОЛЬНЫЙ «ОГОНЁК»

Американские подписчики «Огонька» снова жалуются на то, что они не получают наш журнал. Редакция попросила корреспондента «Правды» в Нью-Йорке Бориса Стрельникова выяснить, что же происходит с «Огоньком» в Соединенных Штатах Америки.

Б. СТРЕЛЬНИКОВ

По моим подсчетам, в январе вышло в свет 5 номеров «Огонька». Однако ни один из них не достиг корреспондентского пункта «Правды» в Нью-Йорке, миссии СССР при Организации Объединенных Наций, секретариата ООН, многих американских подписчиков в разных городах страны.

Сотни январских экземпляров «Огонька», совершив на самолетах путешествие из Москвы в Нью-Йорк, бесследно исчезли где-то в подвалах нью-йоркской таможни или городского почтамта.

В конце января я предпринял поиски пропавших без вести журналов. Я начал с таможни. Телефонистка соединила меня с «мадам Пушкин» из оффиса господина Фишмана. Таинственная «мадам Пушкин» (с ударением на «и») из загадочного оффиса господина Фишмана (с ударением на «а») говорила по-английски с заметным русским акцентом, но когда она заговорила по-русски, я перестал ее понимать из-за ее сильного английского акцента. Тем не менее я разобрал, что таможня своевременно получила журналы и будто бы, не особенно задерживая их, передала на почтамт для доставки подписчикам. «Мадам Пушкин» даже назвала мне некоторые даты прохождения «Огонька» через таможенное чистилище. (Для сведения американских корреспондентов, которые, безусловно, заинтересуются этой заметкой для того, чтобы попытаться опровергнуть ее, я могу со слов «мадам Пушкин» сообщить, что «Огонек» № 1 и № 2 прошли таможенный осмотр 14 января 1964 года, а «Огонек» № 3 — 23 января 1964-го, каковые события официально зарегистрированы в специальном таможенном журнале)

Однако чиновники нью-йоркского почтамта решительно и категорически отвергли оптимистическое заявление «мадам Пушкин», более того, они рассердились на нее. Помощник генерал-почтмейстера, с которым я разговаривал, гневно воскликнул: «Да как она смеет все сваливать на нас!» И позвонил кому-то на таможню. После этого торжествующе объявил мне, что «мадам Пушкин» ничего подобного не говорила!

Не веря своим ушам, я попросил телефонистку соединить с «мадам Пушкин».

«Я очень вэри сорри,— услышал я ее голос.— Но я бы не хотела больше ту спик на эту тему».

Согласитесь, что в том, о чем я рассказал выше, есть элемент таинственности. Но еще более таинственным показался вопрос, заданный мне на почтамте.

«А декларацию о подрывной литературе вы получили?»

Я сказал, что не получал.

«Ага!— гаркнул почтовый чиновник.— Вам забыли послать декларацию. Вот где зарыта собака».

«Что же теперь будет?» — робко поинтересовался я.

«Пока под декларацией не будет вашей подписи, вы не получите подрывной литературы,— охотно объяснил мне чиновник.— Я думаю, что ваш «Огонек» уже уничтожен».

Итак, мне забыли прислать декларацию. А вот моему коллеге, корреспонденту Московского радио Александру Дружинину, повезло. Он на днях получил декларацию. В ней сказано: «На ваше имя из одного иностранного государства получен почтовый материал. В соответствии с законом 87—793 этот почтовый материал представляет собой коммунистическую пропаганду. Он не может быть передан вам, если вы не известите, что хотите получить его. Если ваш ответ не будет получен нами в течение 30 дней, то будет предположено, что вы не хотите получить это издание или какое-либо подобное издание. В таком случае этот почтовый материал будет уничтожен».

Подпись:
генерал-почтмейстер.

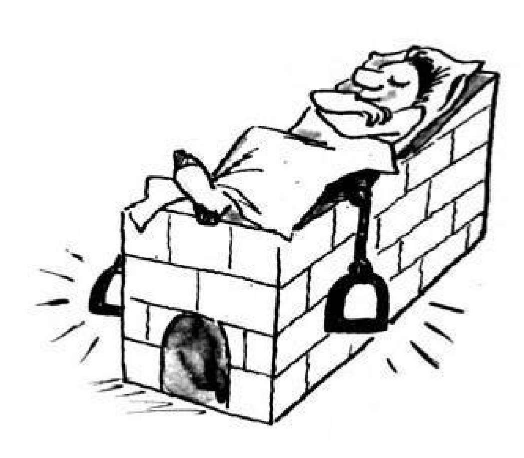
Вот как трогательно заботится нью-йоркский генерал-почтмейстер о том, чтобы советские корреспонденты в США не попали на удочку советской пропаганды: дескать, будьте бдительными, ребята!.. Одно иностранное госу-

— Учтите: мой поезд уходит через сутки.
Рисунок И. Оффенгендена.

— За семейный цветной снимок я беру семь шкур!
Рисунок А. Сухова.

Наездник на пенсии...
Рисунок А. Грунина.

дарство!.. «Огонек»!.. Понимаете, дескать, чем это пахнет?

Такие предупредительные письма получили в прошлом году корреспонденты нью-йоркского отделения ТАСС, корреспонденты «Известий», «Труда», «Сельской жизни». А вот мне забыли послать. И постоянному представителю Советского Союза при ООН Н. Т. Федоренко тоже забыли. И заместителю генерального секретаря Организации Объединенных Наций В. П. Суслову забыли. А поскольку у генерал-почтмейстера нет наших писем о том, что мы умоляем разрешить нам хотя бы одним глазом взглянуть на то издание, которое мы, не спросясь его, генерал-почтмейстера, выписываем из своей родной страны, то наш «Огонек» приказано уничтожить.

Вот такие веселые дела творятся в просвещенной стране «самой широкой демократии», где будто бы выписывай что хочешь, читай что хочешь, наслаждайся «свободой информации» и упивайся «свободой обмена идей».

Хочешь читать «Огонек»? Пожалуйста! Только мистер Браун, или Смит, или, как там тебя, распишись вот здесь, что, мол, генерал-почтмейстер предупреждал тебя о возможных неприятных последствиях.

Разумеется, отношения между американскими почтальонами и американскими читателями относятся к области внутренних проблем Америки, и мы не собираемся в эти странные и сложные отношения вмешиваться.

Меня лично занимает другой вопрос. Мне лично очень было бы интересно посмотреть на лица сотрудников американского посольства и американских корреспондентов в Москве, которым бы наши почтальоны перестали приносить «Лайф», «Ньюсуик» и «Тайм» под тем предлогом, что это-де «капиталистическая пропаганда».

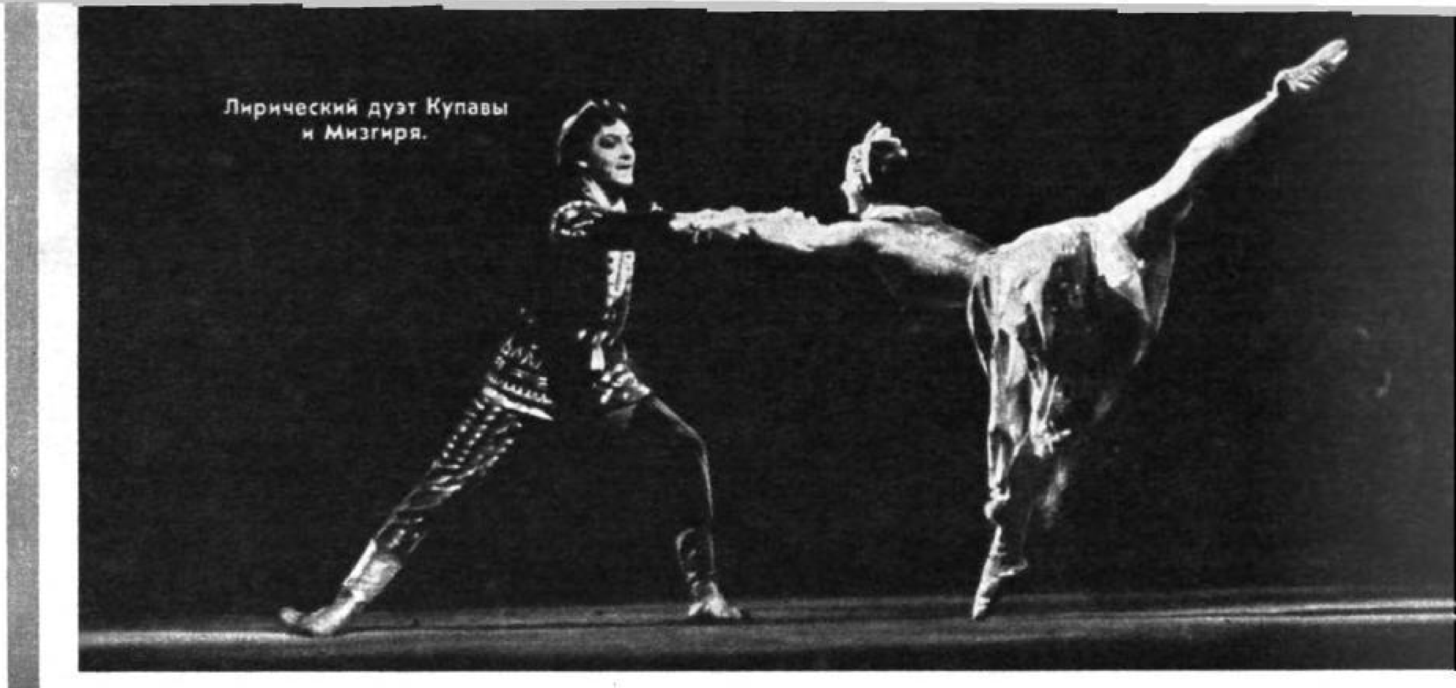
У нас, конечно, этого произойти не может. Я знаю директора московского почтамта: это умный и воспитанный человек.

Нью-Йорк, по телефону.
28 января.

— Смелее, профессор, я дрессированный...

Рисунок Д. Белова.

Лирический дуэт Купавы и Мизгиря.

Весенняя сказка «СНЕГУРОЧКА»

Новый балет в Музыкальном театре имени К. С. Станиславского и В. И. Немировича-Данченко

Н. ВЕРШИНИНА

На премьере весенней сказки А. Н. Островского «Снегурочка» в Московском Художественном театре — а было это в 1900 году — присутствовал Алексей Максимович Горький.

Он писал потом Чехову: «Как все это было славно! Как сон, как сказка! Великолепен царь Берендей — Качалов, молодой парень...»

Да, так уж повелось: премьера «Снегурочки» всегда праздник и торжество молодости в искусстве.

Так было в самом начале XX века, когда молодые артисты молодого Художественного театра показали зрителю свою прелестную «Снегурочку» и подарили москвичам замечательного артиста Василия Ивановича Качалова, в 25 лет триумфально дебютировавшего в роли царственного старца Берендея; так случилось и сейчас.

У нас речь пойдет о балете «Снегурочка». И вновь пленительную, заразительную молодость его создателей следует отметить прежде всего. Но тут первое слово о Бурмейстере, о том самом Владимире Павловиче Бурмейстере, которого советский зритель знает и любит уже много-много лет за его великолепные постановки балетов «Лебединое озеро», «Виндзорские проказницы», «Штраусиана», о том самом, 60-летие которого отмечается в этом году. Каким же надо быть молодым, влюбленным в жизнь человеком, лирически воспринимающим все радости жизни, чтобы так воспеть и пробуждающуюся жажду любви Снегурочки и половодье чувств Купавы! Как надо любить народное искусство, чтобы придумать такие смешные безудержные пляски веселых берендеев; как надо великолепно знать классический балет, чтобы создать безукоризненный по линиям танец снежинок; как надо любить русскую природу, чтобы так воспеть ее! И, наконец, какой смелой, неистощимой фантазией нужно обладать, чтобы после вошедших в историю мирового театра замечательных драматических спектаклей «Снегурочки» и не менее прославленных постановок одноименной оперы Римского-Корсакова взяться за сочинение балета по мотивам все той же сказки Островского!

Итак, после говорящей, после поющей Снегурочки мы увидели Снегурочку танцующую. И хотя ей было много труднее вступить в жизнь — ведь в отличие от своих двойников она лишена была замечательного стихотворного текста Островского,— все мельчайшие переживания ее души, сложное развитие образа ясны даже самому не искушенному в балете зрителю. Так талантливо, щедро, умно и выразительно это изображено в балете.

Но это все присказка, а сказка...

Сказка! Подлинная русская народная сказка живет на сцене Музыкального театра имени Станиславского и Немировича-Данченко, когда идет там балет «Снегурочка».

Смотрите последнюю страницу обложки

В глухих лесных чащах, в царстве снежинок, таит Дед Мороз свою дочку Снегурочку, тщательно оберегая ее от людей и от злейшего врага, Ярилы-солнца. Привольно здесь Снегурочке: запряжет снежинок и мчится навстречу ветру или водит вместе с ними хороводы. Как-то заигравшись в лесу, Снегурочка случайно видит свидание Купавы и Мизгиря. С изумлением и восторгом созерцает она лирический дуэт, в котором ласка и нега, пылкость и страстность. И, словно магнитом влекомая, не отдавая себе отчета, не ведая куда, не ведая зачем, но ведая за кем, уходит за Мизгирем и Купавой к людям.

Так начинается балет, сочиненный Бурмейстером на музыку П. И. Чайковского к пьесе Островского «Снегурочка», так мы знакомимся с его главными героями — Снегурочкой (С. Виноградова и Л. Трунина), Купавой (Л. Савина и З. Власова) и Мизгирем (Ю. Кузнецов и Э. Перкун).

Спектакль этот — поэма о любви, любви, которая не видит и не знает на своем пути преград: любви всепоглощающей, всепобеждающей.

О любви, пробуждающей в человеке жажду жизни, рассказывают нам поэтическую сказку.

Прежде всего рассказывает сама Снегурочка. В ее ласковом, нежном облике раскрыта поэзия расцветающей любви. Шаловливый, причудливо-игривый, своенравный подросток вначале, зачарованная, идет она к людям, чтобы все увидеть, все понять, все перечувствовать. Нет, никак нельзя сказать, что ей «недостает сердечного тепла». Снегурочка не чужда любви, она просто не знает ее. «Хочу любить, а как любить его?»

Вот на этот вопрос Снегурочке никто не поможет найти ответ, ведь нет в спектакле ни матери-Весны, ни друга, юного пастуха-певца Леля. Собственно, Лель-то есть, но его образ, пожалуй, единственный в балете решен очень поверхностно. И Снегурочка сама пролагает путь своей любви. Вот первый дуэт с Мизгирем — первое объяснение. Механически повторяет она мизансцены Купавы. Только объятия ее, не согретые подлинной любовью, холодны и бесстрастны. Но с каждой сценой от пробуждающегося чувства все больше оттаивает Снегурочка. В ее танце уже нет движений заводной куклы, ребенка, изображающего взрослого. Ее движения становятся мягкими, плавными, округлыми, в них подлинная нежность и подлинный жар сердца. «Какая чувств истома!» Не в силах вынести «огонь любви», она при первых же лучах Солнца тает и исчезает бесследно.

А гусляры и скоморохи, пастухи и гудочники, шумный и пестрый берендеев люд, согретый приближением Ярилы, в своем танце приветствует жизнь, любовь и весну.

Зрители же своими долгими аплодисментами приветствуют тех, кто создал этот поэтичный спектакль: постановщика В. П. Бурмейстера, дирижера В. А. Эдельмана, художника Б. И. Волкова и талантливых молодых артистов.

На конк

Дорогие друзья!

Предлагаем вашему вниманию очередную мимическую сценку Театра миниатюр «Огонька». В главных ролях — известный актер Бухарестского театра комедии Ион Лучиан.

Но на этот раз представление будет несколько необычным.

Исполнитель по забывчивости не прислал в редакцию подписи к снимкам.

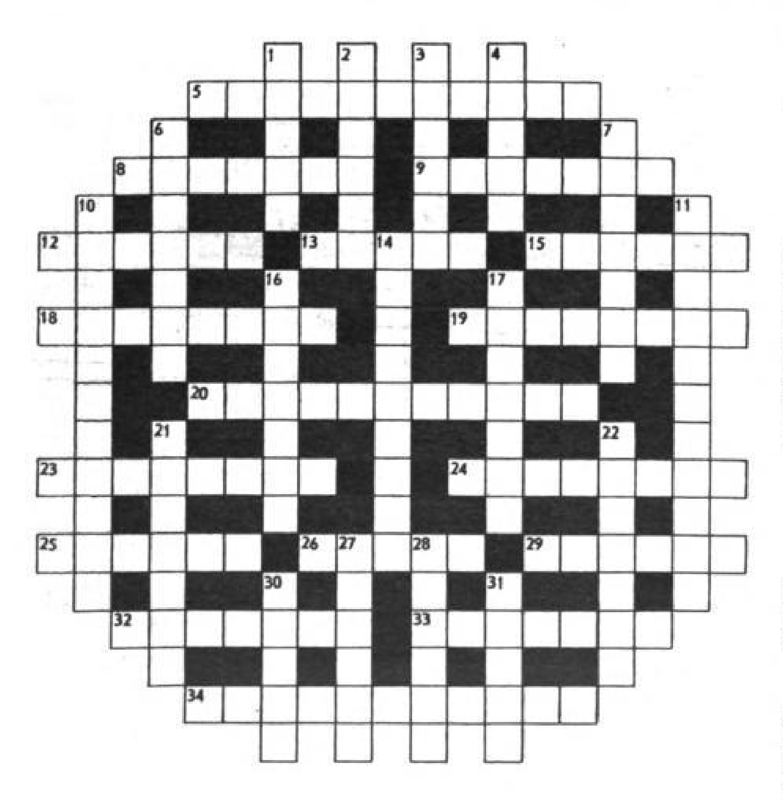
Любители сатирических миниатюр, ценители смешного могут написать по этим фотографиям маленький юмористический рассказ (размером не более двух машинописных страниц). Лучшие рассказы будут премированы и опубликованы в журнале.

Первая премия — 75 рублей.
Вторая премия — 50 рублей.
Третья премия — 25 рублей.

Срок конкурса — до 1 мая 1964 года.

Рукописи не возвращаются.

КРОССВОРД

По горизонтали:

5. Опера Н. А. Римского-Корсакова. 8. Город в Австрии. 9. Балерина, народная артистка СССР. 12. Железнодорожная платформа. 13. Подвесное ложе. 15. Портовое судно. 18. Название советского журнала. 19. Теплообменный аппарат. 20. Раздел физики. 23. Изделие из ткани. 24. Персонаж романа Н. Г. Чернышевского «Что делать?». 25. Образец. 26. Учебное заведение. 29. Лесная певчая птица. 32. Животный клей. 33. Игрок хоккейной команды. 34. Русский химик, ученик А. М. Бутлерова.

По вертикали:

1. Вращающаяся часть электрической машины. 2. Древесная лягушка. 3. Гибкая упругая нить в некоторых музыкальных инструментах. 4. Стихотворение А. С. Пушкина. 6. Перерыв между отделениями концерта. 7. Часть города. 10. Громкоговоритель. 11. Помещение для научных исследований. 14. Советский педагог и писатель. 16. Порт в Тунисе. 17. Североамериканский черный медведь. 21. Зодиакальное созвездие. 22. Голландский живописец XVII века. 27. Глубокая узкая долина. 28. Масса снега, низвергающаяся с гор. 30. Начальный момент спортивного состязания. 31. Почтовый знак.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 5

По горизонтали:

5. Шостакович. 10. Романо. 11. Рельеф. 12. Медяница. 13. Дина. 14. Трот. 15. Бекас. 17. Феникс. 19. Самос. 20. Гроссмейстер. 23. «Пушка». 25. Амплуа. 28. Автор. 32. Обод. 33. Стан. 34. Трамплин. 35. Ателье. 36. Иттрий. 37. «Декабристы».

По вертикали:

1. Доломит. 2. Отрадное. 3. «Поединок». 4. Гидрант. 6. Полимер. 7. Сахара. 8. Плотва. 9. Ледокол. 16. Саржа. 17. Фаска. 18. Сосна. 19. Сцена. 21. Суббота. 22. Потанин. 24. Кудель. 26. Мопассан. 27. Угольник. 29. Высота. 30. Тетерев. 31. Финифть.

На первой странице обложки: Лидия Скобликова на дистанции.

Фото М. Боташева.

Главный редактор А. В. СОФРОНОВ. Редакционная коллегия: М. Н. АЛЕКСЕЕВ (заместитель главного редактора), Г. А. БОРОВИК, И. В. ДОЛГОПОЛОВ, Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), Л. Л. СТЕПАНОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14. Рукописи не возвращаются. Оформление Л. Шумана.

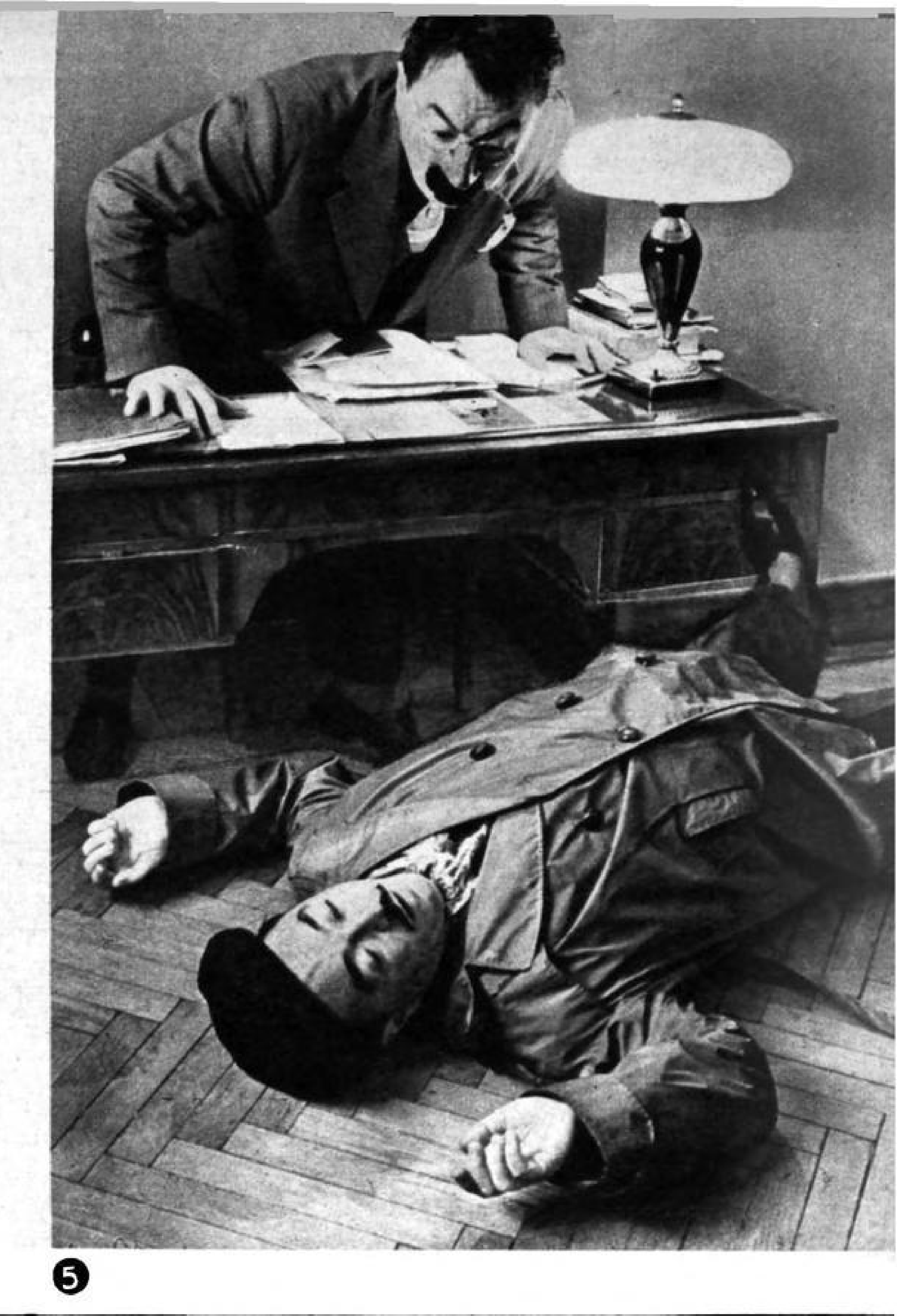
3

УРС ТМО

4

5

Зима

Рисунки Павла Бунина.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — Д 3-38-61. Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-36-53; Искусств — Д 3-38-33; Литературы — Д 3-31-83; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-08; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 00616. Подписано к печати 29/I 1964 г. Формат бум. 70 × 108¹/₁₆. 2,5 бум. л.— 6,85 печ. л. Тираж 1 990 000. Изд. № 197 Заказ 184

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Снегурочка — Л. Трунина, Мизгирь — Ю. Кузнецов.

БАЛЕТ « СНЕГУРОЧКА» в МУЗЫКАЛЬНОМ ТЕАТРЕ ИМЕНИ К. С. СТАНИСЛАВСКОГО и В. И. НЕМИРОВИЧА-ДАНЧЕНКО. Фото Е. УМНОВА.

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663

Купава — Л. Савина.

Сцена из III акта.

Снегурочка.

